ПИОНЕР 5

МАЙ ● 1977 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

19 МАЯ —
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ВСЕСОЮЗНОЙ
ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

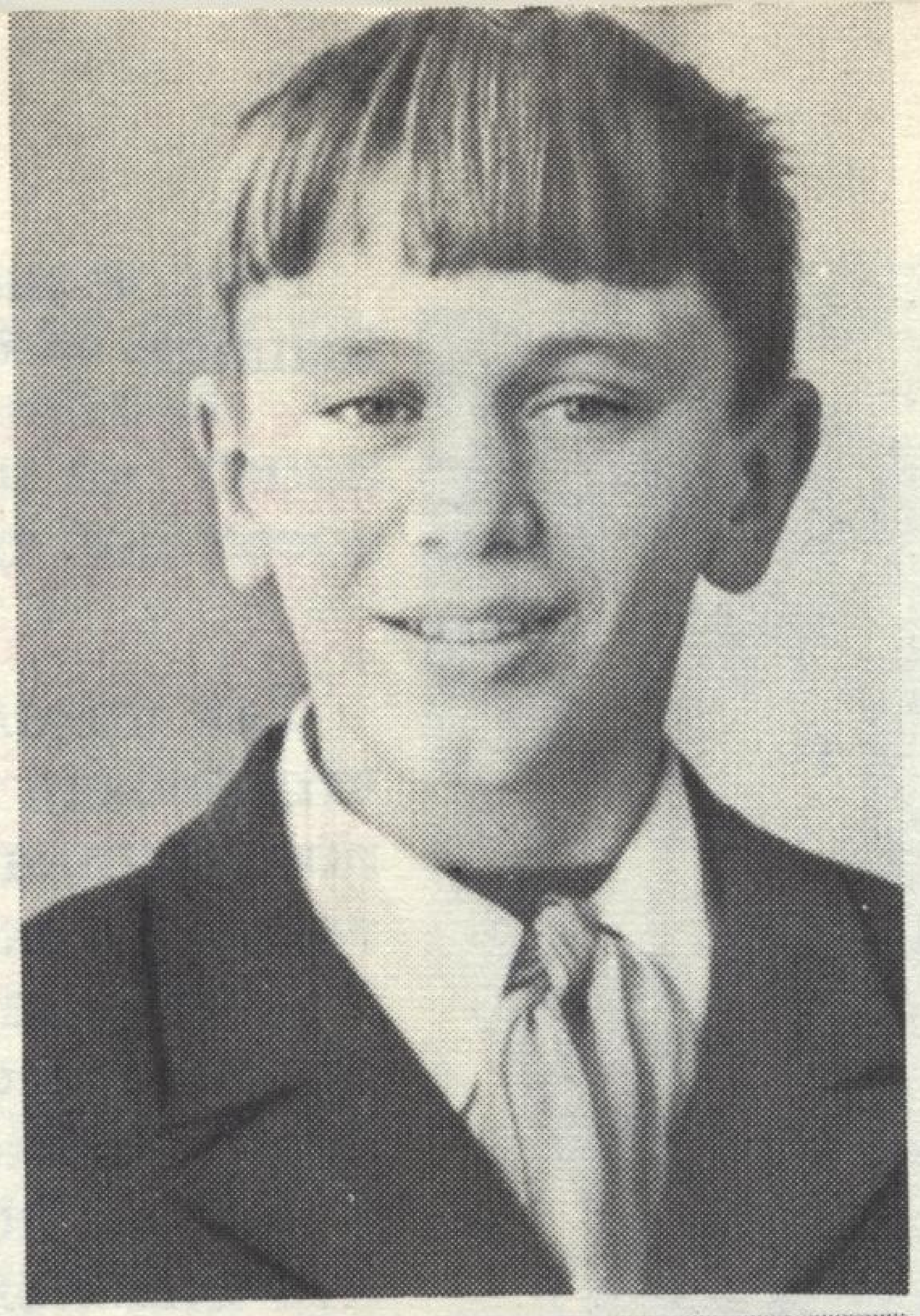
ОПЕРАЦИЯ «ЗЕРНЫШКО» ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Мы призываем всех пионеров страны продолжить операцию «Зернышко». Будем вместе со старшеклассниками еще лучше трудиться в ученических производственных бригадах, еще активнее заниматься в кружках юных механизаторов и животноводов, «Малых тимирязевках», «Школах умелых хозяев». Каждый пионерский лагерь — активный помощник колхозов и совхозов. Повсюду создадим пионерские посты по охране урожая. В дружинах и отрядах у всех воспитаем бережное отношение к хлебу.

Из Обращения активных участников Всесоюзной пионерской операции «Зернышко» ко всем пионерам страны .

Прочти рассказы ребят, которые были приглашены на встречу лучших участников Всесоюзной пионерской операции «Зернышко».



МОКРАЯ ДОРОГА, ПАТРУЛЬ И КОЛОСКИ

Ночью прошел дождь. Дорога раскисла, лужами заблестела. Тут глаз да глаз нужен. Патрули наши и дозорные ни на минуту с постов не уходили. Заметят ребята, как из кузова проходящей машины зерно сыплется: «Стоп, водитель!» Весь кузов своими молоточками обстукают, все щели помогут заделать. Только после этого: «Пожалуйста, путь открыт!»

Андрей Ласточкин,
Тамбовская область,
Мичуринский район,
Глазковская средняя школа.

НЕ ТОЛЬКО ХЛОПОК У НАС ВЫРАЩИВАЮТ...

Дружным отрядом выходили мы на сбор колосков. Самая совершенная техника не могла подобрать всех колосков с колхозного поля, а наши ловкие руки могли. Не только в поле ждали от нас помощи колхозники. Работали мои одноклассники и на токах, зерносушилках, штурвальными. Махматназар Хушвахтов предотвратил пожар. От случайной искры могло сгореть целое поле спелой пшеницы. Правление колхоза наградило Махматназара ценным подарком.

Фатима Саидова,
Таджикская ССР,
Дангаринский р-н, школа № 1.

ВЕСЫ И КОРЗИНЫ

Одноклассника Мишу Оу я вызвал на соревнование. Ему это понравилось. «А судить кто будет?» — спросил Миша. «Как кто,— отвечаю,— жюри — весы и корзины».

Каждый день после уроков выходили мы на плантации колхоза имени Кирова собирать виноград. Кисти—во! Каждая килограмма по полтора. Только успевай в корзины складывать.

Вечером подсчитали, кто сколько собрал. У меня по 450 килограммов ежедневно, у Миши чуть-чуть меньше. Настроение у друга сразу испортилось: «Что, я хуже тебя?» «Не расстраивайся,— говорю.— В нашем соревновании нет проигравших. А победил колхоз».

Гена Кубасов,
Молдавская ССР,
Чимишлийский район,
село Гура-Галбененей.

СОЛНЦЕ НАД ПШЕНИЧНЫМ ПОЛЕМ

Имя мне дали по деду. Он хлебороб, его сын хлебороб, внук тоже настоящим хлеборобом стать хочет. В прошлую страду дедушка в последний раз выводил свою «Ниву» на поля, а я первый. Дедушка ушел на пенсию, значит, мне нужно стать за штурвал комбайна вместо него.

За лето я научился многому. Был штурвальным, ремонтировал комбайн, порой подменял отца на комбайнерском мостике. Как жаль, что многие ребята не видят красного солнца, восходящего из спелой пшеницы.

Саша Шукман,
Кокчетавская область,
Чистопольский район,
Тахтабродская средняя школа.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

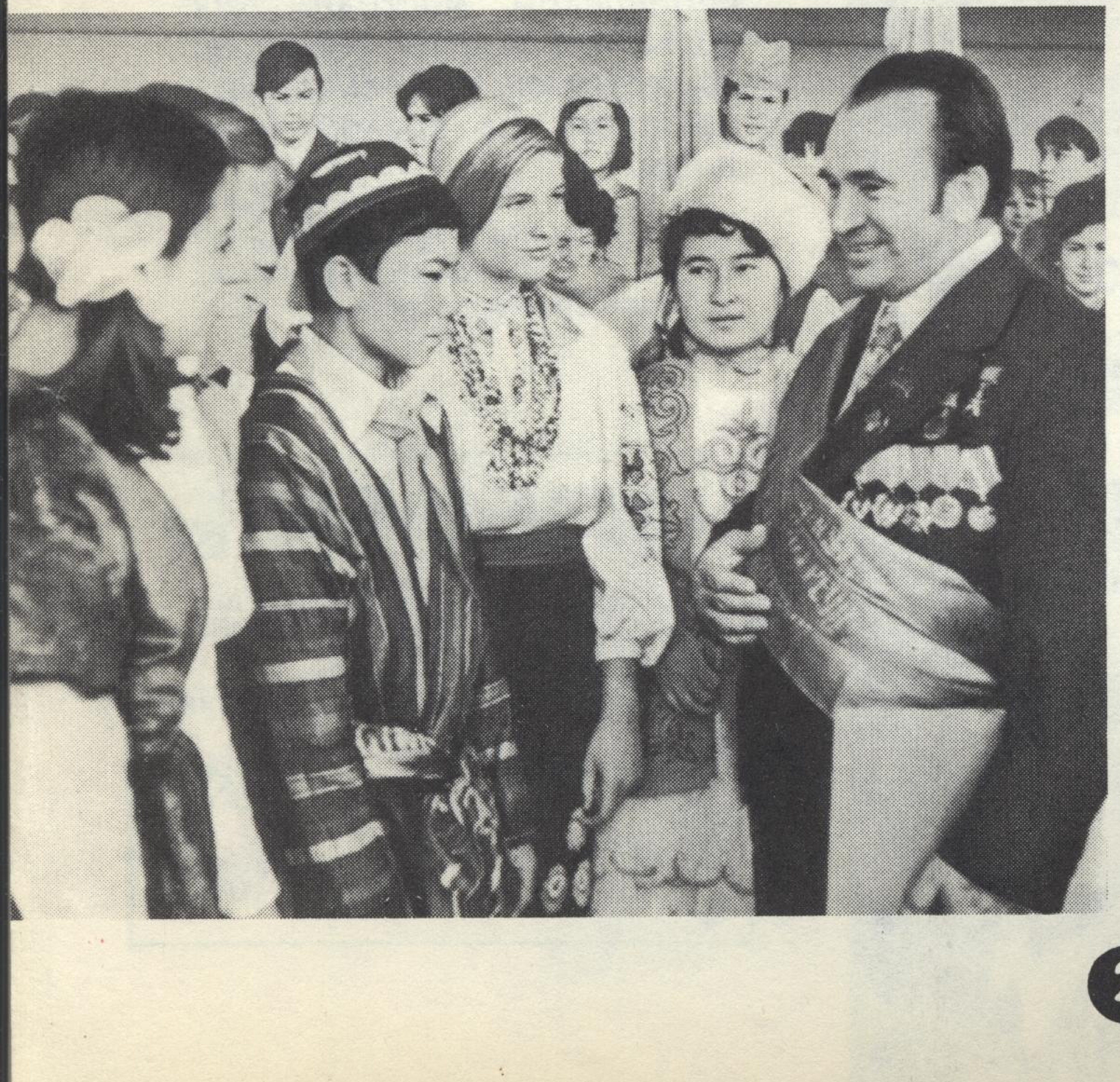
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Москва 1977 г.
Издательство «Правда»

Большой Хлеб и «Зернышко»

А. А. ДЕРКАЧ,
первый заместитель председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.



Всесоюзная пионерская операция «Зернышко» — что это такое?

«Зернышко»—это значит, что пионеры вместе со взрослыми заняты общим, государственно важным делом—заботой об урожае, о хлебе.

Так повелось в нашей пионерской истории, что ребята в красных галстуках всегда были помощниками взрослых в борьбе за урожай, за новую жизнь на селе.

В первые годы Советской власти юные ленинцы вместе с комсомольцами создавали отряды «легкой кавалерии», пионерские посты и дозоры по охране урожая, разоблачали тех, кто жег колхозное добро, прятал хлеб. Книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина открывает имя пионера-героя Павлика Морозова, совершившего свой подвиг, когда создавались первые колхозы.

И в военную пору колосок к колоску собирали ребята тонны зерна, заменяли на полях ушедших на фронт отцов и старших братьев. В летописи нашей пионерской организации — отличная работа ученических производственных бригад, где рядом со старшеклассниками трудятся пионеры; десятки ценнейших опытов для родных колхозов, собранный металлолом для стотысячной колонны тракторов в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина.

Продолжая эти традиции, работают сегодня пионерские посты по охране урожая, пионерские «фонарики» — младшие братья «комсомольских прожекторов». Пионеры создают «Малые тимирязевки», «Школы умелых хозяев».

«Зернышко»—это значит, что и в 1976 году в Большой битве за урожай участвовали пионеры.

...Было очень трудно. Затяжная зима, холодная весна. Ливни во время уборки... Но люди героически сражались за каждый центнер, за каждый колосок. И победили! Ты знаешь, в 1976 году получен самый высокий за всю нашу историю урожай — **224 миллиона тонн зерна!**

В этом сражении, как и всегда, рядом со взрослыми были ребята.

216 589 пионерских постов и дозоров действовало на токах и дорогах, по которым машины везли зерно в закрома.

159 788 пионерских «фонариков» помогало «комсомольским прожекторам».

204 165 пионерских агитбригад выступило с концертами на полевых станах.

О хлебе, об урожае, об умении хозяйствовать на родной земле говорили с пионерами знатные хлеборобы, первые целинники. На верхней фотографии ты видишь среди ребят лауреата премии Ленинского комсомола, трактористку Наталью Геллерт, а на нижнем снимке — со своими юными коллегами беседует Герой Социалистического Труда, один из первых целинников, Михаил Егорович Довжик.

Более 20 тысяч пионеров работали помощниками комбайнеров и штурвальными.

379 427 ребят проводили опыты на своих пришкольных участках и на полях колхозов и совхозов.

Всего в операции «Зернышко» принимало участие 5 миллионов 427 пионеров.

«Зернышко»—это значит, что растет поколение юных хлеборобов страны! Рачительных, бережливых хозяев всех богатств своей родной земли.

Днем и ночью работали на отгрузке зерна ребята из Эмбинской средней школы № 456 Мугоджарского района, Актюбинской области Казахстана. И каждые сутки отправляли на элеваторы по 25—30 автомашин с хлебом нового урожая. В том, что совхоз «Эмбинский» досрочно завершил сдачу хлеба, есть заслуга пионеров и школьников.

В Белоруссии ребята из Княжинской средней школы Могилевской области обратились ко всем пионерам и школьникам района с призывом: «Ни одного колоска в поле!» На этот призыв откликнулись две тысячи ребят. Район сдал дополнительно 320 центнеров зерна.

И, конечно, вспоминая летнюю страду прошлого года, нельзя не сказать о героическом поступке ваших сверстников — пионеров Васильевской 8-летней школы Липецкого района, Липецкой области. Они спасли хлеб во время пожара. Саша Уваров, братья Леша и Володя Растегаевы награждены путевками во Всероссийский пионерский лагерь «Орленок».

Коммунистическая партия, Ленинский комсомол высоко ценят участие пионеров в большом государственном деле — заботе об урожае. В сегодняшних пионерах и школьниках видят будущих мастеров сельского труда.

В начале ноября прошлого года в городе Целинограде собрались 134 пионера и 42 старших пионерских вожатых—лучшие участники Всесоюзной пионерской операции «Зернышко», чтобы обменяться опытом.

Здесь, на легендарной целинной земле, двадцать два года назад началось сражение за целинный миллиард. В мирный бой за хлеб в те памятные дни вел коммунистов Казахстана Леонид Ильич Брежнев. И каждый из нас знает, какой победой увенчалось это сражение. Сколько прекрасных подвигов совершено на целине, сколько выросло героев!

Участники операции «Зернышко», приехав на целинную землю из союзных республик, краев и областей, привезли с собой снопы — частичку урожая своей родной земли, и горсточки собранного ими зерна — в вышитых мешочках, в пакетах и просто в узелках. Когда все зерно высыпали на стол, стало ясно, что из этой пшеницы можно испечь большой интернациональный пионерский каравай.

На хлебопекарной фирме «Целинхлеб» пекла каравай, вернее много караваев, комсомольско-молодежная бригада Нины Юнг, наставник Анна Петровна Ушакова и мастер Иван Новгородский. Горячий хлеб — прямо из печи—обжигал ладони, но Федя Сергеев из Полтавы, Таня Самохвалова из Целинограда и Света Ветрий из Чутовской средней школы ни за что не хотели выпускать его из рук. Они держали хлеб, испеченный из пионерского «зернышка», высоко над головой и вместе со всеми скандировали: «Спа-си-бо!»

— Ушло напряжение жатвы,—сказал, обращаясь к ребятам, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР бригадир совхоза «Родина» Леонид Михайлович Картаузов,—хлеб засыпан в закрома. Но при нас хлопоты и заботы об урожае будущем. И мы, старшее поколение, горды тем, что вам, юному поколению, всегда близки и понятны заботы взрослых.

А другой знаменитый целинник, тоже Герой Социалистического Труда, Михаил Егорович Довжик на пионерском сборе «Слава хлебу и рукам, что его растили», сказал ребятам вот что:

— Мы верим вам, наша юная смена, мы ждем от вас новых трудовых достижений. А мы, старшее поколение хлеборобов, будем передавать вам опыт, знания и мастерство.

Всесоюзная пионерская операция «Зернышко» продолжается. Мы надеемся, что и ты примешь в ней участие.

Весной — поможешь готовить семенной фонд, вносить органические удобрения.

Летом—на уборке урожая встанешь рядом с механизаторами, будешь бороться с потерями зерна.

Осенью — примешь участие в отправке хлеба на приемные пункты, в заготовке кормов.

Зимой — станешь заниматься в агротехнических кружках, кружках юных полеводов и механизаторов.

Очень важно, чтобы в операции «Зернышко» каждый пионерский отряд, каждая пионерская дружина нашли свое место, вместе с коммунистами и комсомольцами, со всем советским народом участвовали в борьбе за 235 миллионов тонн зерна в год. Такой рубеж на конец пятилетки наметила партия.

Очень важно, чтобы пионерские отряды и дружины действовали инициативно, сами видели, где и какая нужна помощь. Чтобы пионеры учились всякую работу выполнять с полной отдачей сил, творчески, трудиться завтра лучше, чем вчера.

Очень важно, чтобы каждый пионер всем сердцем понял, что забота о хлебе — это и его дело, почувствовал свою личную ответственность за урожай, учился у старших мастерству, бережливости, экономии, хозяйскому отношению к народному добру.

Коммунисты и комсомольцы очень надеются на вас, ребята, и верят, что вы вырастете достойными продолжателями дела и подвигов старших поколений.

Фотографии В. ГУСЕВА.

Алексей КОНДРАТЬЕВ

ДЕВЯТОЕ МАЯ

К отцу товарищи пришли,
Присели у стола;
Негромко песню завели
Про давние дела.

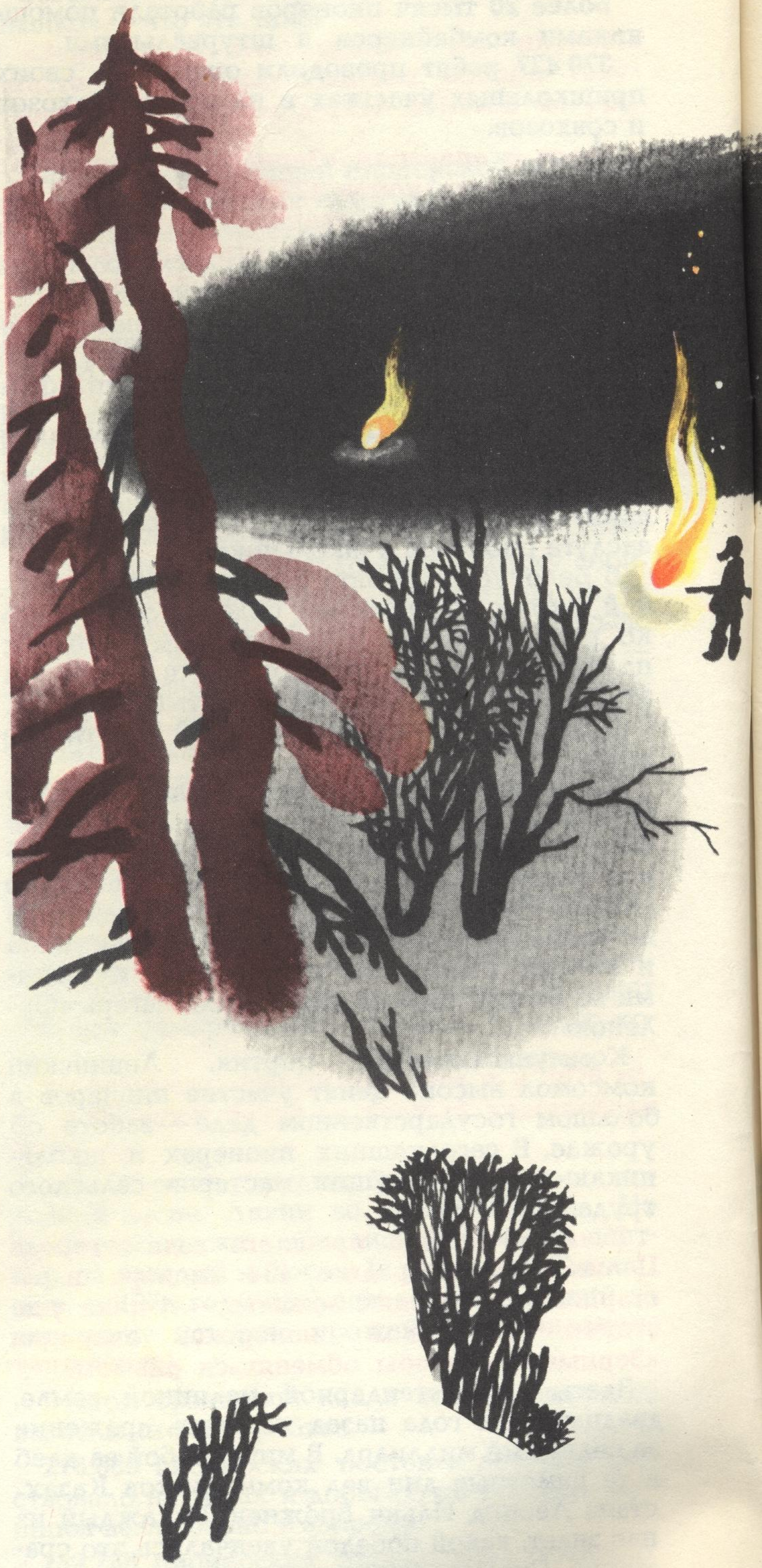
Всегда я этой песне рад,
Хотя грустна она:
Как будто бы и я солдат
И кончилась война.

И можно мне идти домой,
И мой разрушен дом;
Что был сейчас
Последний бой —
Нам верится с трудом.

Последний день
бессонных лет,
Последний в жизни
страх...

И яркий свет —
Победы свет
Навек у нас в глазах.
...Поют товарищи отца,
Как встарь слова
звучат...

Допели песню до конца.
Допели — и молчат.



В марте сорок четвертого года в партизанское соединение генерала Платона прибывал большой транспортный самолет.

Самолеты с Большой земли были в ту пору не в диковинку для партизан, это на самые первые самолеты, прилетавшие из-за линии фронта, смотрели с детским восторгом, восхищались, как дети восхищаются новой игрушкой, автоматами ППШ, уважительно поглаживали невиданные доселе тяжелые

Венька партизан

РАССКАЗ

Валентин ТАРАС

Рисунки А. АЗЕМШИ.

противотанковые гранаты. Теперь у многих были автоматы ППШ, даже у четырнадцатилетнего партизана Веньки был такой автомат, и патронов к нему хватало, не то что в начале сорок третьего, когда Венька таскал длиннющую для своего роста трехлинейку, а патронов к ней только и было, что в обойме: пять штук.

Но то было в начале сорок третьего, когда самолеты с грузом для партизан прилетали крайне редко, а садились и того реже, в случае особой необходимости. Если, например, нужно было вывезти тяжело раненных. Постоянного аэродрома тогда не было, летали к партизанам только «небесные тихоходы», или «кукурузники», как их еще называли, которые садятся на любую поляну. Теперь самолеты прилетали каждые две-три недели, и не только «кукурузники», но и двухмоторные транспортные, а им нужен

оборудованный аэродром. Такой аэродром был построен в глубине Налибокской пущи, самолеты садились на него, как в Тушине, хотя вокруг пущи еще стояли кое-где фашистские гарнизоны. При заходе на посадку самолеты совсем низко пролетали над ними, но немцы и полицаи в гарнизонах сидели тихо, как мыши в норах: ни одна зенитка не осмеливалась тявкнуть.

В ту ночь, когда ожидали очередной транспортный «дуглас», Венькин взвод нес охрану аэродрома,— отряды, входившие в состав соединения, поочередно выделяли на охрану аэродрома взвод автоматчиков. Три отделения взвода залегли в окопах прикрытия, а четвертое дежурило у посадочных костров. Как раз в этом отделении и находился Венька.

Костры — веселое дело, особенно на предутреннем мартовском морозе, когда старые, седые ели так и покрякивают от него, так и потрескивают. Градусов до двадцати, а то и больше жмет последний мартовский мороз. Не позавидуешь хлопцам, которые лежат в заснеженных, заледеневших окопах!.. А здесь, у костров, яркое желтое пламя рвется в темную стынь неба, шутихами взрываются раскаленные головешки, огненной мошкарой роятся искры, талый снег пахнет весной, и так хорошо, стоя у жаркого костра, подкрепиться краюхой ржаного хлеба с солью!.. От еды разомлеваешь, слабеешь, хочется прикорнуть у костра и задремать.

Но рядом с каждым костром лежит наготове широкий брезент, чтобы в случае чего мгновенно накрыть пламя. Было однажды, что на костры внезапно вышел «юнкерс» и сбросил бомбы. Так что дремать нечего!

Самолет уже минут десять кружил над пущей, и партизаны, прислушиваясь к приглушенному, осторожному гулу его моторов, определили, что это свой,—они давно научились распознавать самолеты по звуку. Но все равно, выходя на костры, самолет обязательно должен выпустить ракету-пароль.

Вот и она! Огненно-красная на этот раз. Земля ответила зеленой, и самолет ушел на третий, последний круг — сейчас он выйдет на прямую и начнет снижаться.

И точно! Из-за кромки леса вымахнула громадная темная птица, стремительно понеслась на костры — люди у костров невольно втянули головы в плечи, пригнулись, в лицо им ударил горячий, тугой воздух, гул моторов заполнил все вокруг, взвихрился мелкий сухой снег. Самолет сел.

Он сел метрах в пятидесяти от костров, покатился по ровнехонько утрамбованному летному полю. Целый день и весь вечер взвод маршировал по этому полю и в колонну по четыре, и цепью, и вразброд, утаптывая снег, пока поле не зазвенело под подошвами сапог, как бетон. Партизаны побежали от костров к самолету, он медленно разворачивался, высоко занося вздрагивающее серебристое крыло, развернулся, и гул тотчас оборвался, только шумный шелест и свист неслись от винтов, поднятый ими ветер швырял в лицо колючие снежинки.

Все было как обычно, но сердце у Веньки рвалось из груди от радости и волнения. Хотя он не первый раз дежурил на аэродроме, не в первый раз встречал самолет с Большой земли, но всякий раз было здорово то, что самолет с распластанными на крыльях алыми пятиконечными звездами приземляется здесь, в Налибокской пуще, за сотни километров от линии фронта, всего лишь в десяти верстах от немецко-полицейского гарнизона в местечке Першай, всего лишь в семидесяти верстах от кишащего немцами Минска. И все немецкие солдаты, офицеры, генералы, все эсэсовцы, гестаповцы, полицаи и прочая нечисть со всеми пушками, танками, бронетранспортерами, минометами, пулеметами и автоматами ничего не могут поделать с тем, что в пуще действует партизанский аэродром и самолеты с алыми звездами на крыльях приземляются на нем, как в Тушине!..

Это были не просто крылья самолетов — это были крылья близкой Победы, и Венька это чувствовал, как и все партизаны, хотя и не смог бы выразить то, что чувствует, словами.

Но Венька волновался еще и потому, что ему было четырнадцать лет и он никогда не летал. И, конечно, мечтал об этом. Он давно решил, что после войны станет летчиком. А пока ему очень хотелось покататься на самолете, хоть один круг сделать над Налибокской пущей, увидеть ее сверху. Ему хотелось этого, как всякому мальчишке, который ни разу не летал. Но он ведь был не просто мальчишка, он был партизан и в глубине души боялся, что может так и не увидеть землю с неба. Потому, что его могут убить в бою...

Конечно, он не верил в свою смерть, но когда смерть все время рядом, когда она сегодня вжикнет у виска шальной пулей, а завтра взорвется гранатой на бруствере окопа и осыплет тебя комьями мерзлой серой земли, когда она то миной провоет над самой твоей головой, то вылетит из ночной тьмы злобными светляками трассирующих очередей полицейской засады, когда ты увидишь, лежа в снегу, прижатый к нему огнем, как вдруг дернется и замрет парень, который только что перезаряжал рядом с тобой диск автомата, набивал его патронами, хукая на дубенеющие на ледяном ветру пальцы, согревая их теплым своим дыханием, превращенным морозом в сизые облачка пара, когда ты увидишь, как он дернется и замрет и сизое облачко пара враз перестанет слетать с его губ, ты не можешь не подумать — не в

тот самый миг, а потом, после боя, наедине с самим собой в спящей землянке,— что и тебя может насмерть ужалить пуля!.. И хлопцы схоронят тебя или посреди снежного поля, или на глухой просеке в пуще, или на сельском кладбище вблизи сожженной деревни, и от тебя не останется даже облачка пара на этом заледенелом белом свете, лишь груда серой мерзлой земли на могиле...

Словом, Веньке очень хотелось покататься на самолете. Но самолет не телега, не автомобиль, пилота не попросишь: «Дяденька, покатайте!» Да и как бы это выглядело, если бы боец партизанского отряда, как недотепа какой-нибудь, стал просить, чтобы его покатали?! Венька держал свою мечту про себя и уже тем был счастлив, что стоял рядом с самолетом, касался рукой его обивки, вдыхал в себя запахи бензина, нагретого металла, резины...

Потом он вместе со всеми таскал выгружаемые из самолета ящики, обшитые мешковиной тюки, а потом вместе со всеми маскировал самолет, обставлял его со всех сторон срубленными елками. Из этой маскировки следовало, что машина остается на аэродроме до следующей ночи. Так уже бывало, что самолеты с Большой земли проводили у партизан целые сутки.

В шесть утра взвод сменили, и он отправился в расположение своего отряда; там поели и завалились отсыпаться. Но в полдень Веньку подняли с теплого местечка на нарах и велели немедленно явиться в командирскую землянку. Он натянул сапоги, надел кожушок, нахлобучил свой лохматый бараний треух, снял с бревенчатой стены висевший в головах автомат, закинул его за плечо и отправился по вызову.

Командирская землянка была метрах в трехстах от Венькиной, и он, шагая по скрипящей под подошвами, весело искрящейся на солнце, но уже набрякшей по краям талой влагой тропинке, успел перебрать в уме вероятные причины срочного вызова к командиру отряда: либо в гарнизон пошлют, в Першай, в разведку, либо в Молодечно на связь с подпольщиками, либо прикомандируют к группе подрывников, которым без мальчишки не пробраться к какому-то объекту; либо — и это самое скучное — нужно срочно выпустить отрядную стенгазету, а это значит, что ему, Веньке, придется рисовать трофейными акварельными красками все заголовки и переписывать тушью все заметки, потому как рисует он хорошо и почерк у него неплохой. Ну, заголовки малевать—это еще туда-сюда, а вот все заметки переписывать совсем неинтересно. Не хочется этим заниматься.

Хотя, конечно, в гарнизон тоже не очень хочется идти. Чего тут душой кривить? Даже не то что не очень, а вовсе не хочется!.. Это опасно... Першай — маленькое местечко, новый человек, хоть и мальчишка, там сразу заметен, а немцы теперь страх какие перепуганные и подозрительные — и немцы и полицаи. В прошлый раз Венька еле ноги унес из местечка, еле ускользнул.

И в Молодечно опасно идти, хотя там легче затеряться, исчезнуть: город все-таки. Но сперва надо в него пробраться через все кордоны, контрольно-пропускные пункты и засады.

С подрывниками на задание идти — вот это дело! Хотя тоже смертельно опасное. Да что в партизанской жизни не опасно? Разве что стенгазету выпускать...

С этими мыслями он переступил порог командирской землянки, приложил руку к треуху и доложил о своем прибытии.

В землянке находились командир отряда, комиссар, начальник штаба и незнакомый человек в кожаной тужурке. Все они сидели за столом и смотрели на Веньку с той серьезностью, с которой взрослые на войне всегда смотрят на мальчишек, занятых взрослым военным делом,— в этой серьезности таится невольная улыбка, то ли чуть грустная, то ли виноватая.

— Вольно,— сказал командир отряда, выслушав Венькин доклад.— Проходи, садись!..

Венька прошел вперед, сел на дубовый чурбак, стоявший перед столом, снял и положил себе на колено треух.

Непонятное молчание повисло в землянке, командир отряда вроде бы не знал, с чего начать, и Венька насторожился, предстояло что-то необычное.

— На самолетах летал когда-нибудь?— спросил наконец командир.

— Не-а! — мотнул головой Венька.— Не приходилось!

Он еще больше насторожился, заволновался, но виду не подал, сидел спокойно, но мысли его понеслись вскачь. Конечно, какое-то особое задание! Недаром здесь незнакомый человек в кожаной тужурке. Он, наверное, из бригадной разведки или даже из разведки соединения. Его, Веньку, решили забросить в самый глубокий тыл противника: ведь Белоруссию скоро освободят, фронт уже на Соже... Может, его забросят в Польшу, в Мазовецкие леса, он слышал о них от партизан-поляков. Там тоже есть город Минск, но не просто Минск, а Минск-Мазовецкий.

Вот его и забросят туда, под Минск-Мазовецкий, для выполнения какого-нибудь особого задания, тем более что он хорошо понимает польский язык и даже разговаривать умеет по-польски, «пшекать», как говорят хлопцы, хотя, правда, разговаривает он не так хорошо, как понимает. Ничего, получится, он же наполовину поляк, с малых лет слышал он польскую речь бабки. Должно быть, его потому и решили забросить в Польшу.

Почему-то он был уже уверен, что все так и есть, как он думает. Он был весь внимание и сама готовность. Все замерло у него внутри. Вот это привалило!.. И особое задание и полет на самолете!.. Не один круг над пущей, а длительный полет. И, должно быть, прыжок с парашютом. Вряд ли там, в Мазовецких лесах, есть партизанские аэродромы...

— Так вот, полетишь! — сказал между тем командир отряда.— Сегодня же и полетишь. В Москву!..

— Ну, может, и не в Москву,— заметил комиссар,— а скажем, в Ново-Белицу, одним словом, на Большую землю. Ну, как, рад?

Венька молчал, как оглушенный. Он ничего не понимал. Почему на Большую землю? Разве он раненый или больной?

— Парень ты, конечно, геройский, нам жаль с тобой расставаться,— сказал командир,—но, понимаешь, есть решение отправить на Большую землю всех... — Он поискал слово.— Всех несовершеннолетних. Женщин с детьми... приближается фронт, предстоят большие бои...

Венька наконец понял. Понял и встал. И надел треух. Вытянулся в струнку, побледнел. Стиснул зубы. Так!.. Значит, его приравняли к пацанам. К мелюзге. К недотепам! Его!..

— Это приказ! — жестко сказал начальник штаба, увидев, что Венька собирается что-то сказать.— Приказ командира соединения генерал-майора Платона! Вот товарищ из штаба соединения только что нам этот приказ доставил.— Начальник штаба кивнул на незнакомца в кожаной тужурке.— Так что прошу не возражать!

Но Венька и не думал возражать. Просто у него вздрагивали губы от обиды. А возражать он и не думал. Кто же обсуждает приказы? Приказы выполняют...

Он стоял, ждал, чтó ему еще скажут, чтó велят делать.

— Иди во взвод,— сказал командир отряда,— сдай оружие. Он уже в курсе. Попрощайся с товарищами. И в путь. Поедешь вот с товарищем в штаб соединения, там всех... ну, несовершеннолетних, собирают. Оттуда на аэродром. Все!..

Он поднялся и вышел из-за стола, и комиссар с начальником штаба вышли из-за стола, подошли к Веньке, и каждый крепко пожал ему руку и ударил по плечу: «Не вешай нос! Свидимся!»

Тут у Веньки совсем запрыгали губы, на глазах чуть не выступили слезы, но он подавил их в себе, спросил:

— Разрешите идти?

Повернулся через левое плечо кругом и шагнул к двери. Вышел из землянки. Огляделся.

Над лесом ослепительно сияло солнце: воздух был голубой-голубой, и снег был голубой, на солнце голубой, а в тени под елями, синий; ели стояли в сверкающих блестках, с иголок скатывались прозрачные капли капели, автоматными очередями выдавал свою деревянную трель дятел; дрожали дымки над крышами землянок, по бугру-гриве за землянками ходил часовой в тулупе нараспашку, в сбитой на затылок ушанке, блаженно щурился на солнце; радостно каркали вороны; синичья звень сливалась со звоном крупных капель, которые разбивались о снежный наст, как дождевые капли о стекло синих окон. Весна!.. Вторая Венькина партизанская весна. Да вот как она началась для него!.. Началась и тут же кончилась. Вон они стоят, розвальни, на которых он должен спустя каких-нибудь пятнадцать минут уехать с тем, в кожаной тужурке, в штаб соединения, где собирают сегодня всех пацанов, всю мелюзгу, всех сопливых недотеп, которых решено отправить на Большую землю. Но он-то тут при чем?..

Венька прошел возле розвальней; лошадь была выпряжена, стояла позади саней, воро-

шила мордой наваленное на них сено, фыркала; незнакомый партизан-возница возился в передке розвальней со сбруей, что-то чинил. Глянул на Веньку, чубатый, зеленоглазый, румяный, подмигнул ему. Но Венька скосил на него злой взгляд, презрительно скривил губы, как будто этот парень был перед ним в чем-то виноват!..

Венька не заметил, как прошагал через весь лагерь, как миновал землянку своего взвода. Только в добром полукилометре от лагеря он остановился на дороге, задумался.

Прямиком топать больше нельзя — догнать могут. Часовой там, в лагере, видел, как Венька вышел на ведущую от лагеря в штаб бригады наезженную санями дорогу. Подумал, наверное, что Веньку зачем-то послали в штаб бригады, с донесением каким-нибудь. А он нарочно сперва на дорогу вышел, потому что, если сразу в глушь подаваться, след выдаст. Снег кругом вон какой глубокий, нетронутый, капелью только его пробуравило кое-где, да птицы лапками крестиков на нем понаставили. Звериных следов не видать, зверь давно ушел от скопища вооруженных людей в неведомые, затишные места. Так что Венькин след, подайся он сразу в чащу, был бы очень приметным.

Теперь нужно было решать, куда идти дальше: Венька дотопал до того места, где от дороги ответвлялись десятки тропинок, которые вели в расположение дозоров и соседних отрядов, к заброшенным лесным хуторам на окраине пущи, где устраивали дневки подрывники, разведчики, спецгруппы.

Подумав, Венька решил: нужно топать в расположение дозора, самого дальнего отрядного дозора, который стоит на берегу речки Ислочь, на поросшем соснами пригорке, контролируя подходы к пуще со стороны сожженных деревенек Яцково, Пески и Борки, чьи печные трубы чернеют на снежном поле по ту сторону Ислочи. Командир ведь сказал: «Попрощайся со своими».

И он зашагал по тропинке, ведущей к дозору на речке Ислочь.

Путь предстоял неблизкий, километров восемнадцать с гаком. Правда, если напрямик, то не восемнадцать, а десять, но Венька сознательно пошел кружным путем, которым в дозор на Ислочи ходят летом, весной и осенью, огибая непроходимые трясины и топи — дрыгву и багну, как называют их белорусы. Зимой можно пройти и напрямик, но, во-первых, спешить ему незачем, а, во-вторых, в марте на болоте вполне могли открыться «окна», которые и в январе-то не до конца промерзают. Угодишь в такое затянутое снежной кисеей «окно», и пиши пропало. Глупее не придумаешь, погибнуть в болоте после стольких месяцев партизанства!..

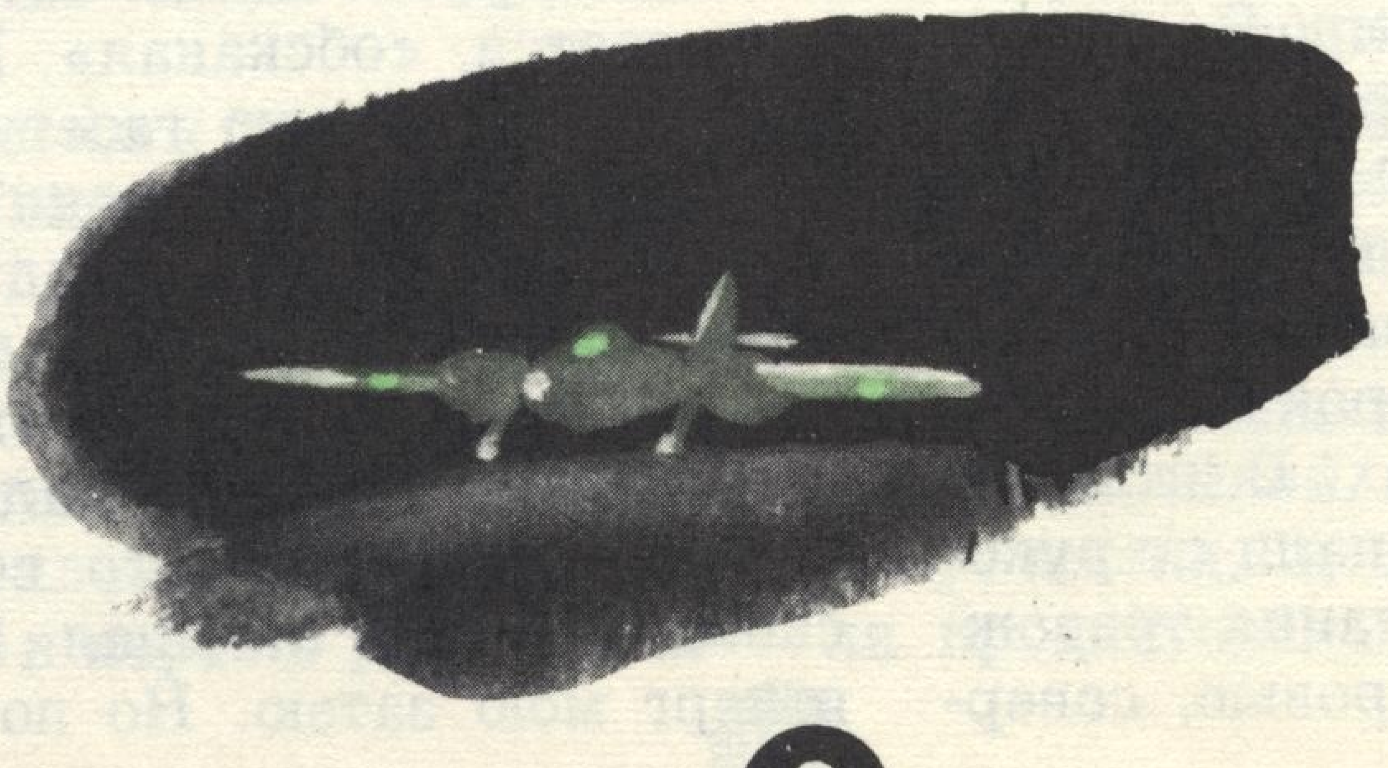
Конечно, если бы он спешил с важным донесением или на выручку товарищам, он бы не испугался, махнул бы напрямик, ему и летом случалось преодолевать напрямик пущанское болото, но сейчас он тянул время, рассчитывал его так, чтобы выйти в расположение дозора часам к шести вечера, к заходу солнце. Ближе к ночи.

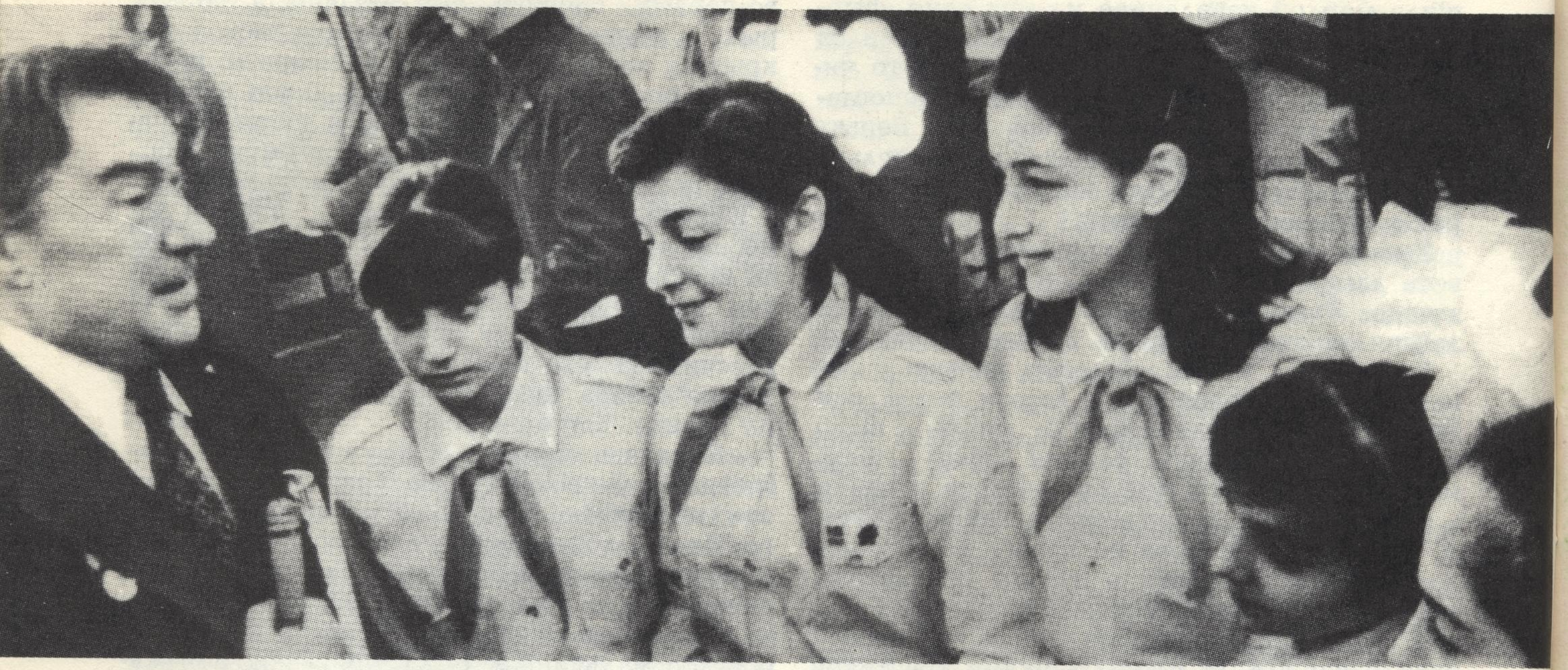
...В девять часов, отдохнув с дороги, обогревшись у крохотной печурки в маленькой земляной хатке дозора, даже поспав немного, Венька уже сидел в секрете, устроенном в голых кустах смородины над берегом скованной льдом Ислочи. Старший дозора охотно послал его в секрет, хотя так и не понял, почему мальчишку сюда прислали, почему решили вдруг усилить дозор.

Над пущей подымалась полная луна, загадочно мерцал снег, тишина была такая, что от нее звенело в ушах. И в этой тишине послышался осторожный, сдержанный гул моторов. У Веньки дрогнуло сердце, что-то похожее то ли на сожаление, то ли на смутную зависть шевельнулось в нем. Он смотрел в небо, на высокие холодные звезды, на неподвижные облака, и ему казалось, что он видит скользящую меж звезд громадную темную птицу. Он пытался представить себе, как там, в самолете, сидят сейчас пацаны, собранные со всех отрядов, пацаны и женщины, как они смотрят в иллюминаторы на пущу, на речку Ислочь, на берегу которой в окопчике-секрете сидит он, Венька.

Хотя вряд ли что-либо видно в иллюминатор самолета ночью, тем более его окопчик-секрет!.. Наверное, пуща сверху выглядит сейчас как темно-зеленая туча, упавшая на землю,— когда-нибудь он узнает, как она выглядит сверху, как выглядит сверху вся наша земля. А пока он оставался на ней, чтобы завершить свой путь вместе со своими товарищами. Он не раненый и не больной, чтобы его увозить за линию фронта!..

Венька получил трое суток ареста за грубое невыполнение приказа командования и отсидел эти трое суток в нетопленной отрядной бане на воде и хлебе. И был счастлив.





СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Быть настоящим человеком!

В рабочем кабинете главного редактора журнала «Юность» писателя Бориса Николаевича Полевого висит знаменитый рисунок Пабло Пикассо «Голубь мира». В послевоенные годы судьба не раз сводила писателя и художника на дорогах мира и солидарности. Мы попросили писателя БОРИСА ПОЛЕВОГО, члена бюро Всемирного Совета Мира, председателя Советского фонда мира, ответить на вопросы «Пионера».

Корреспондент. Каждый год в мае наша страна отмечает великий праздник — День Победы. Расскажите, Борис Николаевич, где и как довелось вам встречать 9 мая 1945 года?

— **День Победы наступил для 1-го Украинского фронта,** где я, корреспондент «Правды», был в это время, на сутки позже. Вот как это вышло. Восьмого мая в пригороде Берлина, Карлсхорсте, представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции. Но в Чехословакии оставалась крупная группировка фашистских войск, не сложившая оружия. Две танковые дивизии и 17-я армия под командованием генерал-фельдмаршала Шёрнера стремительно передвигались через Рудные горы, держа путь на Прагу.

В это время в Праге вспыхнуло народное восстание, возглавляла его Чехословацкая коммунистическая партия. Повстанцы героически сражались с фашистами на баррикадах. В штаб нашего фронта одна за другой поступали от руководителей антигитлеровского восстания тревожные радиограммы: мы истекаем кровью, совершите еще одно чудо — спасите Прагу от фашистов!

1-й Украинский фронт двинул на Прагу 3-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерал-полковника танковых войск Павла Семеновича Рыбалко и 4-ю танковую армию, которую вел генерал-полковник танковых войск Дмитрий Данилович Лелюшенко. Вместе с танкистами был и мой друг и коллега корреспондент «Комсомольской правды» Сергей Крушинский. Дороги войны не раз сводили нас в самых горячих точках огромного фронта, и мы не раз соревновались в оперативности; в том, кто первым передаст в редакцию важную информацию с театра военных действий.

На сей раз я понимал: Крушинский меня, что называется, «обскакал». Неужели мне не удастся послать в свою газету корреспонденцию об этом последнем сражении?

Оставался один выход: лететь самолетом в Прагу. И я отправился добывать самолет. Ходил по инстанциям, просил, объяснял, доказывал. Везде, увы, получал отказ. Наконец я дошел до командующего войсками 1-го Украинского фронта. Маршал Конев поначалу тоже отверг мою затею. Но потом, подумав, сказал:

— Есть один самолет-ночник с пилотом, знающим эту трассу. Но там только одно место. И на нем должен лететь офицер разведки, чтобы информировать о положении в Праге... — И вдруг предложил: — Возьметесь выполнить, кроме своих корреспондентских дел, еще и обязанности офицера разведывательной связи?

Через полчаса я уже летел в Прагу. Летчик сделал несколько кругов над городом и выбрал для посадки городской олимпийский стадион на Стратове. Сели на футбольное поле на редкость удачно, сломав лишь винт о трибуну стадиона.

Довольно быстро удалось связаться с повстанцами и передать по рации, находившейся в забаррикадированном подвале Пражского радиокомитета, сначала донесение Маршалу Коневу о боевой обстановке в сражающемся городе, а потом корреспонденцию в «Правду».

А капитана Сергея Крушинского я сам встречал на Вацлавской площади, когда он, весь в пыли, спрыгнул с одного из наших танков, колонна которых уже двигалась по улицам. Вот как я встретил первый День Победы.

Корреспондент. «День Победы порохом пропах...» — так поется в песне. Что принесло нам победу в Великой Отечественной войне?

— **Мне вспоминается один эпизод** Нюрнбергского процесса, на котором победившие народы судили главных военных преступников. На скамье подсудимых держал ответ фельдмаршал Герман Геринг. Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе Роман Андреевич Руденко задал Герингу такой вопрос: «Не кажется ли вам теперь, подсудимый, что, развязав войну с Советским Союзом, вы совершили величайшее преступление и перед немецким народом?» Я не ручаюсь за точную передачу слов, но смысл вопроса был именно таков.

Геринг ответил примерно так: «Это не преступление, это злой рок. Мы серьезно подготовились к войне, имели довольно четкое представление о ваших вооруженных силах и мощностях всех отраслей советской промышленности. Благодаря усилиям нашей разведки мы знали даже план мобилизации. Но мы не знали ваших людей».

За четыре года войны я познакомился с множеством советских людей разных национальностей, проявивших удивительную храбрость, невиданную стойкость воли, величие духа. Впоследствии я написал для юных читателей книгу «Мы — советские люди» о том, как сражались их отцы.

Корреспондент. Как вы находили героев ваших книг?

Большинство героев в мои книги приходили и приходят из жизни. И герой книги «Покорение Сибири», вышедшей в 30-е годы, Виктор Кириллов — ткацкий подмастерье, затем руководитель комсомольского коллектива на одной из тверских фабрик. Он был в первых рядах зачинателей развернувшегося затем по всей стране движения ЗОТ — «За овладение техникой!». Вы удивитесь, наверное: при чем тут покорение Сибири? Дело в том, что «Сибирью» в ткацком цехе в шутку называли самый отсталый участок.

И Андрей Бочкин — тоже тверяк, друг моей юности. Вместе мы занимались комсомольскими и рабселькоровскими делами. Потом пути наши надолго разошлись, на тридцать с лишним лет, и встретились мы уже после войны, когда Андрей Ефимович стал известным советским гидростроителем. Наши встречи на великих сибирских стройках и послужили материалом для книги «Десятое море инженера Бочкина» о Герое Социалистического Труда Андрее Ефимовиче Бочкине, создателе десяти искусственных морей.

С Алексеем Петровичем Маресьевым мы впервые встретились в дни сражения на Курской дуге. Меня поразила судьба этого необычайного человека, и я считал себя обязанным рассказать людям о судьбе этого человека. Но хлопотливая жизнь военного корреспондента мешала осуществлению замысла. Лишь после войны, в 1946-м, я засел за книгу. Долго бился над названием, прежде чем пришли простые, но, по-моему, верные слова: «Повесть о настоящем человеке». Алексей Петрович Маресьев выведен в книге под фамилией Мересьев.

Сейчас Алексей Петрович — ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны. Мы с ним частенько встречаемся, даже вместе в Америку летали... Как видите, у меня самые тесные контакты с моими героями, и знакомство с ними вожу и до сих пор дружбу дружу.

Корреспондент. В «Повести о настоящем человеке» на помощь раненому Алексею Мересьеву приходят ребята, совсем еще мальчишки. Их подвиг — это тоже страница Великой Отечественной. Расскажите о ребятах, встреченных вами на военных дорогах...

— **Прежде всего о судьбе мальчишек,** помогавших раненому летчику: и Серенька и Петька — оба живы-здоровы. Выросли, конечно, обзавелись своими детьми. У Сереньки их трое. К Алексею Петровичу Маресьеву они и сейчас наезжают в гости.

Всех ребят-героев, с которыми я встречался на войне, даже трудно перечислить. Меня поражала сила духа этих ребят, их смелость и выдержка. Я имею в виду не безрассудную мальчишескую лихость, которой порой любят бравировать иные подростки. Это скорее не смелость, а безрассудство человека, который еще не научился ценить жизнь.

Нет, двенадцати — четырнадцатилетние мальчишки военной поры очень даже понимали цену жизни, и героические их поступки были продиктованы совестью и сознанием долга.

Корреспондент. Сейчас ребята тоже жаждут подвигов, героических дел и свершений. Хотят стать летчиками, моряками, космонавтами. Что вы им посоветуете?

— **Мне хочется рассказать историю,** которая уходит корнями в прошлое, в те дни, когда шла битва за Берлин. 29 апреля 1945 года. Берлинская улица простреливалась с двух сторон: с одной стороны советские воины, с другой — фашисты. Солдат, белорус по национальности, Трифон Андреевич Лукинович, увидел на мостовой рядом с убитой женщиной ребенка. Ребенок плакал. Под сильнейшим огнем Лукинович ползком добрался до ребенка и тем же путем вернулся обратно. Так была спасена дочь убитой женщины. Лукинович погиб — он был смертельно ранен пулей эсэсовского снайпера.

Я написал тогда, по горячим следам, очерк об этом подвиге, он был опубликован 1 Мая.

Прошло тридцать лет. В одном берлинском журнале были напечатаны мои военные дневники, в них рассказывалось и о подвиге Лукиновича на улице Эйзенштрассе. Редактор этого журнала прислал мне подробный план Берлина, просил вспомнить поточнее место, где был совершен подвиг, потому что улицы Эйзенштрассе в Берлине нет. Некоторое время спустя я получил письмо от немецких пионеров, которые спрашивали: не ошибся ли я? Не имел ли я в виду Эльзенштрассе?

Оказавшись в Берлине, я отправился с ребятами на Эльзенштрассе. Целая толпа немецких следопытов сопровождала меня. Все, конечно, в том районе до неузнаваемости изменилось. Исчезла буковая аллея, тянувшаяся вдоль улицы. Не оказалось и дома, куда когда-то принесли спасенную Лукиновичем девочку. Но немецкие следопыты, расспросив старожилов, смогли установить совершенно точно, где происходили эти давние события. И сейчас на скрещении улиц Пушкиналлее и Эльзенштрассе стоит памятник Трифону Андреевичу Лукиновичу, бывшему рабочему Минского радиозавода имени 50-летия КПБ.

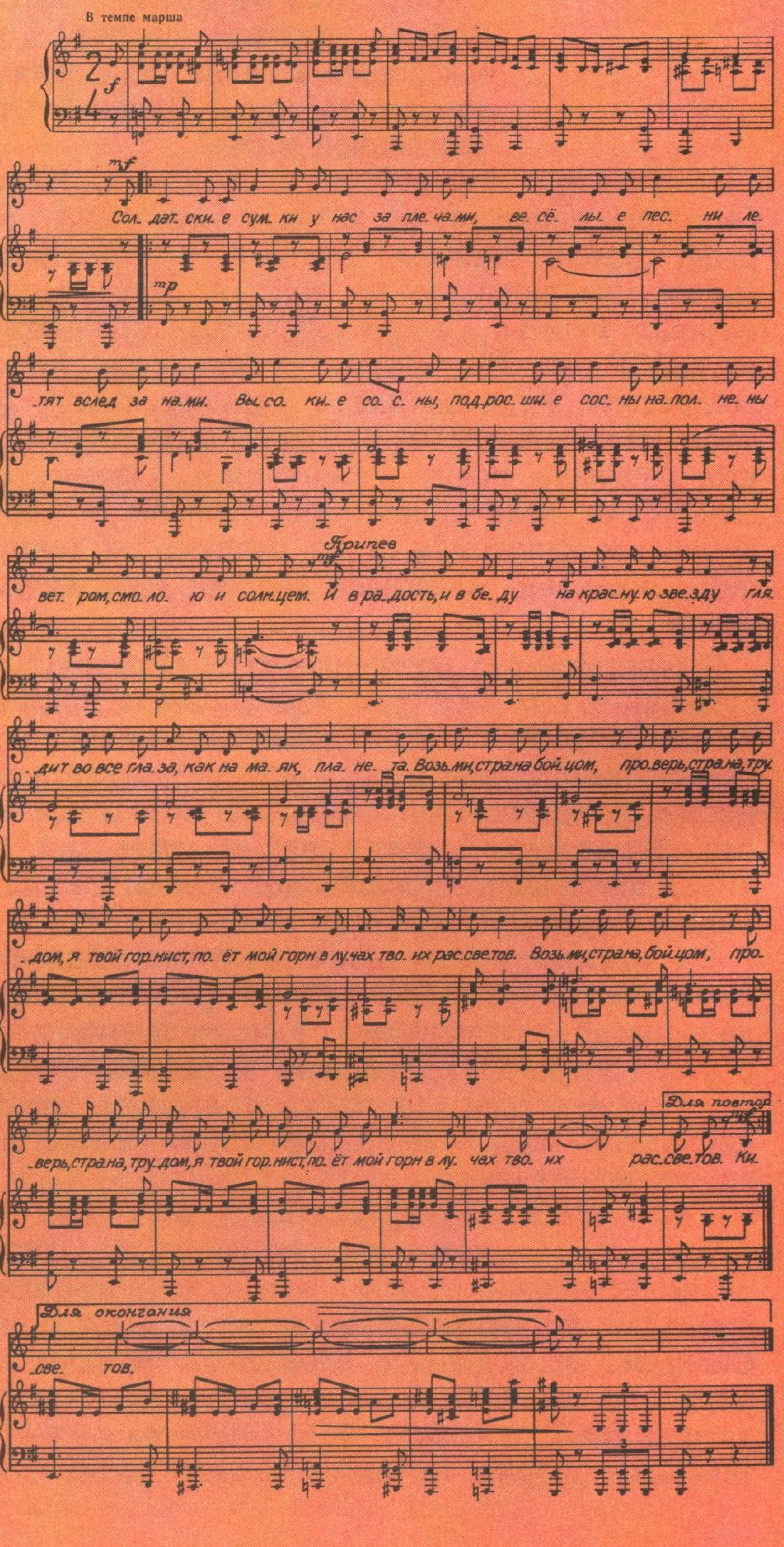
Я думаю, что в данном случае немецкие ребята, прикоснувшись к подвигу, пробудили что-то важное в своей душе, в своем сердце. Не каждому предстоит совершить подвиг, но готовить себя к нему должен каждый. Работая на пользу людям, можно тоже совершить подвиг. Ведь героизм не принадлежность какой-нибудь профессии и не случайный поворот судьбы. Это проявление характера, следствие воспитания.

Не хочу давать советов: выбирайте себе такую дорогу, а не этакую, делайте это, не делайте того. Одно могу сказать: учитесь самостоятельности, не ждите подсказки. Старайтесь жить честно и прямо, учитесь отдавать себя избранному делу. Это совсем не просто, но совершенно необходимо, чтобы стать **Настоящим Человеком.**

**«То, что люди поняли,
осознали в детстве,
прививается им на всю жизнь.
Это самые прочные,
самые верные навыки.
Чести, смелости люди учатся
с самых ранних лет.
Тот, кто честен,
смел и правдив с детства,
будет хорошим человеком
и хорошим бойцом».**

**(Из выступления А. П. Гайдара.
Январь 1941 года.)**

ТРОПОЙ ГАЙДАРА



Слова Юрия ЛУЦКЕВИЧА

Музыка Вяч. ВЕТРОВА

Солдатские сумки
у нас за плечами,
Веселые песни летят
вслед за нами.
Высокие сосны,
подросшие сосны
Наполнены ветром,
смолою и солнцем.

ПРИПЕВ:

И в радость и в беду
На красную звезду
Глядит во все глаза,
Как на маяк, планета.
Возьми, страна, бойцом!
Проверь, страна, трудом!
Я твой горнист!
Поет мой горн
В лучах твоих рассветов!

(2 раза)

Кивают ромашки
из старых окопов,
И тут затихает и песня
и шепот.
Не здесь ли вплотную
у кочек болота
Гайдар партизан
прикрывал пулеметом?

ПРИПЕВ.

В краю партизанском
палатки разбиты,
Как красные флаги,
костры следопытов.
И сердце морзянкой,
как в звезды, ударит:
Мы Родину любим!
Мы дружим с Гайдаром!

ПРИПЕВ.

Т. ВОЛЫНСКИЙ

В березовой роще

Распахнулась шинель. Улетела фуражка.
Он пришел в эту рощу — спешил к детворе.
— Ну и что же, что бронзовый!
Это не страшно:
Город жив,
И земля хороша на заре.
Он глядит с постамента:
Какой-то мальчонка,
Как живого, его приглашает
В игру…
В Арзамасе старинном
Задорно и звонко
Пионерские горны
Поют на ветру.
…Он стоит, улыбаясь:
— Спасибо, ребята,
Только я на посту,
В краснозвездном строю.
Мне четырнадцать было —
Ушел я в солдаты.
Вы играйте, ребята,
А я постою.

Неистовый

Любовь ВОРОНКОВА

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 3.

Возвращение из путешествия

Хамза, объехав полсвета, видел, как трудно живется беднякам. Видел толпы полуголодных нищих в индийских городах. Видел около Мекки поселения голодных, больных паломников, не имеющих ни средств, ни сил вернуться домой после путешествия к священному черному камню. Видел и здесь, в Туркестане, дехкан, едва существующих на клочке земли, видел батраков, работающих от зари до зари за кусок хлеба, на широких полях баев... Зорки были глаза у Хамзы и незащищенное сердце.

Осенний вечер, тихий и темный, стоял за окнами. Под потолком балаханы керосиновая лампа покачивала желтым язычком.

Хамза снова здесь, у друзей. Как и прежде, у него нет своего дома. День, когда он вернулся в Коканд из дальних странствий, скрыт в его памяти, заперт наглухо. Даже самые близкие друзья не спросили, не реши-

Хамза

Рисунки В. ДУДКИНА.

лись спросить, как и что произошло у него дома.

А было так.

Худой, загорелый дочерна, с дорожной сумой через плечо, Хамза сошел с арбы на своей улице, у калитки отцовского двора.

Было раннее утро, прозрачное, полное света и свежести. Дом еще спал, Хамза, волнуясь, открыл калитку. Сейчас он увидит своих: жену, сына... Мальчик, наверное, уже подрос. Узнает ли отца? Какой он сейчас, русский или узбек? Когда Хамза уезжал, сынок был совсем беленький, с тонкими серебристыми кудряшками... Но, говорят, дети сильно меняются...

Во дворе было пусто, тихо. Под навесом виноградной лозы стояла крашенная бордовой краской деревянная кровать, пустая, без постели... Странно, почему его кровать стоит во дворе?

Звякнула голубая рама, окно открылось. Отец, как всегда, проснулся первым и, выглянув в окно, увидел Хамзу.

Где же радость отца? Почему он, выйдя во двор, чтобы встретить сына, смотрит так хмуро и смущенно?

— Здравствуйте, дадажон! Здоровья вам!

— Здравствуй, Хамза! Где побывал? Посидим здесь, утро хорошее...

Они сели под тутовым деревом на старую, поголубевшую от времени скамейку.

— Как ваше здоровье, дада?

Отец опустил глаза.

— Плохо. Старею.

За стенами, из внутреннего двора, послышался крикливый голос мачехи. И сразу отцовский дом стал чужим. Однако в этом доме есть уголок, где ютится семья Хамзы. Но почему отец ничего не говорит о жене и сыне?

Хамза встал.

— Так я пойду, дада. К своим.

Отец покачал головой.

— Нету их... Уехала от нас Зухра.

— Уехала? Почему? А сын?

— И сына увезла. Вышла замуж.

— Как? Не дождалась меня?

— Зачем же ей тут жить без мужа?

Хамза стоял, опустив голову. Значит, несладко жилось в этом доме бедной Ксене. Отец не мог обидеть. И брат не мог. Чужая женщина, вошедшая сюда хозяйкой, эта могла сжить со свету русскую, которой и касаться-то грех, и говорить с ней грех, и ребенок ее — кяфир... Так вот почему его кровать вынесли из дома!

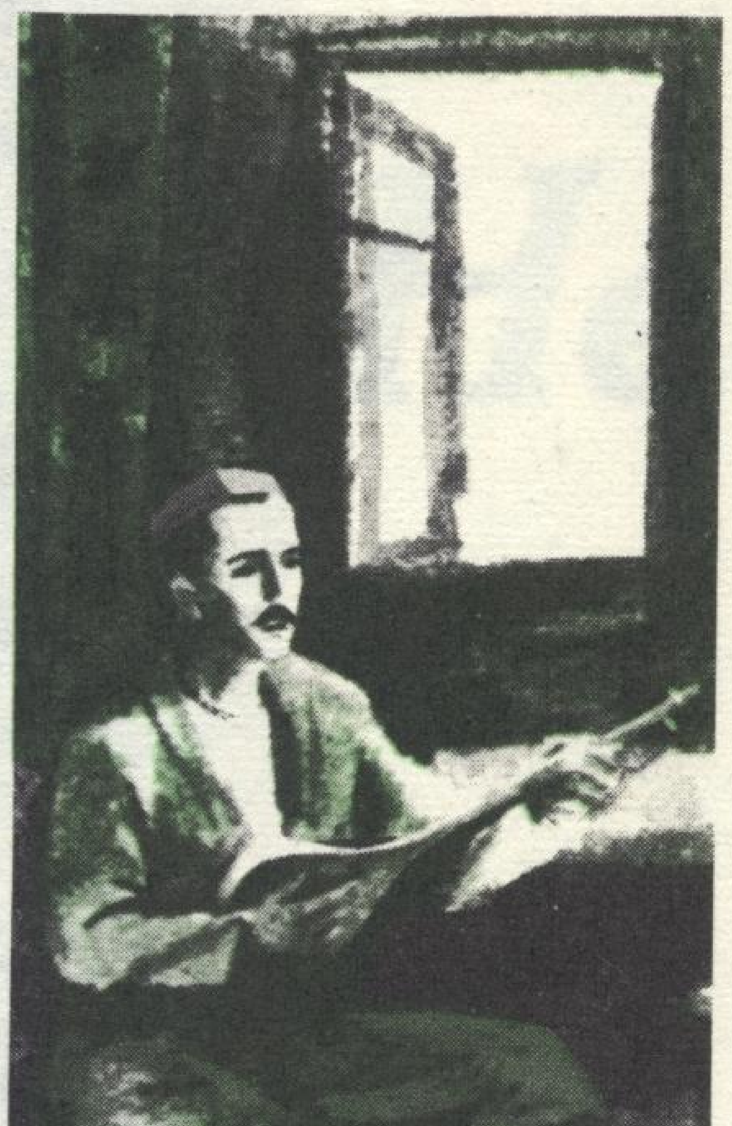
Хамза молча поклонился отцу, закинул за плечо суму и пошел со двора. Ушел, не оглянувшись. Куда? В балахану.

Неизменный друг Тараша! Вернувшись с работы и увидев у себя Хамзу, он обрадовался и тут же опечалился, он знал, что Зухра покинула Коканд.

— Где они теперь, как ты думаешь, Махмуд?

— Надо отыскать их, Хамза.

— Зачем? Если она вышла замуж... Может быть, с тем человеком она будет счастливее... Только вот сынок... Гияс...



У Хамзы сел голос. Тараша молчал, не зная, как утешить его.

— Ну, вот что,— со вздохом сказал Хамза, преодолевая свое волнение,— ты больше со мной не говори о них, Тараша. Прошу тебя. Как-нибудь переживу и это...

...Осенний вечер, тихий и темный, глядит в окно, под потолком керосиновая лампа покачивает желтым язычком.

— За что же теперь возьмешься, Хамзахон? — голос Махмуда Тараши ласков,— может, я смогу помочь тебе чем-нибудь?

— За что возьмусь? — Хамза оторвался от рукописи.— Да за то же: открою бесплатную школу.

— А средства?

— Во-первых, я скопил кое-что за свои путешествия. Во-вторых, буду писать, авось, что-нибудь да напечатают. А в-третьих, обращусь за помощью к людям, не откажутся помочь в таком деле!

Вскоре в газете «Садои Фаргона» появилось объявление:

«На гузаре Шейх-уль-ислам открыта школа для сирот. В субботу 4 октября 1914 года в ней начались занятия».

Просвещать надо трудящийся народ, просвещать! Хамза хотел взять на свои плечи непомерную тяжесть: борьбу с темнотой, косностью, невежеством...

Было тяжело. Но школа заполняла жизнь, отвлекала от мрачных дум, заслоняла от тоски, которая набрасывалась на него, лишь только он оставался наедине с самим собой.

Работа спасала от всех горестей. Работа и дружба. Где Хамза, там и люди, хорошие люди. Хамза всегда приветлив, всегда в хорошем настроении. Он умел прятать свою тоску, чтобы не беспокоить и не расстраивать друзей.

Они сидели на полу, устланном ковром. Звенела мандолина, ей вторила дойра. Лилась негромкая песня.

— Друзья, а что я думаю...— Хамза отложил мандолину,— послушайте.

— Слушаем, Хамзахон.

— Я хочу написать книгу для чтения. Для ребят. Ведь у нас нет такой книги. И я уже придумал несколько маленьких рассказов... Как Лев Толстой сочинял для ребят. Чтобы им все было понятно. У меня, конечно, не получается, как у Толстого...

— Так прочти же!

— Когда закончу. А теперь лучше прочту вам свои новые стихи.

— Читай! Слушаем!

Хамза начал читать. Голос его дрожал от волнения.

«Как можешь сказать, чем
люди живут,
и мир животных каков?
На эти вопросы один ответ —
науку постигай!
Свойство вещей и творений
узнать
желанье к тебе придет —
стремись к познанию
с юных лет,
науку постигай!»

Мунавар-кары, издатель, прочитал и учебник и книгу для чтения в начальных школах, которую Хамза назвал «Легкой литературой». Задумался.

— Я вам скажу, Хамза-афанди, что хоть это и талантливо, но я нахожу трудным для усвоения «Плавание под водой, полеты в воздухе», слова «патриотизм, народ, нация». Что понимают дети в этом?

— Я не согласен с вами, афанди,—сдерживая негодование, возразил Хамза,— надо развивать детей, надо будить их мысль!..

Мунавар-кары поморщился.

— Народ наш так темен... Какие там еще мысли? Мы известим вас о своем решении.

Извещение Хамза получил очень скоро. «Печатание вашей «Легкой литературы» издательство не сочло для себя приемлемым».

Борьба

Пасмурным февральским днем из Самарканда прибыла любительская театральная труппа «Турон».

В журнале «Ойна» сообщалось, что «Билеты были распроданы на два дня вперед. Начиная с семи часов тысячная толпа людей стала ломиться в театр...»

Коканд взволновался: приехал театр! Национальный театр, какого еще не было во всем Туркестане!

Пьеса Хамзе не понравилась. Она призывает к просвещению, но только детей баев, детей богатых и знатных людей.

Спектакль кончился поздно, когда восток уже высветился утренней зарей. Город спал в призрачном серебристом сиянии. Хамза шел, опустив голову. Махмуд Тараша тихонько зевал. Буранбай, взволнованный, шагал, не глядя под ноги, то и дело попадая то в лужу, то на острый камень...

— Эх, нам бы такой театр! Мы не хуже сыграли бы.

Хамза поднял голову.

— Такой театр? Зачем нам такой же! Ну, что это за пьеса! — огорченно продолжал Хамза.— Нападки на новометодные школы! Я хотел бы поспорить с ними, но где поспоришь? Газеты и журналы в их руках, типография в их руках.

Тараша лег спать, ему завтра на работу. Хамза загородил газетой лампу, чтобы свет не мешал спящему, и достал тетради со стихами. Больше ста стихотворений привез он из своих скитаний, маленькую поэму, статьи... Столько страстной убежденности, столько душевной боли в этих рукописях, которые, как видно, так и останутся рукописями. А может быть, все-таки попытаться составить сборник стихов?

Но столько мыслей, столько чувств кипело в душе Хамзы. И он сел писать роман для простых людей — «Новое счастье»...

Роман был напечатан в том же 1915 году. Но мысли о театре не давали покоя Хамзе. Народу нужен театр — только не «Турон».

Их пьеса плохая, хотя играли хорошо. Но не то они делают, не то... Надо организовать свою, кокандскую труппу.

А пьесу Хамза напишет... Но не такую беззубую, не такую слащавую. Хамзе ничего не надо придумывать, он уже много повидал в своей жизни. Разве не зовет его Зубейдахон, разве не просит рассказать о своей загубленной жизни? Пьесу он так и назовет — «Отравленная жизнь».

И вот уже ложится на бумагу неразборчивая арабская вязь.

Уже засветились окна в балахане. Махмуд вскочил: не проспал ли на работу?

Хамза писал, не поднимая головы.

Махмуд живо оделся, умылся, позавтракал наскоро.

Хамза писал.

— Хамза, ты хоть погаси лампу — довольно и солнца!

— А?

Хамза с усилием вернулся к балахане. Голоса героев его пьесы еще звучали в ушах.

Тонкие пальцы Тараши дотронулись до стопки исписанных листков.

— Что это, Хамзахон?

— Это пьеса, Махмуд.

— А где театр, Хамзахон?

— Захотим, так будет.

Проклятье

1914 год. В России шла тяжелая война.

Зима была непривычно снежной. Коканд побелел, засеребрился. По улицам не пройдешь, не увязнув в снегу и не зачерпнув полные калоши снега.

Абиджан Мухамедов, издатель газеты «Садои Фаргона», увидел Хамзу из окна, и лицо его сразу стало замкнутым и суровым.

Хамза вошел. Издатель сделал вид, что очень занят чтением газетной полосы.

— Ассалам алейкум!

Голос Хамзы, мягкий, приветливый, заставил Абиджана поднять голову.

— А... Салом, салом...

— Я пришел к вам с просьбой, афанди. Мою пьесу напечатали...

— Слышал, слышал.

— Но я пришел не только об этом сообщить. Я прошу поместить объявление о том, что вскоре состоится спектакль, будет поставлена моя пьеса «Отравленная жизнь».

Издатель покачал головой.

— Этого не будет.

— Почему, афанди? Ведь вы же еще не знаете пьесы?

— Зато я достаточно хорошо знаю вас, Хамза-афанди.

Издатель привстал, кивнул головой. И занялся своим делом.

В балахане было шумно и весело. Собралась вся труппа. Тут и Махмуд Тараша, и Мирзахид Миракилов, и Абдул-Азиз, и Атазам Хаджаев, и Азимходжа Ташходжаев, Хасан Эрматов, и Хусан Эрматов, и Абдулладжан... Собралась талантливая молодежь, все они из бедных семей Коканда.

Вскоре появился и Хамза. Все уставились на него: как дела?

— Ничего не вышло, друзья. Отказано.

— Что же теперь делать? Как мы соберем народ? Ой-е!

— Что делать? — Хамза сбросил чапан.— А вот что. Я буду писать афиши. А вы будете расклеивать их по городу.

Через несколько дней на улицах запестрели афиши:

«Мусульманский театр молодых кокандских любителей готовит спектакль».

Дальше сообщалось, что будет представлена пьеса «Отравленная жизнь». Подзаго-

ловок «Трагедия девушки и молодого человека, взятая из жизни Туркестана».

Хамза был и актером, и режиссером, и дирижером. Он даже суфлировал. Он разъяснял характеры действующих лиц. Он проигрывал музыку. Он гримировал актеров и одевал их. Он играл сам.

На спектакль двинулся весь город. Толпами шла молодежь. Шли старики, кутаясь в чапаны. И вот — грех какой! — даже женщины пришли! Закрытые паранджой, они пробрались в дальний угол помещения и тихо сидели там. Народу набилось столько, что в холодном летнем здании стало жарко.

И встала, воскресла на подмостках театра горькая полоса жизни Хамзы. Темная, жадная семья девушки, жестокий ишан, юноша, любящий, но слабый... И она, любимая, погибшая, но не уступившая. Страстный гнев пьесы, горе и бесправие женской доли, негодование и отвращение к людям, называющим себя святыми и в то же время творящими преступления,— все это хлынуло на ошеломленных зрителей.

Хамза играл Махмудхона, слабого юношу, который не смог отстоять своей любви. Он играл себя.

Роль девушки Мариам-ханум исполнял Миршахид Миракилов. Миловидное лицо, стройная хрупкая фигура, молодой голос...

Пьеса закончилась. Мариам-ханум умерла, простившись с Махмудхоном.

На другой день шум шел по всему Коканду. Возмущались, спорили, проклинали. Разговоры возникали на всех перекрестках.

— Что ж! В конце концов поставлены правильные проблемы, которые давно уже ждут решения. Безобразные творятся дела и безнаказанно!

— Пора задуматься над бесправием женщин. Недавно в нашей махалле бай выгнал свою четвертую жену вместе с детьми и взял себе пятую.

Неспокойно было в махалле, где жил отец Хамзы. Люди весь день толкались у дома старейшины, самого уважаемого человека, без которого не решалось ни одно дело живущих в этом квартале людей.

Хакимча молчал. Образованный, много повидавший, много читавший, он все-таки не мог примириться с тем, что делает его сын. То он учительствует — однако так, что школы его закрывают. То он пишет книги — однако такие, что их не печатают. То он скитается по городам с пустым карманом...

Больно подумать, в Ташкенте работал у сапожника подмастерьем! Нищий, полуголодный, как будто он не мог жить в довольстве и почете! А теперь вот опозорил седую голову отца, опозорил на весь город!..

— Товба! Что ему нужно? Чего он добивается? Дошел до того, что замахнулся на ишана. На религию. Разве люди могут простить это? Люди не простят ни ему, ни мне! Вся махалля бурлит. Старики не дают покоя. Вот они опять идут, а с ними и сам старейшина.

Хакимча вышел во двор, с поклонами встретил гостей.

— Всегда рады гостям! Гости — подарок аллаха!

— Мы не гости, Хакимча-афанди,— сурово ответил старейшина,— мы пришли поговорить о вашем сыне.

Хакимча открыл дверь, приглашая их в дом.

— Вы, афанди, достойный человек,— сказал старейшина,— но как случилось, что сын ваш сбился с пути?

Табиб сидел, опустив голову.

— Что я отвечу вам? Вы же знаете, я отдал его в медресе...

— Но как позволили вы, афанди, как позволили ему покинуть медресе?

— Ничего не мог поделать, горе мне. Не послушался.

— А как позволили вы, афанди, жениться ему на русской?

— Пришлось уступить... И к тому же она приняла нашу веру. Я не мог отнять у сына счастье. Но он ведь очистился, он же ходил в Мекку. Зачем вспоминать об этом?

— И вот к чему он пришел теперь, Хакимча-афанди: он поносит все, что нам дорого и свято,— уважение к старшим, почитание духовных лиц, соблюдение шариата... Хамза отступник, Хакимча-афанди!

— Он опомнится. Он устыдится. Я поговорю с ним, этих пьес не будет. Не будет! Дайте время.

Хакимча-табиб ошибался. Через несколько дней снова появились афиши. И снова еще бóльшая толпа повалила к зданию «Военного собрания» на спектакль «Отравленная жизнь».

Снова огромный успех. И снова шум по всему Коканду. Оскорбленные ишаны, баи и все, кому нестерпимо было представить себе

нарушение древнего уклада, поднялись против Хамзы. Люди влиятельные, богатые, столпы мусульманства обрушились с негодованием на пьесу и на всю труппу. Пьеса была запрещена. Театр закрыт.

К Хакимча-табибу снова явился старейшина, а с ним имам и его ученики — мюриды.

— Если вы правоверный мусульманин, Хакимча-табиб, то вы должны проклясть Хамзу.

— Проклясть сына!

— Да, проклясть Хамзу, отступника, кяфира. Или вы хотите, Хакимча, чтобы и вас отвергли? Ни один правоверный не примет вас в своем доме. Нога правоверного не ступит в ваш дом. Ваша нога, Хакимча, не ступит на порог мечети.

И Хакимча сдался. Его слабый голос отчетливо прозвучал в наступившей тишине:

На улицах Коканда запестрели театральные афиши.

— Проклинаю!

Хамза и этот удар принял молча. Друзья, собираясь по вечерам в балахане, избегали разговоров о личных делах Хамзы, старались разговаривать о всяких новостях и украдкой поглядывали на Хамзу: как-то он перенесет такую страшную беду—отцовское проклятие?!

Хамза, осунувшийся, с углубившимися морщинками между бровями, тоже ничего не говорил. Как всегда мягкий и приветливый, он старался поднять настроение товарищей.

— Ну, разогнали нас. Ну, закрыли наш театр. Пока. Но так не останется, друзья, так не останется! Они активны, да и мы рук не сложим. Мы не будем смотреть спокойно на страдания народа и молчать!

Он писал новую пьесу «Феруза-ханум». Хамза написал быстро, с запалом. В декабре он отправил ее в Ташкент, в издательство.

Мунавар-Кары остался верен себе. Он не замедлил с ответом. Первого января Хамза уже держал в руках его письмо:

«...пьесу мы издадим только при том условии, если оттуда будут изъяты такие оскорбительные выражения, как «деспот», «невежда», «предатель», «подлец» и т. д., которыми вы открыто оскорбляете баев и служителей духовенства».

Опять стена.

Хамза не согласился переделывать рукопись, и пьеса осталась неизданной.

В Коканде стало нечем дышать. Его сторонились, как отверженного, на улицах вслед ему неслась брань. Пришлось уехать. Уехал в Маргелан. И еще раз на остатки своих сбережений открыл школу для бедных.

Хамза не сдавался. Еще оставались силы противостоять врагам. Но надолго ли хватит ему этих сил?

Однажды Хамза, одолеваемый мрачными мыслями, пришел в свою школу. Ученики ждали его. Увидев их милые лица, их блестящие глаза, их готовность к уроку, Хамза оттаял.

— Сегодня у нас будет арифметика. Будем учиться считать.

— Хоп, Хамза-ака! Хорошо!

Хамза в своей школе преподавал географию, историю. Учил говорить и читать по-русски, чтобы дети могли приобщиться к высокой русской культуре. И особенно старался утвердить точные науки.

Ребята жадно слушали уроки Хамзы: все новое, все такое интересное. И что бы он ни предлагал, они неизменно дружно отвечали:

— Хоп, Хамза-ака!

Хамза только начал урок, как в дверь властно постучали. Хамза, предчувствуя недоброе, крикнул:

— Входите, не заперто!

Вошел тощий, усатый миршаб — городовой из местного населения.

— Вам повестка, учитель-ака.

— Какая повестка?

— Не знаю. Явиться к начальству. А школу сейчас закрыть.

Хамза молча прочел повестку.

— Все ясно. Школа «не соответствует духу ислама». Так.

— Дети,— печально сказал он,— я многому хотел научить вас. Но нашу школу закрывают. Скажу вам только одно: учитесь, учитесь. Не у меня, так в других школах, где сможете. А сейчас идите домой, дети. Мне запрещают учить вас.

Рождение надежды

Наступил февраль тысяча девятьсот семнадцатого. Оглушительные вести хлынули из России. Царская власть свергнута. Белый царь отказался от престола. Власть в руках Временного правительства.

Хамзе казалось, что перед ним наконец открылись ворота в жизнь. Теперь-то он может работать в полную силу, может писать, что думает, и никто — ни царская цензура, ни джадиды — не помешают ему обращаться к освобожденному народу.

В ярком полосатом халате, в тюбетейке, из-под которой на широкий, выпуклый лоб падала волна густых блестящих волос, Хамза торопливо шел по улицам Коканда. Люди оглядывались на него: кто такой? Ну, кто же еще? Конечно, Хамза. Узбеки бреют голову, а этот с волосами, как кяфир. Одни почтительно кланялись ему. Другие отворачивались. А третьи, особенно молодые, провожали его восторженными глазами.

— Это Хамза-ака! Это он написал «Эй, рабочий!»

Стихи «Эй, рабочий!», положенные Хамзой на музыку, распевали по всему городу.

«Эй, угнетенный, эй, рабочий,
Пришла твоя пора, вставай.
Не выпускай из рук свободы!
Да сгинет шах, да сгинет бай!»

Хамза торопился в редакцию, сегодня обсуждение первого номера журнала «Кенташ» («Совет»), а он его редактор.

В небольшой комнате редакции собрались члены общества, на чьи средства издавался журнал. Хамза приветливо встречал каждого.

— Салам алейкум! Мир вам!

— Ва алейкум ассалам! И вам мир! Садитесь, афанди, пожалуйста!

Хамза уже давно понял, что между этими людьми нет согласия и с ним, редактором журнала, тоже нет согласия. Сегодня он особенно остро чувствовал холодок среди собравшихся.

— Журнал может быть очень интересным,— сказал степенный, благообразный сын заводчика,— но зачем же трогать религию? Народ надо просвещать, но нельзя порочить то, что почиталось веками. А у вас в последнем номере...

— И потом такие грубые выражения,— молодой землевладелец с брезгливой миной пожал плечами.— Очень резко, Хамзахон. Так нельзя.

— Опять нельзя? — возмутился Хамза.— Нельзя говорить правду?

— Можно,— вмешался еще один из членов общества, — но не в такой форме. И вот во втором номере тоже — так непочтительно о муллах! Мы не можем этого разрешить.

— И незачем так поносить баев,— проворчал старый купец.— Большинство — очень порядочные люди.

Начался спор. Учителя, входившие в общество, защищали Хамзу.

— В царское время у наших газет был один цензор!—сказал Хамза.—Ныне я оказался под наблюдением целых четырех цензоров. Нет, моя совесть не может смириться с новой формой деспотизма! Я вынужден подать в отставку.

— Пожалуйста.

Огорченный, недоумевающий, Хамза вернулся в балахану. Тараша, придя с работы, удивился, увидев его так рано дома, обычно Хамза засиживался в редакции до полуночи.

— Что случилось, Хамзахон?

— Чего-то я не понимаю, Махмуд. Пытаюсь понять. Раньше многое не нравилось в моих стихах. Их не печатали, запрещали. Но скажи, Махмуд, разве не произошла у нас революция?

— Что случилось, Хамза?

Хамза рассказал. Тараша задумался.

— Ну что ж, все ясно, Хамзахон,—сказал он, пожав плечами.— Революция как будто и произошла, но ведь у власти осталась буржуазия. А их стремление нам известно — создать буржуазно-помещичье государство. И, конечно, защитить ислам.

— Соберу другое общество. Обязательно будем издавать свой журнал!

Он собрал общество, выпустил четыре номера нового журнала «Хурриат» («Свобода»). После пятого номера из редакции был снова устранен. Все за то же самое: нельзя трогать баев, нельзя оскорблять ислам.

Хамза негодовал.

— Не понимаю! Революция произошла, а ничего не изменилось. Купцы снова открыли свои магазины. Батраки по-прежнему работают на хозяина. Муэдзины по-прежнему призывают на молитву. Народ по-прежнему во тьме безграмотности! Да разве может все это так оставаться? Нет, друзья, вижу, я бессилен. Не могу больше оставаться в Коканде. Снова языку моему не дают говорить, а перу моему писать. А почему? Потому что защищаю бедняков-тружеников и потому что разоблачаю угнетателей-богачей и «святых» ишанов, обманывающих народ. Нет, больше не могу.

Хамза уехал в город Туркестан. Поступил на завод. Настроение было тяжелое. Казалось, что все погибло. Чего ждать, если революция не победила тех, кто царствовал при царе? Чего ждать? Кто может помочь?

В эти мрачные дни душевного упадка нашелся человек, который помог ему. Рабочий Калмыков, который работал вместе с ним на заводе, однажды сказал:

— Ты вот, Хамза, сетуешь и падаешь духом. Но ты многого не знаешь. А я знаю. Эта революция еще не революция. Только царя свергли, а власть-то осталась в руках буржуазии.

— Я это и сам уже понял,— ответил Хамза,— и сам знаю.

— Но ты, друг, не знаешь, что грянет настоящая революция, когда власть возьмут рабочие и крестьяне. И это будет скоро.

Хамза глядел на него заблестевшими глазами — верить или не верить?

— Жди! — сказал Калмыков и положил руку ему на плечо.—Жди, Хамза. Не падай духом.

— У вас верные сведения?

— Вернее не бывает.

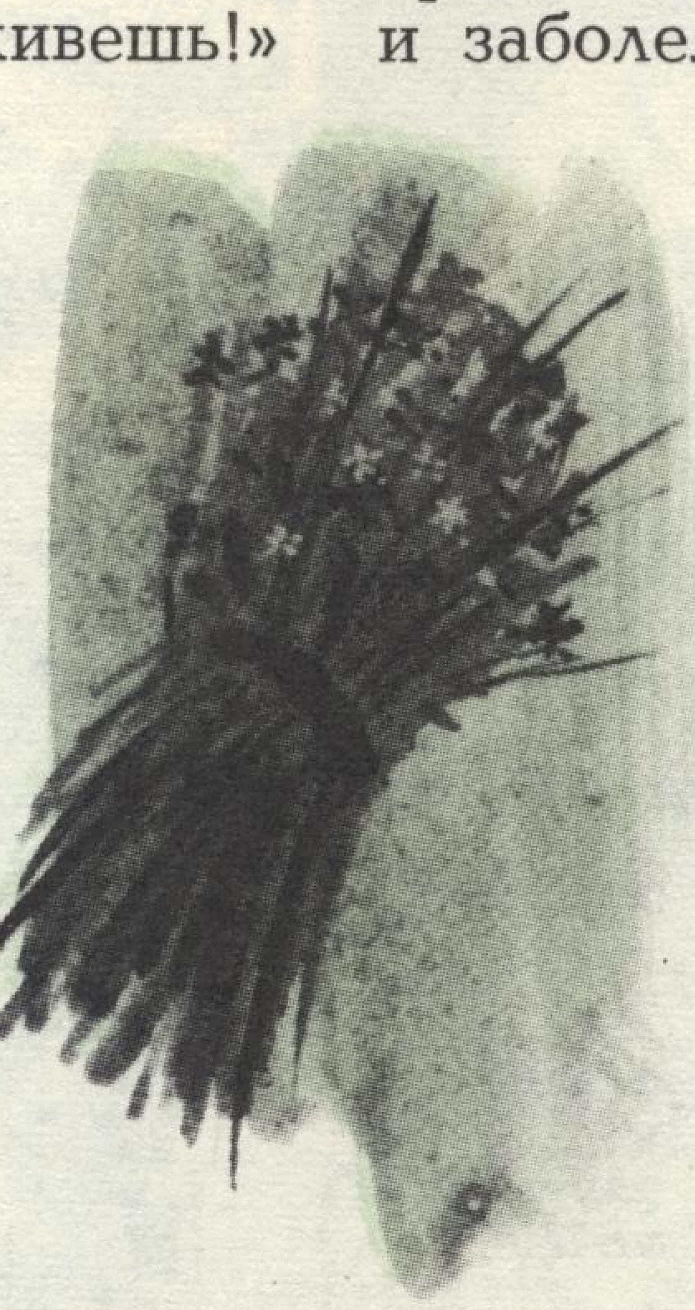
«Значит, все-таки это возможно? — уже с надеждой думал Хамза.—Значит, и в России есть недовольные? Ладно. Ждать так ждать!»

И еще раз повторил те строчки поэта Фирдоуси, которые всегда помогали ему пережить тяжелые времена:

«С надеждой можно прожить сто лет, а без надежды и трех дней не проживешь!»

Теперь была надежда.

И она осуществилась. Наступил Октябрь. Грянула революция. Рабочие и крестьяне стали хозяевами.



«Вставай, проснись, наш Туркестан!»

Стояла жаркая туркестанская осень.

Советская власть в тяжелой битве со старым строем, шаг за шагом завоевывала Туркестан. Владельцы крупных заводов бежали за границу. Муллы притихли за стенами мечетей. Но еще крепки были устои шариата — мусульманского законодательства, еще сильны были явные и тайные враги Советской власти.

Хамза, как только услышал, что басмачи свирепствуют в Коканде, поспешил домой. На одной из разоренных улиц Хамза остановил старика в выцветшей чалме. Он понуро шел, постукивая палкой по каменным плитам тротуара.

— Дедушка, что это? Весь город горел?

Старик махнул рукой, не поднимая головы.

— Басмачи. Много их было... Полон город.

Хамза ускорил шаг, его гнала тревога. Стоит ли на месте отцовский дом? Может, и там лишь обгорелые стены?

Дом отца стоял на месте, тихий, с закрытыми окнами.

Хамза вошел во двор. Вошел в дом. Привычное тепло низеньких комнат, запах сушеных трав, знакомый с детства...

Из комнаты отца послышался слабый голос:

— Кто там пришел?

Отец! Он здесь, живой... Хамза открыл дверь.

— Это я, дадажон. Салам алейкум!

— Хамза... Ты?

Отец лежал на курпаче. Рядом на подставке лежала книга. Хамза с болью в сердце вдруг увидел, что отец старый и больной. Всегда отец был табибом — ученым, хозяином дома, твердым, властным. А нынче он выглядел таким беспомощным, таким беззащитным... Лицо его пожелтело. Осунулось.

— Здоровья вам, отец!... Что с вами такое? Почему вы лежите?

Хамза видел, что отец рад ему. Он опустился на ковер рядом с ним. Отец вздохнул.

— Заболел я... Ты видел город?

— Да.

— Буйствовали здесь они. Бесчеловечно. Мы уехали было в кишлак, в Ок-Кул-Гандживаран. Пришлось скрываться. Потом перебрались в Авган-баг, близ Коканда... Там я и заболел. И вот недавно вернулся. Узнал, что Ачахон приехала, и вернулся.

— Ачахон здесь? — Хамза обрадовался. Ачахон—его любимая сестра.—С семьей?

— Да.

Хамза хотел было вскочить и бежать к Ачахон. Но вспомнил, что там мачеха...

— Я бы раньше вернулся, но дом был пустой. Но, как только приехала Ачахон, я вернулся.

— Вместе?

— Нет, она там осталась.— Хакимча имел в виду мачеху.

Не знал, как сказать о жене. Назвать женой? Одинаково неприятно.

У Хамзы, когда он услышал, что «она» осталась там, просияли глаза. Дом опять стал родным.

— А как же ты, Хамза? Устроил ли ты свою жизнь?

— Теперь буду устраивать, дада. Пришло мое время! Наконец-то оно пришло!

— Какая же у тебя работа?

— Я написал три романа. Один из них, «Новое счастье», уже напечатан. У джадидов теперь нет той силы, чтобы меня душить, как раньше. Подумайте, отец, мои романы — первые романы на узбекском языке. Вы же знаете, у нас, узбеков, никто не писал и не печатал романов!

— Значит, опять пишешь?

— Да, пишу. Составил сборник стихов, положил их на музыку. Положил стихи на мотивы наших узбекских песен, чтобы их можно было петь. Я написал семь сборников стихов.

По Туркестану, по всей стране уже гуляли революционные стихи — песни Хамзы.

«Вставай, проснись, наш Туркестан,
заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан,
Хвала, хвала, хвала...»

— Наступило мое время работать! — любил повторять Хамза.

И работал. Работал с полной отдачей сил.

Письмо из Ферганы пришло неожиданно. В Фергане открылась первая советская школа. Хамзу приглашали преподавать в этой школе.

Хамза не думал, что так обрадуется. Сколько раз он открывал школы, сколько раз брался обучать ребят, но ему не давали!

Хамза собрался очень быстро.

— Кто-то говорил, что больше не уедет...— печально сказал Хакимча,— кто-то говорил, что останется дома.

— Отец, как я могу отказаться? — Хамза умоляюще приложил руку к груди.— Ведь это мечта моей жизни! И это мой долг, отец, мой долг перед народом!

Ачахон долго стояла у ворот и смотрела из-под чачвана вслед повозке, запряженной ишаком.

Хамза уехал.

В Фергане

— Должен вас предупредить, Хамза-афанди, что здесь будет нелегко.

Кары-Ниязи, один из организаторов ферганской школы, испытующе поглядел на Хамзу, но, встретив сверкающий взгляд Хамзы, улыбнулся.

— Я вижу, это не пугает вас.

Кары-Ниязи повел его в класс. Там сиротливо сидело трое ребят. Между бровями Хамзы резко обозначились две морщины.

— И вчера было так же?

— Вчера было полно.

Хамза потуже затянул поясной платок — бельбаг, перетягивающий полосатый халат.

— Надо узнать, в чем дело.

— Пройдем к мечети.

На площади перед мечетью стояла толпа, стояла тихо, безмолвно. Лишь один голос слышался над толпой, голос седого имама. Высокий, худой, с черными глазами, глядевшими из-под седых, будто коробочки хлопка, бровей, он грозил ферганцам:

— ...И знайте это! Всех, кто пошлет своих детей в советскую школу, в школу кяфиров, я властью, данной мне аллахом, отлучу от ислама! И пусть они тогда скитаются, как бездомные собаки, и никто не бросит им куска хлеба, и никто не впустит под свой кров, чтобы они не оскверняли его!

— Оммен! — загудели стоявшие около имама муллы.

Толпа замерла, напуганная страшной угрозой.

Вдруг ясный молодой голос разбудил эту застывшую тишину.

— Что вы слушаете его, друзья! — Хамза вскочил на деревянную скамью, стоявшую у ограды мечети.— Что может вам сделать этот старик? Он грозит отлучить вас от ислама! А что будет с ним, если мы отлучим его от всех нас? Что он будет делать тогда? Кто его будет кормить? Кто будет обрабатывать его землю? Кто будет пасти его стадо? Подумайте, друзья!

Хамза вскочил на деревянную скамью, стоявшую у мечети, и воскликнул:
— Что может вам сделать этот старик?

По толпе прошел невнятный гул. Имам и муллы, словно потеряв дар речи, слушали Хамзу. Пытались что-то возражать, но шум заглушил их слова, и они поспешно скрылись в мечети. Ферганцы, которым уже внушили вражду к новой школе, задумались, заспорили между собой...

Хамза понял, что он сбил их, уже готовых в гневе идти громить школу. Это было хорошо. Хорошо, что они не единодушны, что они спорят...

— Разве не понимаете вы, друзья, что имаму совсем нет расчета обучать и просвещать наших детей, детей простого народа. Дети вырастут грамотными, знающими, они сумеют защитить себя от обмана и несправедливости. Имамам трудно будет морочить им голову, а баям и купцам обсчитывать их!

Толпа слушала внимательно. Сначала выкрики прерывали его речь:

— Вероотступник!

— Кяфир!

Но Хамза продолжал говорить, сбить его было невозможно. И постепенно все меньше враждебных выкриков и проклятий неслось в ответ ему и все чаще слышались слова одобрения.

— Правильно!

— Хвала!

Дети снова вернулись в школу. Занятия наладились. Хамза, дорвавшись до любимого дела, отдавал школе все силы и помыслы. Все шло хорошо, ребята охотно учились. И вдруг опять почти пустые классы.

Что еще случилось?

Первый же ферганец, к которому он пришел спросить, почему его дети не были в школе, сказал, нахмурясь:

— Я не могу, Хамзахон, посылать в школу своих детей. Имам отлучает от ислама... Уже отлучил и проклял Юсуфа-сапожника. Теперь к нему никто не войдет в дом.

— Зато дети его будут грамотными, а грамотному жить, сами знаете, легче. Власть имамов скоро кончится. Подумайте о детях, Сабир-ака!

— И еще говорят: выучатся дети в вашей школе, и их сразу отправят в солдаты.

— Злая сплетня, Сабир-ака! Ни о каких солдатах и речи нет. А если будут брать на службу, то одинаково и грамотных и неграмотных. Только грамотным ведь и там будет легче! А кому нужна такая клевета, подумайте сами.

Снова каждое утро со всех сторон бежали веселые стайки ребят в школу. Но Хамза не знал, надолго ли. Каждый раз, отлучаясь из школы, он возвращался с тревогой: все ли тут благополучно?

И не напрасна была эта тревога. Как-то, вернувшись из клуба, где он выступал перед народом, он увидел, что Кары-Нияз омрачен.

— Что случилось, афанди?

— Плохое. Кто-то нанял бандитов, головорезов каких-то. Ходят по домам, бьют родителей наших учеников. Чтобы не смели пускать в школу детей.

И все-таки ученики приходили в школу. Несмотря на клевету, на побои, на угрозу духовенства.

А кругом бушевало басмачество. Вооруженные отряды налетали на кишлаки, на города... Наступил и такой день, когда копыта их коней застучали по улицам Ферганы. Люди с криком разбегались по домам:

— Басмачи! Басмачи!

Ворота школы, будто ворота осажденной крепости, наглухо закрылись. Кары-Нияз и Хамза взялись за оружие и приготовились к последней схватке. Они понимали, что им не выстоять против дикой, разъяренной банды, которая сейчас ворвется к ним...

Но что это? На соседней улице тревожно загудела труба... Отступление!

Выстрелы прекратились, сразу стало тихо. Дробный стук конских копыт замер где-то в глухом переулке. Будто ветер прошумел по городу — басмачи ускакали.

Зато с другой стороны в город ворвался топот конницы. Послышались крики:

— Это наши! Советские! Красная Армия!

Школа снова была полна учеников.

Хамза не видел, как летели дни.

Хамза собирался организовать драматический кружок. Но в Фергане нашлось столько молодых охотников вступить в кружок, что получилась большая театральная труппа — «Драматическая труппа мусульманской молодежи при городском отделе народного образования».

Стали ставить написанные Хамзой пьесы «Отравленная жизнь», «Трагедия мобилизованных», «Наказание клеветников». Никто не уходил равнодушным со спектаклей. Кто плакал, кто проклинал баев и угнетателей... А кто-то проклинал и Хамзу со всей его труппой.

— Хамза-ака, а не поехать ли нам куда-нибудь на гастроли?

Актеры, ободренные успехом, все чаще задавали этот вопрос Хамзе. Он отмалчивался, думал, прикидывал. И наконец объявил:

— Друзья! Едем в Ташкент. Собирайтесь.

«Бай и батрак»

Борьба за Советскую власть обострялась. В начале 1919 года Центральный Исполнительный Комитет Российской Федерации направил специальную комиссию во главе с Михаилом Васильевичем Фрунзе и Валерианом Владимировичем Куйбышевым для укрепления Советов в Туркестане.

Фрунзе отдал приказ по войскам. В этом приказе были и такие слова, разъясняющие положение:

«Басмачи не просто разбойники — если бы это было так, то, понятно, с ними было бы покончено. Нет, основные силы басмачества составляли сотни и тысячи тех, которых так или иначе задела или обидела прежняя (царско-колониальная) власть; не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и этим придали им небывалую силу».

Близилась первая годовщина Октябрьской революции. Прошел всего один год, как в страну пришла Советская власть. Театральное управление Народного комиссариата просвещения Российской Федерации вынесло решение послать на фронт театральные и концертные труппы. Решение подписал Анатолий Васильевич Луначарский.

Хамза узнал об этом из газет. Пришел на репетицию возбужденный. Актеры уже собрались к назначенному часу.

Разговоры сразу смолкли, как только появился Хамза.

— Друзья,— сказал Хамза,— под Ташкентом формируются два состава. Это агитпоезда. Один пойдет на Закаспийский фронт. Другой—на Оренбургский. Как поступить нам? Поехать ли с этими поездами на фронт или остаться в Фергане?

Актеры растерялись. Кто-то из них не мог бросить работу. Кто-то был связан семьей. Но слова Хамзы были огнем, брошенным в смолу.

Потом заговорили один за другим.

Труппа Хамзы отправилась на фронт с агитпоездом. А через год, в сентябре 1919 года, они вступили в ряды Красной Армии. Теперь их труппа называлась так: «Краевая мусульманская труппа при Политическом управлении штаба Туркестанского фронта».

Войска Первой армии под командованием Фрунзе прорвались со стороны Актюбинска к станции Мугоджары. И здесь 13 сентября соединились с Красной Армией Туркестана. А через несколько дней висело объявление Хамзы, приглашающее на спектакль:

«Специальный вечер для красноармейцев 19 сентября, в пятницу, в Гарнизонном театре.

Товарищи актюбинские солдаты-мусульмане, показавшие пример беззаветной преданности справедливому пути Советской власти!

В честь вашей славной героической части «Краевой мусульманской труппой» устраивается вечер. На вечере будет представление под названием «Бай и батрак».

Автор — Хамза Хаким-заде».

Жизнь на колесах

В Андижане вскоре появился «Умид», первый Узбекский государственный театр.

Он начался с «Восточного вечера». Его устроил Хамза.

Кто думал в то время об отдыхе? Кто страшился усталости, неудобств, лишений? Агитпоезда выходили на фронт и в прифронтовые районы, артисты выступали с концертами, ставили пьесы, вели пропаганду. Если вспыхивал бой, хватали винтовки и сражались рядом с бойцами Красной Армии.

Хамза забыл, что такое спокойная домашняя жизнь. Непостижимая энергия клокотала в этом худощавом, подвижном человеке. Ему некогда было спать, ему некогда было думать о себе, о своих личных делах, потому что в сутках всего двадцать четыре часа, их ему никогда не хватало.

В ноябре Хамза снова приехал в Андижан, но уже со своей труппой. Хотелось поддержать молодой, созданный им театр «Умид».

Андижанцы встретили его с ликованием.

Хамза поставил в Андижане «Бай и батрак». Потом «Наказание клеветников». И под конец три части своей «Ферганской трагедии» — большой пьесы о кровавых делах басмачей.

Афишу написали, как всегда, с лозунгом: «Да здравствуют Советы!».

Эти пьесы трепетали жизнью, борьбой и страданиями тех дней. Они не могли оставить зрителей равнодушными, они хватали за сердце, пробуждали гнев и отвагу. Это было сильное оружие, и било оно без промаха.

...Занавес закрылся. А зал все еще вздыхал и плакал.

Наконец в зале зашумели. Захлопали. Закричали.

— Слышите, Хамза-ака! — Рядом стоял один из молодых актеров.— Слышите, что кричат? «Правильно!», «Молодцы!»

— Слышу,— ответил Хамза.— Это кричат те, для кого мы пишем пьесы и для кого мы играем.

— А разве есть другие? — Это подошла Мариам-ханум — так звали здесь Марию Кузнецову.— Я что-то не слышала!

Она улыбалась, приглаживая свои русые волосы. От нее веяло душевным спокойствием, чем-то родным, надежным, ласковым... Может, она напоминала Ксению?

Хамзе ее присутствие было, как тепло солнца, когда среди снега и бурь ранней весной начинают светить его первые, еще не жаркие лучи. Эта не дрогнет, не предаст, не изменит. Счастлив человек, у которого такие друзья.

Они давно уже шли вдвоем по темным, освещенным только звездами улицам Андижана. Было тихо, город затаился, страшась зажигать огни.

Бронепоезд неподвижно стоял на путях. Вот и вагон, давно ставший их домом.

— Дом на колесах! — мягко усмехнулась Мариам-ханум.— Долго нам еще колесить по жизни?

— Вы устали, Мариам-ханум?

4—5 «Пионер» № 5.

— Я? О, Хамзахон, о чем вы говорите! Я счастлива. У меня здесь столько друзей, самых настоящих. Кто знает, будут ли у меня такие же друзья, когда мы все разойдемся в разные стороны?

Оба тихонько вздохнули. Давно уже проверено, что фронтовая дружба — дружба самая верная.

Снова дорога. Снова спектакли и концерты, прерываемые перестрелкой. Спектакли ставили на платформах, в пустых сараях, в покинутых байских дворах, в разбитых вагонах...

Занавес раздвинулся. На сцену вышел бай, закричал на батрака, замахнулся на него камчой.

В конце 1920 года басмачей наконец разгромили.

В этом же 1920 году Хамза Хаким-заде Ниязи был принят в члены Коммунистической партии.

Хива

Минареты в голубых шапках. Порталы медресе, мечетей, усыпальниц украшены цветными изразцами и тонкими узора-

ми ультрамарина, бирюзы, охры... Недостроенная толстая башня, где грубо чередуются яркие пояса желтого, зеленого и красного цвета. Остатки древней стены, желтой, как земля Хорезма. И узкие улочки, где, загородившись дувалами, теснятся низкие глинобитные домишки.

Хамза и Шерози, хивинский певец, поднялись по отлогим ступеням. Сторож открыл громоздкие кованые двери. Они вошли под тяжелые своды дворца и после огненной жары узкой хивинской улицы словно окунулись в прохладное озеро или оказались в тенистой роще, куда не проникает солнце.

Но вот зал, большой, круглый, тоже весь в узорах. Над круглым столом огромная хрустальная люстра.

— Европейская люстра...— Шерози покачал головой,— красивая, но... чуждая здесь.

«Вот здесь,— думал Хамза, опершись ладонью на прохладный узор стола,— шли пиры, играла музыка, танцовщицы танцевали, певцы пели...»

— Вот здесь мы и устроим театр! —сказал Хамза.—Самое подходящее место. Как вы думаете, Шерози?

— Лучшего в Хиве не найдешь,— весело отозвался Шерози.

В самом дворце спектакль не поставишь, зал небольшой, а комнаты и совсем маленькие. Прошли во внутренний двор, окруженный резными колоннами, где обитала ханская семья.

— Вот самое подходящее место!

— На этом и остановимся. Хоп.

К вечеру, когда свалил зной, зрители тесно заполнили двор ханского дворца.

— Шерози, берите гармонь и садитесь у сцены,— сказал Хамза.— Я дам команду «играй», вы и начинайте. Скажу «кончай» — прекращайте!

Рядом с Шерози сели еще двое — один с бубном, другой с балалайкой. Гармонь, бубен, балалайка — вот так оркестр, радостей вам!

Но ничего, сладились. Народ в недоумении поглядывал на них. Переговаривались, перешептывались. Что-то будет дальше?

Но вот дана команда прекратить, и Шерози, сдвинув гармонь, умолк. Хамза, праздничный, в желтом хорезмском чекмене, вышел на край сцены.

— Люди, сейчас вашему вниманию будет предложено небольшое представление.

Занавес раздвинулся. Старый, плохо одетый батрак рубит большой кряжистый пень. Сил у него нет, он изнемогает. Выходит бай—Хамза уже успел загримироваться. Бай кричит на старика: разве так работают? Бьет его камчой, старик охает, стонет, но бай безжалостен. Еще раз пригрозив ему камчой, бай уходит.

В толпе зрителей послышались тяжелые вздохи, кое-кто утирал глаза.

Но батрак поднялся, выпрямился и, обращаясь к народу, запел:

«Эй, угнетенный! Эй, рабочий,
Пришла твоя пора — вставай!»

Неожиданно кое-кто из зрителей подхватил песню. Батрак начал ее сначала, и уже все, кто был здесь, запели вместе с ним. Особенно громко прозвучало: «Пришла твоя пора!..»

Этот «Восточный вечер» с представлениями, с музыкой, с народным гуляньем стал в Хиве необычайным событием. О нем долго говорили, вспоминали.

Незаметно подоспела зима.

На курултае — съезде профсоюзов Хорезма — Хамза избран членом президиума совета профсоюзов. Ему поручено ведать отделом культуры совета.

Не прошло и двух месяцев, как Хамза добился средств для постройки театра. А еще через два месяца театр был построен.

Ходжейли

В Наркомпросе предложили ему поехать в школу-интернат в небольшой городок Ходжейли, чтобы преподавать.

Улицы полны солнца. Иногда ветер пустыни долетает сюда, засыпая мелкой горячей пылью крыши и листья садов.

Жизнь Ходжейли дает канал Суянли, медленно несущий желтую воду. Здесь много садов, мечети поднимают над крышами свои минареты, большой базар. В караван-сарае полно проезжих гостей и груженных товарами верблюдов.

Хамза, утомленный зноем, медленно шел по узкой, прокаленной солнцем улице.

«Все у нас есть — и базар, и мечети, и гробница «святого»...— думал Хамза,— а вот школа только одна. Да и та лишь при Советской власти появилась!..»

Хамза чувствовал себя затерянным в этом глухом краю. Большая жизнь шумит где-то далеко... Советская власть ведет борьбу с последними бандами басмачей, с твердынями ислама, с врагами Советов...

Он здесь уже второй год. Был учителем, потом назначили заведующим школой.

Конечно, жизнь и здесь, в глухом Ходжейли, полна интересных дел. Хамза учит детей, заботится о школе, создает кружки самодеятельности. И еще находит время вы-

ступать перед народом с политическими беседами и писать статьи для газет.

Однако свой хивинский театр он забыть никак не может. Что там? Как там?

Не только в Хиве замерла театральная жизнь. Развалился театр и в Бухаре и в Андижане. Говорят, что закрылся театр и в Коканде.

А время идет. Хамза, какой-то притихший, хлопочет в своем интернате. Хлопот и дел много.

Иногда ночью, сидя за письменным столом, Хамза с горечью думал: «Забыли... Забыли все. Отослали с глаз долой, и живи, как хочешь. Оказывается, не так уж ты и нужен людям, Хамза Ниязи!»

«Нет, этого не может быть!» — возражал самому себе Хамза.

Однажды, подходя к школе, Хамза увидел почтальона, хромого солдата, вернувшегося с войны. Видимо, он поджидал Хамзу. Солдата окружили ребята и вместе с ним ждали, когда придет директор. И лишь только Хамза взялся за скобу калитки, несколько голосов закричали:

— Хамзахон! Вам письмо!

— Вам письмо из Ферганы!

Хамза насторожился.

— Из Ферганы?

Почтальон встал.

— Да, Хамзахон, заказное.

Хамза, скрывая волнение, развернул письмо. Ферганская партийная организация приглашает его вернуться в Фергану. Письмо задрожало в его руках. Нет, не забыли! Нет!

Вскоре Хамза уже был в Фергане. Его назначили заместителем начальника политпросветотдела народного образования. И одновременно режиссером и руководителем театральной труппы.

...Мелко рысит ослик, погромыхивают высокие колеса повозки, пылит дорога... Дорога домой, в родной город Коканд!

Снова успех и снова провал

Каждый раз, возвратившись из дальних поездок, Хамза с волнением вглядывался в знакомые улицы его детства, где глухие закоулки махалли, тихие хаузы и старые деревья хранили воспоминания о его детских играх, о первых радостях и первых страданиях...

Арба остановилась. Ребятишки, игравшие на улице, обступили ее. Мелибой, сын сестры Ачахон, опрометью бросился в дом, чтобы сообщить новость.

Хамза стащил с арбы дорожные сумки и узлы.

Ачахон встретила его радостно.

— О, Хамза-ака! Наконец-то вы приехали!

Хамза вошел в комнату отца и ощутил тонкий запах лекарственных трав. В нише лежали книги отца, подставка для книг, каландон — коробочка для письменных принадлежностей. Даже старый его матрасик — курпача лежал на месте. Вот уже пятый год, как нет отца, а будто только вчера похоронили его...

Хамза остановился у окна. Задумался. Дверь открылась.

— Ты, Ачахон?

— Да, Хамза-ака.

Хамза обернулся. Ачахон, улыбаясь, стояла у дверей.

— Ну вот как хорошо,— сказала Ачахон,— все теперь хорошо. И вы дома, Хамза-ака. Не уезжайте больше, Хамза-ака, ведь это дом вашего отца!

Снова дни полетели вихрем. Вскоре в ферганской газете появилась заметка:

«Всем известный наш Хамза Хаким-заде, в свое время работая в театре, заслужил большую славу. Когда Хамза находился в Хорезме, ответственные товарищи Ферганской области добились его отзыва из Хорезма в Фергану и поручили ему возродить театральную труппу. Он организовал театр, собрал труппу из двадцати пяти человек, она взята на содержание государством».

Хамза торжествовал: «...взята на содержание государством...» Теперь можно работать в полную силу. Актеры получат заработную плату, и он сам уже не будет так нуждаться. А какая радость встретиться со старыми друзьями, которые нетерпеливо ждали его! Тараша, Буранбай, Тоджи-Зода, Шермат Корвонов, его верный суфлер... А сколько света было в голубых глазах Мариам-ханум! Снова у них свой театр и режиссер Хамза, энергичный, живой, требовательный, не знающий отдыха...

Ставили пьесы Хамзы. Потом взялись за пьесы русских драматургов. «Женитьба» Гоголя прошла с успехом.

Но после первого же представления начальник отдела Совнаркома пригласил Хамзу к себе. В кабинете сидело несколько человек.

— Хамза-афанди,— обратился к нему начальник отдела,— мы несколько удивлены. Зачем в Туркестане ставить пьесу русского писателя? Разве у нас нет своих пьес? Зачем нам авторы чужой национальности?

Хамза чуть улыбнулся.

— Афанди! Если у людей другой национальности есть хорошее, то почему нам

не взять это хорошее? А ведь русская культура такая высокая и богатая...

Наступило молчание.

— И вот что еще я хотел бы напомнить вам, афанди,— продолжал Хамза.— Ленин дал нам на подъем нашего хозяйства пятьдесят миллионов из средств Российской Федерации. Это деньги людей другой национальности, но мы же их взяли!

На это возразить было нечего.

Театр заполнял всю жизнь Хамзы, поглощал его мысли, чувства. Он начал писать оперу «Карасоч» — «Черные косы». Мелодии звучали в его душе, в свободные часы он торопливо набрасывал ноты.

Но время шло, а у Хамзы не убавлялось дел. В Бухаре начался первый съезд Советов — Хамза со своей труппой ставил спектакли для делегатов съезда. Он поехал в Андижан, чтобы помочь там восстановить театр. А когда в Андижане театр начал работать, Хамза в конце года поспешил в Наманган — тоже помочь театральной труппе оживить и наладить ее работу... А весной вся кокандская труппа отправилась в Самарканд на гастроли.

После этих гастролей Хамза почувствовал, что безмерно устал. Он попросил освободить его от всех работ.

И он снова вернулся в родительский дом.

Авваль

На вершинах коричневых, с красными опалинами гор лежали отсветы вечерней зари. В кишлак из ущелий ползли сумерки. Монотонно шумела пенистая Кок-су.

На улицах еще виднелся народ. Усталые люди возвращались с полей. Скрипела колесами арба, нагруженная сучьями, из-под которых виднелись длинные уши и маленькие, легко шагающие ноги ишака. Около дворов играли ребятишки.

И вдруг шум, веселые голоса. Люди, шедшие с поля, остановились. Кое-где открылись калитки, выглянули старухи узнать, что случилось.

По улице со стороны Кок-су шел Хамза, окруженный молодежью, комсомольцами кишлака Авваля. Дехкане переглядывались.

— Что-то веселы!..

И один за другим подошли поближе. Подтянулись и старики. Сбежались ребятишки.

— Что у вас там? Чему радуетесь?

— Мост закончили,— отозвалось сразу несколько голосов,— мост через Кок-су! Пожалуйста, можете ходить и ездить сколько пожелаете!

— Что такое вы говорите? Закончили мост?

Хамза улыбнулся, вытирая потный лоб концом чалмы.

— Ступайте, посмотрите. Что ж тут невозможного?

— Как что невозможного, Хамзахон? Мы столько лет мучились с этой Кок-су. Какой бы мост ни построили, тут же разломает и снесет. Всю жизнь в обход и ходили и ездили, а ведь это вон как далеко!

— Не так строили, как надо.

— Конечно, не так. Да ведь не было средств на такой вот мост. Спасибо, Хамзахон, что выхлопотали нам эти средства в районе. Хвала вашему отцу, Хамзахон! Большое облегчение народу!

— Мы решили назвать этот мост именем Хамзы,— сказал комсомолец Кимсан и, прижав руку к сердцу, поклонился Хамзе.— Мостом Хамзы Хаким-заде Ниязи!

Хамза засмеялся.

— Имя Хамзы будет жить, пока стоит этот мост!

— А он будет стоять вечно! — тут же нашелся Кимсан.

Около низенького глинобитного дома-школы, которую уже и здесь успел открыть Хамза, собирались его ученики, колхозники Авваля. Хамза зашел домой — он жил у родственников,— взял книги, стопку тетрадей. Тотчас из внутренних комнат раздался голос Аминахон, дочери хозяина дома.

— Хамзахон, вам надо пообедать.

— Некогда, некогда, Аминахон. Вот вернусь, тогда и пообедаю, да заодно и поужинаю!

— А кто говорил, что ничего делать в Аввале не будет?

Хамза провел рукой по своим густым блестящим волосам, улыбнулся, надел тюбетейку.

Днем в кишлаке. А ночью, при керосиновой лампе, над своими рукописями. Рукописей уже много—новые пьесы, статьи, сорок революционных песен, положенных на ноты. Вот они лежат здесь, печатать их не стали.

Ну что ж, это еще не значит, что Хамза должен положить на полку свой калям. Сегодня он услышал смешную сказку, ее рассказал плотник, работающий на стройке красной чайханы.

— Женщина была, Майсара. Вдова. Но еще молодая, веселая, озорница к тому же. И случилось так— девушка и джигит полюбили друг друга. А тут старый ишан навязался, захотел девушку себе взять. Что делать? Молодые плачут, с ишаном не поспоришь. Ну и взялась за дело Майсара.

В этот же вечер Хамза сел за пьесу.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Ученица. Баобаб — самое большое дерево в Африке.

Учитель. Что еще ты можешь о нем рассказать?

Ученица. У баобабов всегда в середине большое дупло и в нем сидит какое-нибудь животное.

Алтай Бекетов, г. Актюбинск.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Витя. Молекулы при столкновении должны увеличиваться!

Учитель. Почему?

Витя. Потому что при столкновении молекулы с другой молекулой у нее вырастает шишка.

Гуля Ахметова, Ферганская обл., г. Кува.

ВНИМАНИЕ! Как мы и обещали, в этом номере будут объявлены имена победителей КОНКУРСА «НЕВЫДУМАННЫХ ДИАЛОГОВ».

Но сначала разрешите представить вам членов нашего жюри:

Ролан Быков — кинорежиссер, актер, автор многих детских фильмов.

Григорий Горин — писатель, драматург и сценарист.

Александр Курляндский — писатель, один из авторов многосерийного мультфильма «Ну, погоди!».

Эдуард Успенский — писатель, автор книги и мультфильма о Чебурашке.

Геннадий Хазанов — лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады.

Всем членам жюри было дано «домашнее задание», с которым, как считает «Переменка», они успешно справились: каждый прочел уже напечатанные в журнале и еще лежащие в папках ваши «невыдуманные диалоги» и отметил те, которые ему больше понравились. Правда, наши арбитры, столь же остроумные, сколь и справедливые, немало поспорили, прежде чем назвали имена семерых победителей. Вот они:

Аня Титова, с. Несь, Архангельская область; **А. Ильницкая**, г. Запорожье; **Люда Володина**, г. Ржакса, Тамбовская область; **Ира Дибина**, г. Новокузнецк; **Наташа Лукьянова**, ст. Бутылицы, Владимирская область; **Алтай Бекетов**, г. Актюбинск; **Гуля Ахметова**, г. Кува, Ферганская область.

Эти ребята получат обещанные награды: книжки и грампластинки с автографами членов жюри конкурса, рисунки художников-мультипликаторов.

И еще одно сообщение: поскольку писем на конкурс пришло очень много и они продолжают поступать, решено **ПРОДОЛЖИТЬ КОНКУРС «НЕВЫДУМАННЫХ ДИАЛОГОВ»**. Жюри надеется, что список победителей в будущем учебном году увеличится.

Из школьных сочинений

«Глобус вращается с помощью руки, а земля с помощью оси».

«Онегин хороший, но больше плохой».

«Вдруг кто-то схватил его за ногу — это была судорога».

«На светло-голубом фоне неба летали птицы, самолеты, комары и другая мелкая мошка».

«Конь у богатыря рыжий, грива длинная, выражение лица строгое».

«В ночь перед битвой князя Игоря с половцами случилось затмение солнца. Затмение длилось всю ночь».

«Колесница — это телега на двух колесах».

«Пыль — это грязное вещество, которое собирается стаями и делает налеты».

Переменка. Переменка. Переменка.

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

МАШИНА, НА КОТОРОЙ ТЕБЕ РАБОТАТЬ

О КамАЗе мы уже рассказывали в «Пионере» два года назад. Мы писали тогда, что КамАЗ — автомобиль будущего, что в нем будут сочетаться быстрота МАЗа, надежность ЗИЛа, высокая проходимость ГАЗа и огромная сила БелАЗа. Заводы и фабрики, дальние и близкие стройки, колхозные поля — везде ждали замечательную машину. Все знали, что КамАЗ может работать при любой погоде и на любых дорогах.

В канун XXV съезда КПСС с главного заводского конвейера сошли первые грузовики. Их было немного, но они сразу же приступили к работе. В прошлом году уже помогали собирать урожай.

А 31 декабря 1976 года вступила в строй первая очередь камского комплекса заводов по производству большегрузных автомобилей. Теперь хозяйство страны каждый год будет получать 75 000 замечательных машин!

«Через пять лет автопоезда КамАЗа будут перевозить почти треть всех грузов на дорогах нашей страны», — говорит главный конструктор автомобилей В. Н. Барун.

Вот какая подмога народному хозяйству — богатырское семейство КамАЗов!

Работать на этой машине удобно и приятно. Конструкторы сделали все, чтобы облегчить труд водителя. Ведь многие КамАЗы будут работать на междугородных линиях, и водители по нескольку дней будут в дороге.

Прежде всего в отличие от других машин капот, под которым находится мотор, здесь не выступает вперед, а скрыт под кабиной. Поэтому шоферу лучше видна дорога. И посмотри, как ему просторно в кабине — пять человек свободно разместились на сиденье!

Водитель КамАЗа устает меньше, чем водители других машин, хотя полностью загруженный КамАЗ с прицепом весит около тридцати тонн. Руль и педали снабжены усилителями, поэтому тяжелую машину легко вести. В кабине всегда свежий воздух, водителя не трясет, у него не закладывает уши от рева двигателей, — кабина хорошо изолирована. Кресло, как в самолете, можно отрегулировать по своему росту и привычкам.

Водителю не нужно наливать в радиатор воду и спускать ее на больших остановках.

Фамилия: КамАЗ

Род занятий: ГРУЗОВИК

На заводе в систему охлаждения заливается незамерзающая жидкость, и мотор КамАЗа несложно запустить даже в холодное время года. При очень уж сильном морозе двигатель можно разогреть на специальной печке.

Для безопасности езды у КамАЗа четыре системы тормозов. На все случаи жизни: рабочая, стояночная, вспомогательная и запасная.

У грузовика мощные фары, свет которых, по словам водителей, «туман, как ножом, режет».

Вот какая отличная машина КамАЗ! Но имей в виду: такой машине нужен и хороший хозяин. Трудолюбивый, умелый, знающий...

С. СЛАВСКИЙ, инженер

ШЕЛКОВАЯ РАДУГА

РАССКАЗ О МОСКОВСКОМ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ШЕЛКОВОМ КОМБИНАТЕ «КРАСНАЯ РОЗА» ИМЕНИ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

Владимир АРРО

Рисунок Ю. ПОЖАРСКОЙ.

«КРАСНЫЙ» ЦЕХ

Это чудо, в какой красный цех я попал! Как будто в колонну праздничной демонстрации: от начала и до конца огромного зала — красные флаги, флаги, флаги! Еще он напомнил мне поле алых маков, которое я однажды видел в Карпатах. На комбинате этот цех так и называют — «Красный».

Я спросил:

— Что это за ткань здесь вырабатывают такую замечательную? Нигде такой не видел.

А мне отвечают:

— Правильно, что не видели. Этот шелк выпускает только наш цех, единственный в Советском Союзе. Называется он «Пионерские галстуки».

— Так прямо называется?

— Именно так. Это его официальное название.

И мне, старому вожатому, приятно было подумать, что где-то на Чукотке, или в большом городе Киеве, или, например, в бухте Находка, или в кишлаке Карамет-Нияз сидят третье-

классники и старательно повторяют слова Торжественного обещания. А здесь, в Москве, на втором этаже ткацкого цеха медленно крутятся барабаны станков и солидно, не торопясь, по десять сантиметров в минуту, ткут им красные галстуки. А галстуков нужно миллионы в год!

А теперь посмотрите внимательно на ваш пионерский галстук. Его гладкую поверхность образуют частые переплетения нитей. Как они друг с другом сплелись?

У станка сразу понимаешь, как это делается. В станок заправляют, подвезя на тележке, ткацкий навой (вал с намотанными на него нитями). Они называются нити основы, да иначе им и называться нельзя, потому что на них все и держится. Нити основы, натянутые как струны, уходят в станок. Я спросил, сколько же их в ткани «Пионерские галстуки»? Оказалось, 4 тысячи 854. Но каждая нить пока живет сама по себе.

И вот там, в недрах станка, дойдя до определенного места, этот поток нитей вдруг начинает делиться на четные и нечетные, как по команде «на первый-второй рассчитайсь!». 2 тысячи 427 «первых» и столько же «вторых» вдруг расходятся: одни идут вверх, другие вниз. Промежуток между ними называется «зев».

А надо сказать, что этого момента только и ждет другая, поперечная нить под названием «уток». Едва только основа зазевается, распахнет «зев», уток — юрк! — и проскочит его насквозь, от первой ниточки до последней. Основа опять «зевнет», но в другую сторону, поменяв местами «первые» и «вторые», а уток в это время — обратно!

И так он летает между четными и нечетными нитями основы в минуту триста раз, и они сами не замечают, как переплетаются. Из этих его трехсот полетов получается десять сантиметров ткани. Раньше уток летал с помощью стреляющего челнока — ох, и грохот стоял! А в новых, пневматических станках, установленных на «Красной Розе», хозяин — сжатый воздух, поэтому шуму меньше.

На другом валу, в нижней части станка, накручивается на вал, постепенно толстея, рулон алого шелка. Это пока еще неживой материал, но скоро рабочие руки превратят его в твой пионерский галстук — «с красным знаменем цвета одного».

ДВЕ СУДЬБЫ

По нынешним временам двенадцать, тринадцать лет — счастливый пионерский возраст. В «Топольке» — пионерлагере комбината «Красная Роза» — мальчики и девочки этого возраста ходят в походы, жгут костры.

К столетию своего комбината текстильщики собирали материалы его истории. И вот что им довелось прочитать в воспоминаниях ткачихи М. И. Седовой.

«На фабрику Жиро (фамилия француза — бывшего владельца) пришла тринадцатилетней девочкой. Здесь я оставила свою юность, здесь состарилась. Сначала работала крутильщицей. Тогда машин еще не было. Работали на ручных станках. Мужчины ткали, а мы возле них шпули мотали. Потом, когда установили веретена, меня перевели на второй этаж. Получала я гривенник в день. На эти деньги надо было одеваться и обуваться, на них же купить чаю, сахару, мыла и т. д.

Харчи были хозяйские. Обеды отдавали нефтью. Ели из толстых деревянных крашеных мисок по десять человек. Столов не было, пододвигали сундучки и с них кушали. В сундучке было все наше нажитое — пара белья, крестик, пара обуви да сахарок с чаем... Спали на общих нарах.

Мастером у нас был итальянец. Чуть не потрафишь — штраф. Уставали так, что еле ноги волочили.

Раз в ночную смену Марфушка Парамонова, обессиленная, задремала. Мастер заметил, потихоньку подкрался и отрезал ей косу. Несчастная места себе не находила... уж и наплакалась она...

Порядки тюремные. Бывало, придут родные, а их во двор не пускают. Стоим по эту сторону ограды, они — по другую.

Каждый имел право помыкать нами...»

Сорок лет назад поступила в школу фабрично-заводского обучения при «Красной Розе» другая девочка, Валя Бобкова. Ей тоже было тогда двенадцать лет. Детство у нее было нелегкое, мама болела — вот поэтому она и не доучилась. Мастера брать ее не хотели, боялись, что до ткацкого станка не достанет. Но она уговорила, обещала подрасти.

Когда стоишь на участке, где работает сейчас Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, делегат партийных съездов Валентина Ивановна Бобкова, понимаешь, как она выросла.

Что она может рассказать о своей жизни — самый знаменитый и заслуженный человек комбината «Красная Роза»?

В юности, еще до войны, поняла, что ткачество — ее судьба и призвание. Тянулась за стахановками, перевыполняла нормы. Училась в вечерней школе, поступила в техникум. Но началась война. Ткала парашютный шелк, двенадцать часов в сутки работала, себя не щадила.

И тогда, в войну, и позже поняла, что ровно, спокойно относиться к своей работе она не умеет. Намечала для себя рубежи, овладевала передовыми приемами.

Конечно, Валентина Ивановна и училась передовым приемам и вырабатывала свои. Руками ее руководили природный талант, вдохновенье, чутье. С каждым годом движения ее рук становились все более скупыми, отточенными. Она отвоевывала секунды. Когда специалисты прохронометрировали работу Бобковой и сравнили ее приемы с обычными, рекомендованными по технологии, то оказалось, что за смену этих сэкономленных секунд набегает 7 тысяч 654. Два часа двенадцать минут!

Понятно теперь, как ей удалось выполнить

девятую пятилетку за три года. А десятую она хочет успеть сделать за два с половиной. И все в этом уверены: прошло шесть месяцев, а она уже выдала годовой план.

Если и дальше идти в глубину рабочих секретов ткачихи Бобковой, то надо в е сильном характере выделить такое качество — смелость. Вот привезли на завод новое оборудование — чехословацкие пневматические станки. Кто за них возьмется в первую очередь? Конечно, Бобкова. И взяла она не каких-нибудь шесть станков, а целую дюжину.

Смелость и отвагу ее поддержали, и в виде опыта был создан целый участок из ста сорока четырех станков, где каждая ткачиха обслуживала двенадцать.

Но прошло немного времени, и Валентина Ивановна запросила тридцать шесть станков под свою опеку — в три раза больше! Это было неслыханной смелостью. Ей, конечно, дали. За ней потянулись другие.

Но вот ткачиха Бобкова перешла на семьдесят два станка! Полцеха! Сенсация! А рядом с нею, на другой половине цеха, сегодня работает, не отставая от лидера, другая знаменитость — Валентина Сергеевна Кузнецова. Производительность каждой возросла в шесть раз! А тридцать шесть станков на ткачиху уже стало нормой.

Я стоял и смотрел, как работает Валентина Бобкова. Площадь большая, станки выстроились длинными рядами, один ряд — целая улица. Но она не суетится, не бегает от одного к другому. Она передвигается меж станками уверенно, с достоинством, как, скажем, идет через толпу прохожих деловой пешеход.

И еще она мне напомнила хорошо знающего свое искусство жонглера. Помните, как спокойно он увеличивает количество летающих булав или тарелок, как артистично управляется с ними — и голова идет кругом, и усидеть невозможно спокойно, когда следишь за ним. А ему кидают еще столько же! Фантастика!

Но жонглерский номер длится минут пять — семь, а ткачиха Бобкова работает восемь часов — целую смену. И все семьдесят два станка у нее в голове, и спешит она к ним не только когда какой-нибудь остановится, а заранее, чтобы предупредить его остановку.

Я спросил у Валентины Ивановны: предел ли это ее возможностей?

— Почему же предел? — сказала она. — Вот выполнят на нашем экспериментальном участке кое-какие технические мероприятия, возьму на себя все сто сорок четыре.

Одна ткачиха на сто сорок четыре станка, на этот огромный цеховой пролет! Невозможно!

Но Валентина Ивановна зря не скажет. Тем более, что у помощника мастера, на котором лежит техническое обслуживание ее станков, та же фамилия: Бобков. Это ее муж — Альберт Александрович. Так что каждый новый рекорд — дело семейное, и прежде, чем пойти на него, они его со всех сторон обсуждают.

ДОРОГОЙ ПОРТРЕТ

После смерти В. И. Ленина на фабрике «Красная Роза» задумали выткать шелком его портрет. Рисунок поручили приготовить фабричному художнику Ивану Исаеву. Мастеру золотые руки, сыну неграмотного крестьянина-бедняка. А пока он готовил, мастера-настройщики И. Воронцов и П. Потапов настраивали специальный жаккардный ткацкий станок.

Портрет был выткан в конце 1924 года. И сразу все поняли, какая это большая художественная удача — Ленин смотрел с него как живой. Портрет был небольшого размера: 35 сантиметров на 40.

Как награду его вручали делегатам партийных съездов, участникам конгресса Коминтерна, Героям труда. Почетные зарубежные гости увозили портрет Ленина как дорогой подарок.

В 1939 году этот портрет был удостоен высшей награды — «Гран при» — на Нью-Йоркской всемирной выставке.

А был он выткан всего лишь из белых, черных и серых нитей разных тонов. Сколько же любви и мастерства вложили в него краснорозовцы, если он заслужил такое признание!

В годы Великой Отечественной войны началась вторая биография ленинского портрета.

В последние мирные часы 21 июня 1941 года один экземпляр портрета рабочие вручили своим подшефным — кавалерийскому полку под командованием Доватора. Сражаясь с фашистами, бойцы легендарного кавалерийского корпуса хранили портрет у себя на груди, передавая его друг другу как эстафету.

Такой же портрет, полученный прямо из рук ткачей «Красной Розы», был на борту прославленного линкора «Марат», участвовавшего в героической обороне Ленинграда.

С тех пор выткано много портретов Владимира Ильича, но этот особенно дорог нам, потому что он первый.

ТАЛАНТ ПЛЮС ТЕХНИКА

Валентина Ивановна не зря сказала о технических мероприятиях. Перейти с двенадцати станков на семьдесят два ей помогали не только талант и характер, но и реконструкция ткацких цехов.

Станки — эти неутомимые труженики — стали меньше простаивать. А надо сказать, что вообще остановка ткацкого станка — дело нормальное. Он даже так устроен, чтобы вовремя остановиться. Например, нить оборвалась. Если он будет продолжать работать, то пойдет брак. Поэтому, как только оборвется, скажем, одна ни-

ШЕЛКОВАЯ ДОРОГА

В июне во дворе комбината взвился на флагштоке алый шелковый флаг. Все знали, что шесть лучших ткачих досрочно выполнили годовой план и «Красная Роза» приветствует их подъемом почетного флага. Их имена были написаны тут же, на Доске почета, красными буквами — В. Бобкова, М. Кабишева, В. Кузнецова, Н. Левина, П. Орлова, Н. Павловская. Все вместе они наткали два с половиной миллиона метров шелковых тканей. Две с половиной тысячи километров! Это расстояние от Москвы до Ашхабада. Ничего себе шелковая дорога! Но это только туда. А до конца года они обязались выткать дорогу обратно.

точка из пяти тысяч — хлоп! — происходит замыкание, и станок автоматически останавливается.

Ткачиха тут же подходит к станку, устраняет неисправность и снова его запускает. В этом ее работа.

Раньше надо было той же Валентине Ивановне искать, какой станок стоит. А для этого пройти в день много «пустых» километров А подойдя, осмотреть станок и найти причину — и на все это уходила уйма времени.

Теперь не ткачиха ищет станок, а он ее вызывает в случае остановки. На каждые двенадцать станков посреди прохода висит световое табло, наподобие светофора. В нем двенадцать окошечек; в каждом окошечке четыре цвета.

Помигает второе окошечко красным — значит, у второго от края станка уточная нить оборвалась. Зажжется желтый — значит, оборвалась одна из пяти тысяч нитей основы. Зеленым станок сигнализирует, что пора снимать наработанный кусок. А белым он вызывает помощника мастера.

Так вот и мигают семьдесят два станка, сообщая ткачихе, куда идти и что нужно делать Представляете, какая экономия времени?

Но из того, что придумали ученые и инженеры, — это самое простое. Важно ведь не станок быстрее пустить в ход, а сделать, чтобы он реже останавливался.

И вот сидит теперь оператор в тихой-тихой комнате, только телетайп рядом стрекочет, а перед ним три одинаковых пульта. И на световом табло, не выходя в цех, он видит все, что происходит с каждым станком: и когда он остановился, и по какой причине, и сколько стоял в течение смены. А раз видит, то знает его нрав и характер и может предупредить помощника мастера: обрати внимание на станок номер 22.

Оператор наблюдает за станками день, два, месяц, год. А электронно-вычислительная машина накапливает эти сведения в своей памяти. Станки для нее как пациенты, на каждого заведена подробнейшая история болезни. И получается общая картина — сведения об отклонениях в работе оборудования.

С помощью таких наблюдений, например, пришли к очень важному выводу: для этих станков нужно по-другому готовить основу. И когда ее приготовили по-другому, станки стали реже останавливаться. Представляете, какая экономия времени?

И так во всем. В том числе и в улучшении качества ткани.

Ну, теперь уж можно назвать это новое и странное слово — САКУТ. В нем зашифровано то, что происходит на экспериментальном участке ткацкого цеха. Здесь впервые в стране заработала система автоматического контроля и управления ткачеством. Теперь она внедряется в Киеве, в Риге, в Красноярске.

Вот почему с такой уверенностью говорила о ста сорока четырех станках Валентина Ивановна Бобкова.

НИКИ ЗОЛОТОГО АДА

Александр ИВАНЧЕНКО

Рисунки В. КОСТИЦЫНА

«Вызовом совести человечества является господство расистов над народами ЮАР, Намибии и Зимбабве...»

Из заявления XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза «Свободу узникам империализма и реакции!»

Ораньемунд — тихий, опаленный знойным солнцем городишко в устье реки Оранжевой. Океан, река, с двух сторон пустыня. Красноватая пыль окрасила все дома в один цвет. Ни травы, ни деревьев, зной и пыль.

Здесь, в Ораньемунде, я подружился с английским штурманом Флитвудом Скидом, молодым парнем, который помог мне побывать на одном из южноафриканских золотых рудников.

Рудник — в пустыне. Когда-то тут протекала речка, теперь высохшее русло занесло песком. Куда ни глянь — пески, пески, пески... Кое-где лишь верблюжья колючка да жалкие кустики, похожие на каракумский саксаул.

Под жарким небом — копры, терриконы отработанной породы. В километре от рудника, на лобастом бугре — обнесенная колючей проволокой обогатительная фабрика.

От рудника к фабрике движется нескончаемый поток женщин. «Живой» транспорт. В круглых эмалированных тазах африканки носят на фабрику золотоносную руду. У каждой к тазу, как бахрома, подвешены на веревочках камушки. Носильщицы с рудой проходят мимо закутанной в черную шаль учетчицы, возле которой расставлено множество пустых консервных банок. Женщина снимает с таза камушек и бросает в свою банку. В конце смены по этим камушкам надсмотрщики подсчитывают, сколько какая женщина перенесла руды. Те, кто не выполняет норму, будут работать сверхурочно. Иначе в платежной ведомости против их фамилий поставят прочерки: сегодня, мол, они вообще ничего не сделали и, следовательно, ничего не заработали.

Женщина должна перенести за смену пятнадцать тазов руды, примерно полтонны, и пройти за день тридцать километров. В зной, по раскаленному, обжигающему босые ноги песку!

В стороне от дороги небольшой поселок. Длинные бараки за высокой каменной оградой. У ворот, у полосатой фанерной будки, — два рослых полисмена. Медленно, с великой тщательностью проверяют наши документы, рассматривают разрешение на посещение рудника и его общежитий. Видно, такое случается нечасто. Вуд, с великим трудом добывший в Ораньемунде это разрешение, нервничает, нетерпеливо сует свой британский паспорт, пытается что-то объяснить. Полисмены слушают невозмутимо, переглядываются, пожимают плечами и пялят глаза на бумажку с печатью Ораньемунда. Наконец, один из них, наверное, старший, машет рукой: проходите! Второй молча следует за нами.

Посмотреть разрешили один барак.

Внутри, как в вагоне, двух- и трехъярусные полки-нары. На некоторых из них спали люди. Когда мы вошли, несколько голов поднялось, но тут же опустилось.

У окон сколоченные из грубых досок низкие столики, такие, чтобы сидеть возле них на полу. Они ничем не застланы и очень грязные.

В дальнем углу обитая жестью плита. На ней консервные банки, в них шахтеры готовят себе пищу. По бараку там и тут разбросаны лохмотья, обрывки рогожи, обглоданные початки кукурузы. Нестерпимая духота и одуряющий смрад. Все это помещение занимает 130 квадратных метров, а живут в нем триста человек. Меньше, чем полквадратного метра на человека!

В барак вошел высокий, статный африканец лет тридцати шести. Правая рука и верхняя часть груди у него замотаны тряпьем.

— Что с ним? — спрашиваю сопровождающего нас полицейского.

— Это не мое дело, не знаю. Их тут много.

— Можно с ним поговорить?

— Если хотите...

Конопатое, потное лицо полицейского выражало презрительное равнодушие.

Остановившись в узком проходе между нарами, парень растерянно переминался с ноги на ногу.

Полицейский сердито буркнул:

— Что фонари лупишь? Ближе подойди!

Парень несмело сделал шаг вперед.

— Вы ранены?

— Породой привалило.

— В шахте?

— Да.

— Вы обращались к врачу?

— Нет.

— Почему?

— Здесь нет врачей.

— Как вас зовут?

— Педро Кесада.

— Наверное, на заработки приехали?

Стрельнув исподлобья взглядом на полицейского, парень зло выдавил:

— Шибало!

Я все понял.

«Шибалами» в ЮАР называют чернокожих рабочих, завезенных на южноафриканские рудники из других стран, в основном из Анголы и Мозамбика.

В 1961 — 1962 годах в этих странах, тогда еще колониях Португалии, начиналась народно-освободительная война, пламя которой угрожало распространиться и на территорию оккупированной южноафриканскими расистами Намибии (она граничит с Анголой) и на ЮАР. Поэтому и португальские колонизаторы и расисты ЮАР были одинаково заинтересованы в подавлении восстания в самом его зародыше. Сговорившись, они решили, что для этого прежде всего нужно избавиться от всех мужчин-африканцев, способных носить оружие. Ведь своих поработителей ненавидели все африканцы. И колонизаторы это прекрасно знали. Они понимали, что рано или поздно на борьбу с ними поднимутся миллионы.

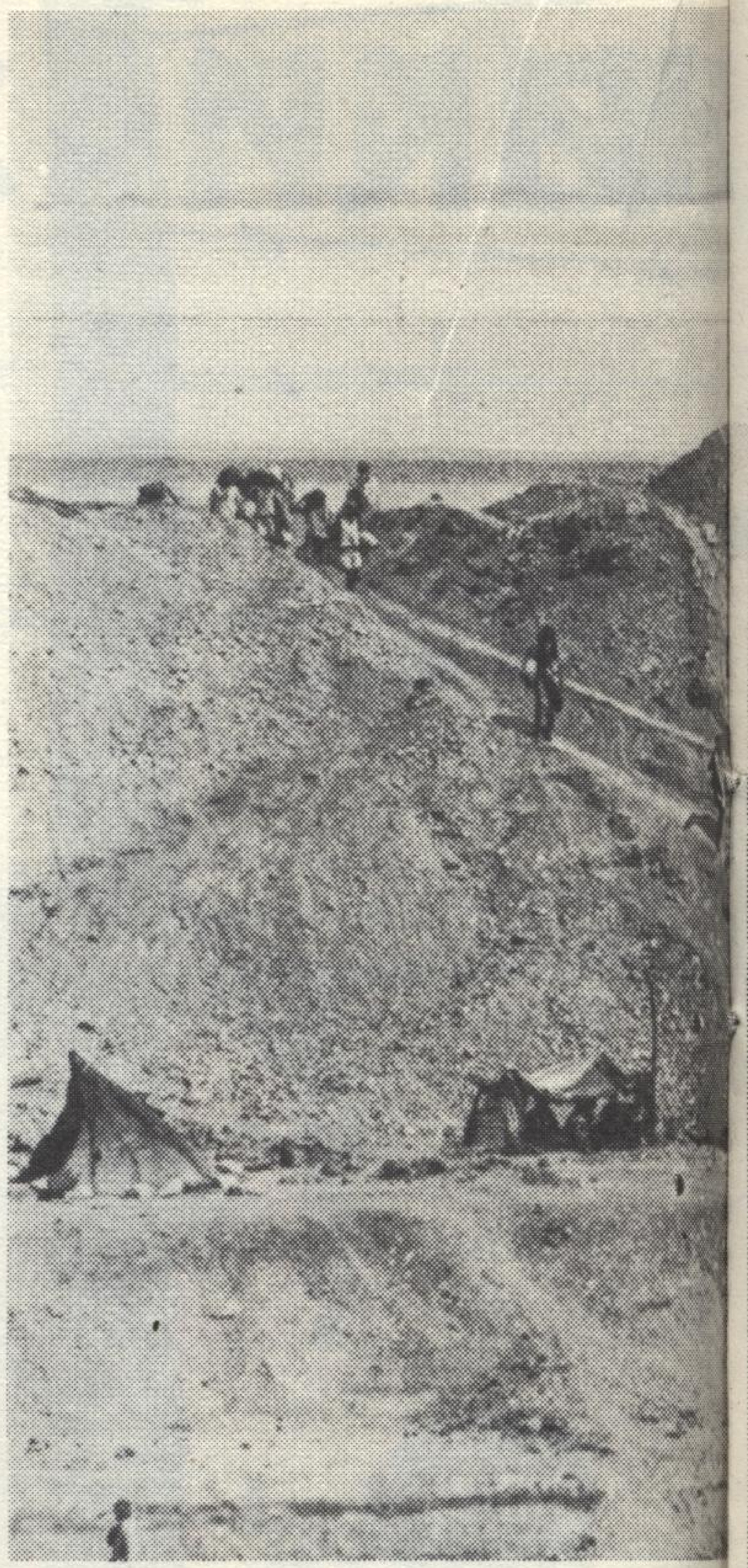
Португальское правительство диктатора Салазара поступило так, как когда-то сделал Гитлер: по всей Анголе и Мозамбику колонизаторы принялись строить концентрационные лагеря.

На помощь фашистам Португалии пришли расисты ЮАР. Они обязались ежегодно вывозить в свою страну 160 тысяч молодых мужчин из Анголы и 100 тысяч из Мозамбика. Концлагерями для них в ЮАР должны были служить золотые рудники, где вместе с золотой рудой добывают и радиоактивный уран. От лучевой болезни на таких рудниках умирают 85 — 90 тысяч шахтеров в год!

Свое «обязательство» расисты ЮАР выполняли десять лет.

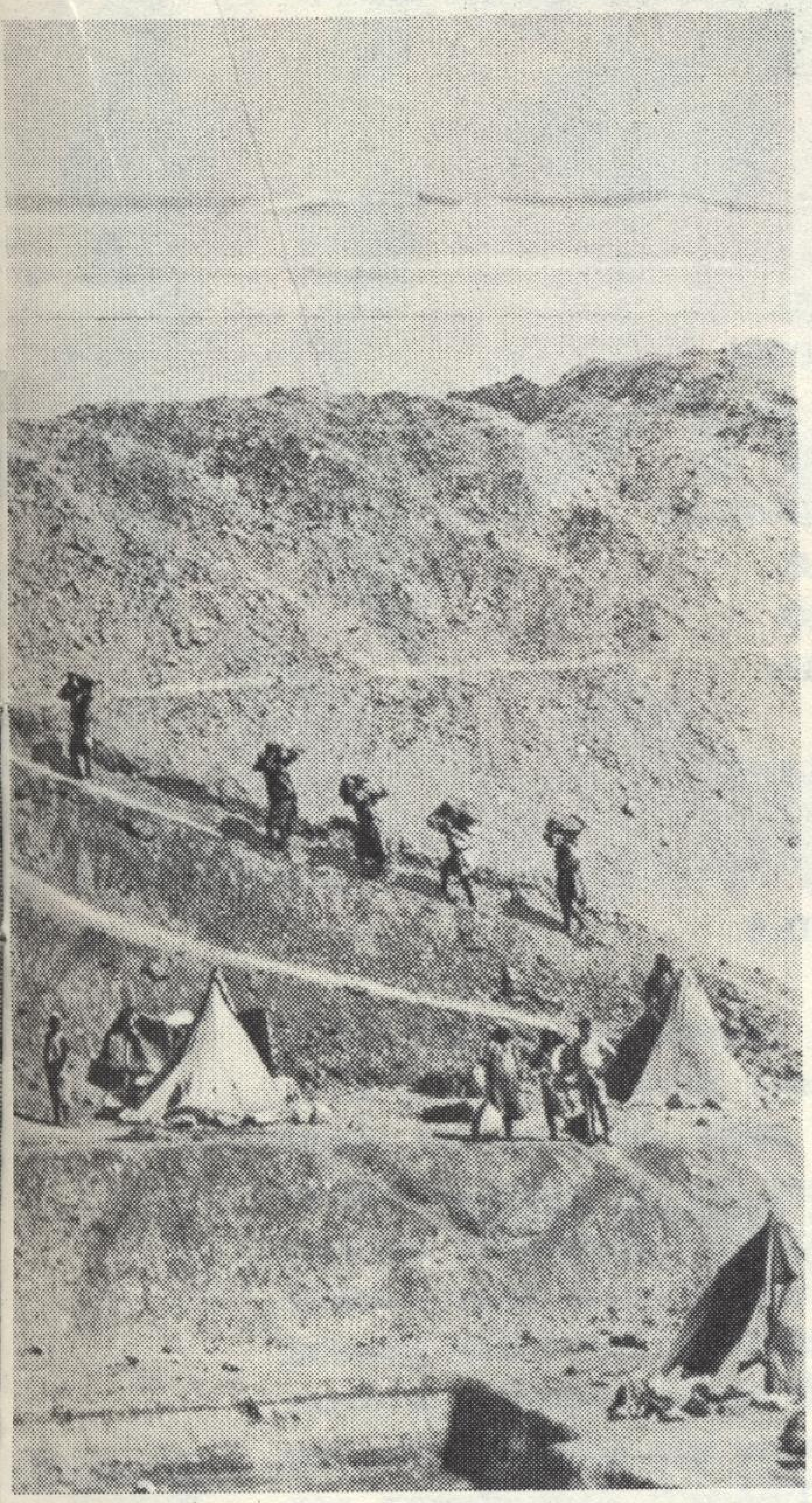
Теперь Ангола и Мозамбик в результате долгой кровопролитной борьбы обрели наконец независимость. Но тысячи смертников из этих стран — их-то и называют «шибало» — в ЮАР еще остались.

Живет «шибало» в смрадных бараках под охраной полиции. Общаться с внешним миром ему запрещено. Его рабочий день длится четырнадцать часов: восемь часов в шахте и шесть часов — на поверхности. Никаких денег ему не платят. Кормят кукурузой и картошкой. Раз в два дня дают лишь пятьдесят граммов рыбы. Он работает до тех пор, пока способен стоять на ногах. Потом его выгоняют за ворота рудника часто



Вот это и есть рабыни XX века!

без гроша. И всегда без всяких документов. Если каким-либо чудом он выживет и мало-мальски окрепнет, полиция его арестует за бродяжничество и вернет на рудник или угонит куда-нибудь на дорожное строительство. А погибнет — за него никто не в ответе. Для того и привезли его сюда, чтобы он погиб.



В шахту меня сопровождал Бернард Вильсон — дежурный инженер. Тощий, лысый, лет сорока.

Из конторы мы направились в рудничный гардероб, переоделись в шахтерскую одежду. В другом помещении нам дали сумки с аварийными противогазами и карбидные лампочки.

И вот мы в «Марианне» — громадном лифте грузоподъемностью в десять тонн.

— Скорость спуска сорок километров в час. Держитесь! — предупредил Вильсон.

В ту же секунду «Марианну» резко рвануло вниз. Сердце обмерло и словно внезапно заморозилось. Я задохнулся. Не успел перевести дыхание, как «Марианна» так же резко остановилась. Над дверью зажглось табло: «Глубина 1243 метра».

Минутная передышка, и снова молниеносный, выворачивающий душу и обжигающий легкие «прыжок». Казалось, воздух накалился от скорости. Вдыхать его было мучительно. Точно горячая и мокрая угольная пыль.

На глубине 2307 метров опять остановка. Дальше «Марианна» не идет. Мы перешли в лифт поменьше и спустились в нем на глубину 3419 метров.

Никогда не думал я, что в жизни мне придется побывать в таком аду. В голове моей трещало и звенело. Я словно весь таял. Перед глазами плыли круги. До помутневшего сознания доходили только глухие и редкие удары сердца. Я чувствовал, как тяжело ему поддерживать во мне жизнь.

Постепенно я пришел в себя и уже мог различить то, что нас окружало. Мы были в тоннеле с четырьмя рядами рельсовых путей. На первом от лифта пути стоял длинный состав вагонеток, груженных блестящими серо-желтыми глыбами — золото-урановой рудой, излучающей смертоносную радиацию.

Вагонетки с рудой тянулись далеко в глубь тоннеля. Ежедневно в этой шахте добывают золота в среднем на 200 тысяч долларов. В год получается примерно 73 миллиона!

За день эти женщины должны перенести полтонны руды.

Мы прошли почти четверть километра вдоль тоннеля. Потом свернули в узкий штрек не более полутора метров шириной.

Впереди затрещали пневматические молотки. Еще несколько шагов, поворот направо, и мы остановились у глубокого грота. Вход загораживали тачки. Хотя рудник дает баснословные прибыли, узкоколейки проложены только в главных галереях. Руду из забоев вывозят вручную, на тачках, — на механизацию владельцы рудника не желают тратить денег. Зачем, когда есть рабы, труд которых практически ничего не стоит?

В клубах пара лопатами и пневматическими молотками орудовали несколько десятков человек, освещенных тусклыми карбидными лампочками. Смотреть на них было жутко. Казалось, это не живые люди, а призраки.

Я спросил Вильсона, можно ли мне с кем-нибудь из них поговорить.

— Ничего интересного они вам не скажут.

— А вдруг!

— По-английски никто из них не говорит.

И Вильсон повернулся, чтобы идти назад.

Более близкое знакомство с «шибало» — пленниками этого золотого ада — не состоялось, но я уверен: быть рабами им осталось недолго.

Из множества стран Африки сегодня уже почти все обрели независимость. Только на юге континента, в Намибии, Зимбабве и ЮАР, пока господствуют расисты. Но дни их сочтены.

Поднялись на вооруженную борьбу народы Зимбабве и Намибии, создает свои вооруженные силы и коренное население Африки.

Борьба будет нелегкой, но совершенно ясно: победит народ Африки.

*«Кораблик» *Журнал в журнале *Печатает только тебя**

Катя АРХАНГЕЛЬСКАЯ живет в Москве, учится в 6-м «Б» классе школы № 711.

Москва

Вы старую так любите Москву,
Ее проспекты, ее шум, ее волненье.
Я тоже преклоняюсь перед ней,
Но не о ней мое стихотворенье.

Оно про новые дома,
Про наши новые районы.
Когда-то были здесь леса
И здесь пустые были склоны.

Теперь здесь улицы цветут,
Кинотеатры и музеи,
Здесь строят новый детский сад
Для молодого поколенья.

Здесь будет жизнь полна надежд,
Здесь радость с каждым днем приходит,
И здесь советский человек
Работу нужную находит.

Люблю я старую Москву,
Ее проспекты, ее шум, ее волненье,
Но новым улицам Москвы
Я посвящу свое стихотворенье!

* * *

Что значит жить?
Это—счастье творить.
А не делать добра—
Это значит не жить!
Ты живи для других
И чуть-чуть для себя,
И тогда все вокруг
Будут жить — для тебя.

Береза

У ручья стоит береза,
Ветви прямо до земли,
Будто капают так слезы
От печали и тоски.

В темный вечер, в непогоду
Приклонилася к земле,
Будто тихо и печально
Что-то шепчет она мне.

Много сказок и рассказов
Рассказала мне она,
Эта белая береза,
Что склонилась у ручья.

*

Андрей ИЛЬИН живет на Крайнем Севере, в поселке Усть-Куйга Якутской АССР, учится в 6-м классе. Андрей написал стихи, посвященные Дню Победы.

КУРСКАЯ ДУГА

Перед нами Курская дуга.
Тургеневский край с заливными лугами,
С красивою песнею соловья,
С большими, как небосвод, полями.

Здесь буря металла, сотни снарядов,
Три четверти всей авиации, мин...
Прошли мы отсюда до Вислы, Варшавы
И взяли с победною бурей Берлин.

Да, это было. И мы не забудем,
Как здесь за счастье сражались бойцы.
И светлую память хранить мы будем,
И будем отважными, сильными мы!

*

А это задорное стихотворение пришло в «Кораблик» из Одессы. Сочинила его Светлана ШАШКОВА, восьмиклассница.

* * *

Ушли пираты из романов далеко.
Мы чаще смотрим современное кино.
Но кто поверит, будто штормы далеки?
Пусть мы девчонки, но мы тоже моряки!

Тельняшку косы не испортят никогда.
Девчонкам синим море выкрасит глаза.
Нас ветер плаваний с собою вдаль позвал!
Не моряки девчонки? Кто же так сказал?!

КРАСКА РАДОСТИ

Что рисуют армянские дети?

То, что и дети всей планеты, что характерно для их дома, края, Родины, для них самих. Словом, то, что ими любимо. И загорелая рука юного художника тянется к краске, чаще всего к красной. Почему? Да потому, что почти круглый год у него над головой жаркое солнце. Потому, что вокруг него природа вся такая: жгучая, кипучая, контрастная. Потому, что у него перед глазами яркие картины таких художников: Сарьяна, Коджояна, Галенца. Наконец, потому, что на душе празднично. А праздник любит краску красную.

И не потому ли и яйцо на столе и лицо матери, и крыльцо дома родного, и даже небо синее армянский художник-школьник зачастую изображает краской красною?!

Два таких «красных» рисунка передал для нашего «Кораблика» руководитель изокружка Дворца пионеров и школьников Ленинского района города Еревана Симон Погосян.

Стихи Тамары ЕГОРОВОЙ, пятиклассницы из Винницы.

Роса

Окончился дождик,
и вот на листках
Блестит и сверкает на солнце роса,
Блестит на траве, как звезда,
Как будто бы в небе она.

*

«Здравствуй, «Кораблик»!
Посылаю тебе свое стихотворение.
Оно про пустыню. Я давно люблю пустыню.
Как-то интересно знать,
что есть барханы, волнистые, как море.
Гюрза, может быть,
и не щурится на солнце.
Это я так, для себя придумал...»
Валера АНДРОПОВ.

Валере 12 лет, он живет на Алтае, в селе Заветы Ильича.

ПУСТЫНЯ

Пески, кругом одни пески.
Барханы высятся рядами.
Солончаки блестят вдали
Великолепными коврами.

В колючках ящерки снуют,
Джейраны пробегают мимо.
Под жарким солнцем присмирев,
Гюрза там щурится лениво.

*

Инга БЫКОВА.
Живет она в городе Черновцы, любит сочинять стихи и рассказы.

ЮРА И БЫЧОК

РАССКАЗ

Мы спустились в зеленую балку.

Там пасся маленький белый бычок с черными пятнами, привязанный на ржавую цепь.

Наш мяч подкатился к бычку.

Юра подошел к нему и говорит:

— Ну, отдай мяч, дурачок.

Он стал кормить бычка зелеными ветками, а я подлезла и взяла мяч.

Юра начал разговаривать с бычком, подбрасывая мяч в руке:

— Будешь играть с нами? Ты же хороший...

Юра погладил бычка по голове, а бычок потряс ею. Его тяжелая цепь загремела. Он затопал передними ногами. Юра вздрогнул и отскочил. Потом говорит:

— Ух, какой противный.

М. ШТЕЙНБАХ

Как мы с гаичкой гнездо построили

Брел я как-то по майскому лесу и наткнулся на пень. Пень как пень. Березовый. Невысокий. Таких много в лесу. Чуть мимо не прошел, да вовремя заметил — у самой вершины словно кто-то древесину выщипал. Кто? Присел неподалеку, смотрю во все глаза...

Вдруг над ухом: «Чжжээ... чжжээ-чжжээ». К пеньку прошмыгнули две симпатичные синички-гаички и по очереди принялись пень «дощипывать» — себе дупло готовить. Пощиплют-пощиплют и уносят щепки в клюве, чтоб гнездо не выдавали. Возвратятся — и вновь за работу. Любо-дорого посмотреть!

Прихожу на это же место через несколько дней, а дупло не готово. Крохотный леточек, и тот наполовину сделан. Да и птиц не видно. Что стряслось?

Сунул палец в леток и все понял. Палец уперся в твердый-претвердый сучок, который маленькие строители раскрошить не смогли. Вот досада!

Постойте, быть может, еще не все потеряно... У меня в кармане, как на грех, ножа не оказалось. Но есть маленькая чайная ложка. Чем она хуже ножа!

Через четверть часа сучка как не бывало. На всякий случай я проковырял сердцевину пня до конца и сделал дупло, а всю труху засунул обратно, чтобы гаичкам, если вернутся, тоже нашлась работа. На «дармовые» дупла эти птички могут и не позариться.

Дела задержали меня в Москве на две недели. И вот вновь подхожу к пеньку. Птиц разных вокруг много, но гаичек не слышно и не видно. Должно быть, зря я старался... Гляжу в леток — ничего не видать. Сунул палец и чуть не подскочил от радости! Зашипела! Гаичка зашипела!

Вот так мы с гаичкой гнездо построили. А когда вылупились птенцы, гаичка показала себя фотоактрисой. Обычно я снимаю птиц, замаскировавшись в палатке. А эта гаичка позволяла снимать себя безо всякой палатки. Вот она, перед вами, познакомьтесь.

Фотография автора.

Тюльпан Кауфмана

ОПЕРАЦИЯ

Москва и Подмосковье

ДРУЗЕЙ СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ

Москвичам — участникам нашей операции «Подснежник» этой весной было легче, чем другим ребятам: им помогало решение Моссовета и Мособлисполкома об охране редких дикорастущих растений, о запрещении их сбора и продажи. Подробно об этом ты можешь прочитать в «Пионере» №3 и №4. Под охраной закона среди двадцати двух растений Подмосковья теперь и подснежники!

Московский областной и Московский городской Советы депутатов трудящихся сказали свое веское слово. Теперь дело за нами — защитниками природы. Конечно, за одну весну всех любителей собирать букеты в лесу не перевоспитаешь, но начинать надо сейчас.

Об этом шел разговор на встрече в Московском городском Дворце пионеров. Журнал «Пионер» собрал здесь москвичей — участников операции «Подснежник» и тех, кто хочет помочь нашей операции.

Посмотри на фотографию — как много людей собралось на эту встречу! Ученые, педагоги, работ-

На рисунках — знаменитые дикие тюльпаны Средней Азии. Посмотрите, какие они все разные! С любовью делали зарисовки юные цветоводы из казахского села Мерке. Они знают все виды диких тюльпанов (здесь показана только часть), исходили окрестные степи и горы, изучая и защищая растения своего края.

«ПОДСНЕЖНИК» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

ники Управления лесопаркового хозяйства и Всероссийского общества охраны природы, писатели, журналисты и даже сотрудники московской милиции! Ну, и, конечно, ребята.

НАЧИНАТЬ... С СЕБЯ

Все участники встречи были единодушны, все готовы приступить к работе. Но с чего же начать? Оказалось, начинать надо с самого себя.

— Охранять природу — дело не только важное, но и нелегкое: нам с вами самим в первую очередь надо отказаться от такой приятной привычки рвать цветы, — говорила писательница **НАДЕЖДА АВГУСТИНОВНА НАДЕЖДИНА.** — Сдерживайте себя, приучайтесь не рвать цветы и не давайте это делать другим. Людей миллионы, а лесных цветов становится все меньше. Надо беречь красоту. Уносите ее в себе, в своем сердце. Сможешь преодолеть свой эгоизм — станешь душевно богаче.

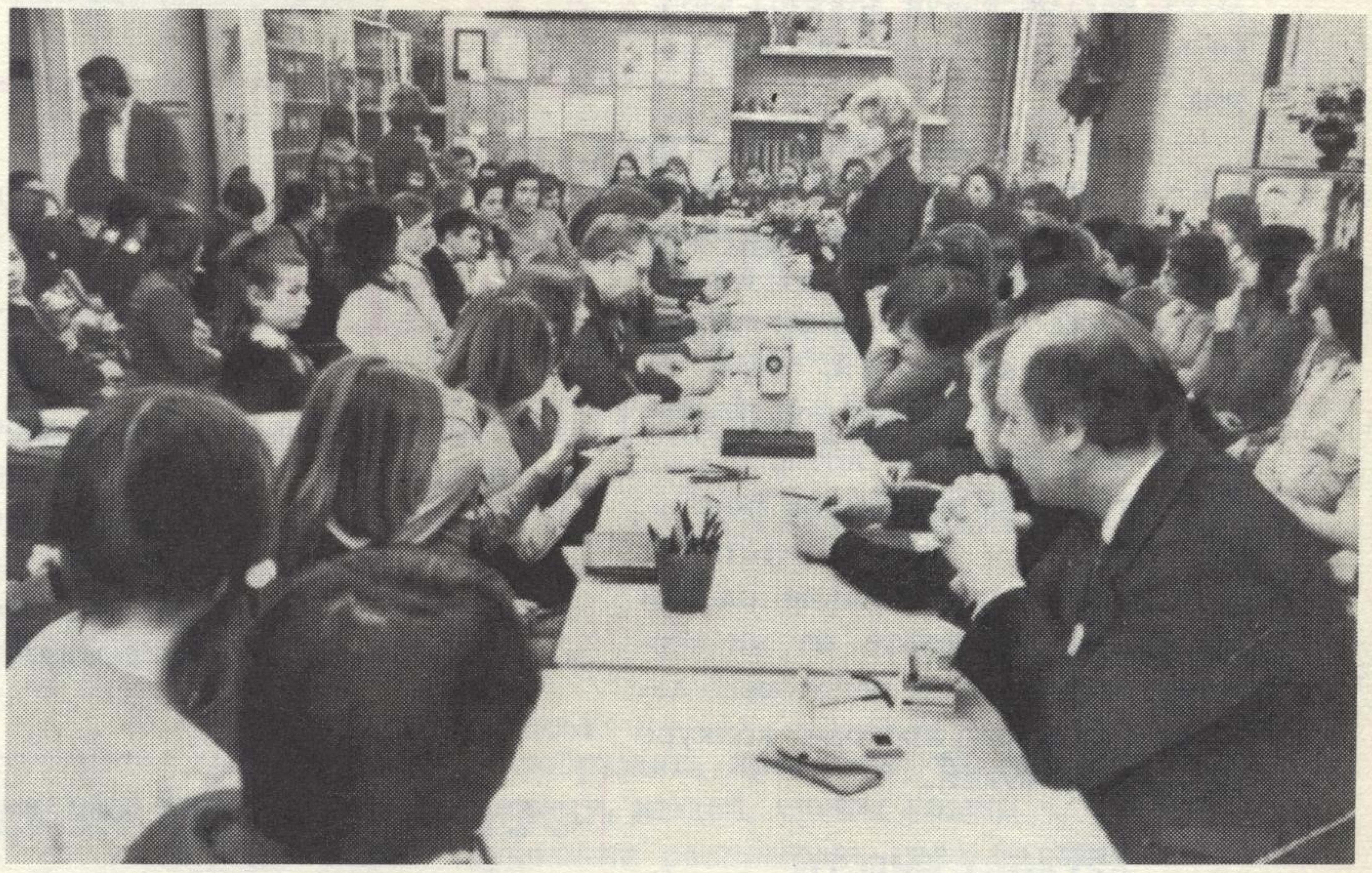
БЕЗ РОДНОЙ ПРИРОДЫ НЕТ ИСКУССТВА...

Н. А. Надеждину горячо поддержал ученый-ботаник, доцент МГУ **ЮРИЙ КАРПОВИЧ ДУНДИН:**

— Подснежник — это живое чудо, которое природа создавала миллионы лет. Уничтожить его легко, а создать заново невозможно... Ни один уничтоженный на нашей земле вид — будь то цветок или птица — уже никогда не возродится.

Сохранить богатство и красоту природы важно еще и для нас самих, для нашей человеческой культуры, для нашего искусства. Не было бы прекрасной поэзии Пушкина и Тютчева, полотен Левитана и Пластова, музыки Чайковского, если бы эти художники не вдохновлялись красотой нашей природы. Да и вся наша культура невозможна вне природы...

Я считаю, что у каждого должен быть девиз — в вазе только то, что выращено руками человека. А то, что создала



За длинным столом во Дворце пионеров на Ленинских горах собрались москвичи — участники нашей операции «Подснежник». Идет важный разговор.

природа, должно оставаться в природе,— так закончил свое выступление Юрий Карпович.

Человек привык хозяйничать в лесу, как в своем доме, и ему трудно отказаться от этого. Даже нам с вами — горячим защитникам природы — нелегко выполнять девиз, предложенный ученым. Трудно, но ничего не поделаешь — придется...

БЕРЕЧЬ ПОДМОСКОВНЫЕ ЛЕСА!

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ОРЛОВА — ботаник Главного Управления лесопаркового хозяйства Москвы. Она рассказала ребятам, как создавалось зеленое кольцо столицы — лесопарковая зона отдыха, как москвичи должны заботиться о лесах, окружающих город.

— С июля прошлого года,— еще раз напомнила всем Т. В. Орлова, — запрещается продажа на рынках столицы всех дикорастущих растений, будь то ландыш, который пока еще растет везде, или ромашка, которая уже становится в Подмосковье редкой. Бывает, что и ребята участвуют в этом. Вспомните, какие охапки цветов вы привозите из пионерских лагерей! А в некоторых лагерях до сих пор проводят конкурс на лучший букет...

ДРУЖНО, ВМЕСТЕ!

Участники операции «Подснежник» решили помогать милиции в охране растений.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЙСКАЯ, старший инспектор ГУВД Мосгорисполкома, объяснила ребятам, в чем состоит эта помощь:

— Не проходите мимо людей, которые продают цветы, охраняемые законом. Сообщайте о них милиционерам, обращайтесь в районное отделение или в детскую комнату милиции. Везде вы получите полную поддержку. **ОХРАНА ПРИРОДЫ — ОБЩЕЕ ДЕЛО, И МЫ ОЧЕНЬ РАДЫ, ЧТО БУДЕМ РАБОТАТЬ ВМЕСТЕ.**

Управление транспортной милиции и ребята из отрядов юных друзей милиции ведут разъяснительную работу на вокзалах, в зонах отдыха, в электричках. Во время движения поездов звучат выпуски радиогазет. На платформах и вокзалах развешиваются плакаты. Об этом рассказала **ЛИДИЯ ДМИТРИЕВНА ПЕТУХОВА,** старший инспектор Центральной детской комнаты Московского Управления транспортной милиции.

Председатель секции цветоводства Всероссийского общества охраны природы **ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ СОКОЛОВ** сообщил ребятам, что по заказу общества подготовлено 20 000 плакатов по охране растений. Они будут развешиваться по городу и пригородам.

ЧТО ЕЩЕ ДЕЛАЮТ УЧАСТНИКИ ОПЕРАЦИИ «ПОДСНЕЖНИК» В МОСКВЕ?

Проводят беседы о редких растениях в своих школах, в кружках. Готовятся работать пионерами-инструкторами в летних пионерских лагерях.

В школах устраивают конкурсы на лучшие плакаты по охране первоцветов, развешивают их в школах, во дворах, на улицах.

Проводят рейды по подмосковным лесам, вокзалам, рынкам, электропоездам. Участвуют в проведении радиогазет в электропоездах.

ОПЕРАЦИЯ «ПОДСНЕЖНИК» БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ И В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ. А ЛЕТОМ, КОГДА ОТЦВЕТУТ ПОДСНЕЖНИКИ, РЕБЯТА ВОЗЬМУТ ПОД ОХРАНУ ЛЕСНЫЕ И ЛУГОВЫЕ РАСТЕНИЯ ПОДМОСКОВЬЯ.

Казахстан, Джамбулская область.

ТЮЛЬПАНАМ— НАДЕЖНУЮ ЗАЩИТУ!

С горечью пишут нам о судьбе среднеазиатских тюльпанов ребята из казахского села Мерке. Все они цветоводы, занимаются на станции юных натуралистов. Но невозможно спокойно выхаживать цветы на своих клумбах и не видеть того, что происходит весной рядом с селом.

«И в выходные дни и в рабочие тоже, — пишут ребята, — многие выезжают в поле на машинах, ав-

ОСТАНОВИТЕСЬ! НЕ ГУБИТЕ ЦВЕТЫ!

Этот горестный снимок тоже прислали нам цветоводы из села Мерке... До сих пор еще принято в тех местах отправляться весной в степь, чтобы «полюбоваться цветами».
И вот чем эти прогулки обычно заканчиваются...

тобусах, мотоциклах, велосипедах, а то и просто пешком отдохнуть, полюбоваться цветами. К 20 апреля в степи расцветают алые бокаловидные тюльпаны. И не находится человек, который бы удержался и не увез охапку их домой.

Отцветают тюльпаны в степи, в начале мая зацветают в горах. По традиции маевку у нас проводят в горах. И как радостно, когда алый цвет знамен перекликается с алым нарядом горных склонов! Но многим этого мало — опять рвут тюльпаны и увозят, сколько могут увезти...

Мы делаем замечания людям, объясняем. Многие соглашаются с нами, краснеют, говорят, что больше не будут рвать цветы. Но далеко не все нас слушаются. И таких очень много, а нас очень мало...

Вот в соседней республике, в Киргизии, там хорошо. Больше двадцати тюльпанов рвать не разрешается, сорвал больше — плати штраф. Там милиция за этим следит. А мы всего в двадцати километрах от них, но порядки другие. Нам тоже надо издать строгий закон».

А пока такого закона в республике нет, юные цветоводы стали боевым отрядом зеленого патруля.

ЧТО ДЕЛАЕТ ОТРЯД?

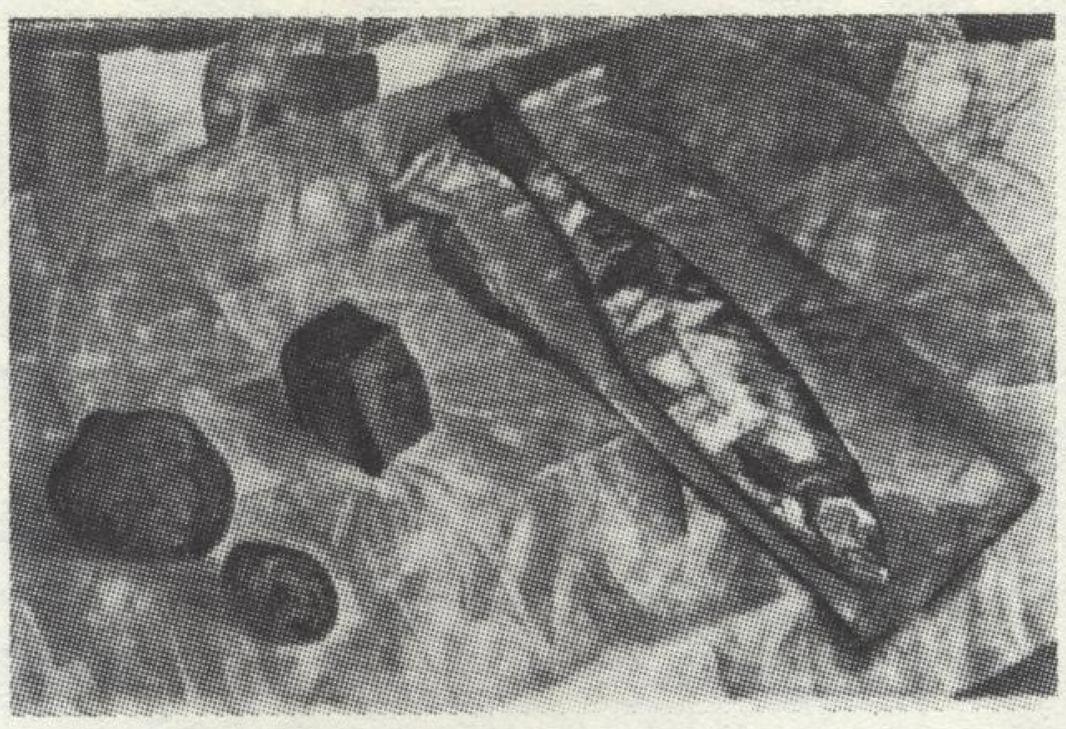
Выпускает свою газету и вывешивает ее в школах. В рисунках и фотографиях ребята рассказывают о замечательных растениях своего края, о том, что надо беречь их от уничтожения. Пионеры выступают даже в районной газете! А еще ходили в сельсовет за помощью и договорились работать вместе.

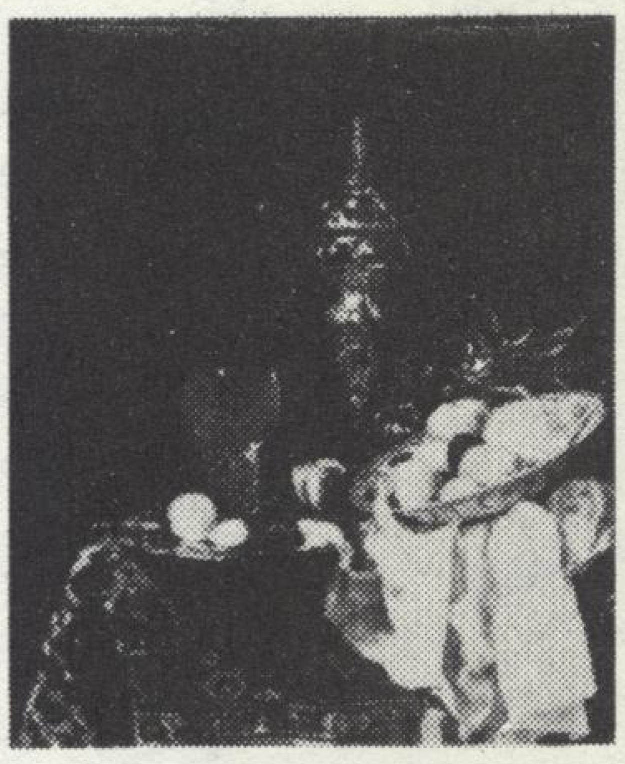
ЧТО ПОСОВЕТОВАТЬ МЕРКЕНЦАМ?

РАБОТАТЬ И ДАЛЬШЕ УПОРНО И НАСТОЙЧИВО, НЕ СДАВАТЬСЯ.

ПОКАЗАТЬ ЭТОТ НОМЕР «ПИОНЕРА» В СЕЛЬСОВЕТЕ, РАССКАЗАТЬ О ЗАКОНАХ ПО ОХРАНЕ ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В МОСКВЕ И В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

ПУСТЬ ОПЕРАЦИЯ «ПОДСНЕЖНИК» БУДУЩЕЙ ВЕСНОЙ ПРОЙДЕТ ПО ВСЕМ ШКОЛАМ СЕЛА МЕРКЕ И ВСЕГО МЕРКЕНСКОГО РАЙОНА! НЕ ПРЕКРАЩАЙТЕ СВОЮ РАБОТУ НИ ЛЕТОМ, НИ ЗИМОЙ!





ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА «ЭЛЕКТРОНИКЕ», или рассказ о золотом кубке, подсолнухах и картофелине на розовой оберточной бумаге

С. САХАРОВА

Что такое живопись?

Это — умение изображать красками то, что художник видит: природу, людей, сцены жизни. С помощью красок художник раскрывает свои мысли и чувства, рассказывает о том, каким он видит окружающий мир и каким бы он хотел его видеть...

Пятьдесят—шестьдесят веков прошло с тех пор, как первобытный человек в лохматой звериной шкуре собрал разноцветную глину, и на гладкой, отполированной дождями и ветром скале появилось первое цветное изображение. Изображения охоты на зверей найдены во многих уголках земли: у нас в Сибири, в Каповой пещере во Франции, в знаменитых Альтамирских пещерах Испании, в пустыне Сахара.

Менялись исторические эпохи, менялись содержание и характер живописи. Сотни тысяч картин разных жанров написаны тысячами художников: натюрморты, пейзажи, интерьеры, сюжетные — батальные, исторические, бытовые.

Ты, не зная того, знаком со всеми жанрами живописи. В четыре года ты нарисовал кривобокий синий круг с усами, а потом поводил кистью в красной краске, и на листе бумаги возник синий кувшин с красными розами. У тебя получился натюрморт.

Летом ты был у бабушки в деревне, собирал землянику, видел ежика. И вскоре нарисовал картинку

с ежиком, радугой, зелеными деревьями. Это был пейзаж.

Однажды ты заболел, мама не пустила тебя в детский сад. Ты сидел грустный, вспоминал, как твои друзья играют в вашей большой игровой комнате, и нарисовал эту комнату: окна с пестрыми занавесками, разноцветные стены, столы и стулья, игрушки. Получился интерьер.

Вскоре ты нарисовал другую картинку. Существо без шеи, с птичьими лапами вместо рук, в круглых серьгах, в полосатом мамином платье. Взрослые посмеивались и говорили: «Совсем малыш, а нарисовал маму точно! Характерный овал лица, веселые глаза, и серьги ее, и платье!» Так ты нарисовал портрет.

Батальные картинки ты тоже рисовал. Кони, похожие на тигров, летели во весь опор, а впереди Чапаев с саблей, бурка развевается по ветру. Эту картинку взяли на выставку и назвали ее «В атаку».

Осенью, когда ты пошел в школу, учительница сказала: «Нарисуйте свой двор». Ты нарисовал девятиэтажный дом, снежную гору, снеговика, своих приятелей на коньках, на лыжах. Веселая, хорошая дружная жизнь — это была сложная бытовая картинка...

Сколько знаменитых пейзажистов, портретистов, баталистов разных эпох можно назвать? Сколько известных всему миру картин? Даже в шести тяжеленных томах «Истории искусств» (а в каждом из них почти по тысяче страниц) рассказано не о всех художниках и упомянуты не все картины.

У меня есть любимые художники и любимые картины. Я думаю о них, вспоминаю их, иду к ним в музей или ищу репродукции этих картин в книгах. Каждая такая встреча, как встреча с давним другом, радостна и глубока.

Я покажу картины и их создателей-художников тебе. Как я это сделаю? Вот гобелен «Электроника», сотканный прибалтийскими ткачихами, он перенесет нас в любую страну, в любую эпоху. Расположимся на нем поудобнее, внимательно подумаем, где надо приземлиться, и тронем шкалу: на красной полосе зеленые цифры показывают месяцы и годы. В путь!

*

Золотой кубок

Прежде всего я познакомлю тебя с картинами того жанра, который ты освоил раньше остальных. Сегодня мы побываем в трех разных эпохах и увидим три натюрморта трех, непохожих друг на друга художников.

Что такое натюрморт? «Натюр» — «естественный», «природа»; «морт» — «мертвая». Значит, «натюрморт» — «мертвая природа»? Голландцы в те времена, куда мы сейчас с тобой летим, называли такие картины stilleven — неподвижная натура, а англичане — still life, что можно дословно перевести: остановившаяся, замершая жизнь. Знаешь, как в игре в лапту: «Замри». Не исчезни, не умри, а замри, останови свое движение.

Натюрморт молод, ему всего лет триста пятьдесят. В сравнении с твоими двенадцатью возраст почтенный. Но если вспомнить, что наскальным изображениям пятьдесят тысяч лет? Возник натюрморт во Фландрии в конце XVI века. Как это возник, удивляешься ты, разве раньше никто не рисовал цветов, тарелок, фруктов?

Нет, не рисовал. Живопись была подчинена церкви, и художники изображали только религиозные сюжеты.

В конце XIV века в Италии, а потом постепенно во всех странах Европы начался переворот в сознании, в культуре, названный позднее Возрождением. Возрождение было как пробуждение после долгого сна. Первым проявлением его была безграничная и ненасытная любознательность, побуждавшая людей узнавать все об окружающем их мире.

Значительные географические открытия расширили представление человека о земле, а страны, имевшие доступ к морским путям, превратились в сильные торговые державы, Фландрия и Голландия в том числе.

Характерной чертой эпохи Возрождения был интерес к реальной жизни, к ее красоте и силе. Дворцы украшали живописью, фресками, а по примеру знати и купцы стали свои более скромные жилища украшать картинами не только с изображениями сцен жизни, но и предметов, окружающих человека. Предпочтение было отдано вещам, ранее невиданным: персидские ткани, венецианское стекло, индийские украшения, тонкий китайский фарфор, заморские цветы и фрукты — все, что привозили отважные мореходы в трюмах кораблей, стали изображать на картинах.

Фламандские натюрморты, предназначенные для пиршественных залов, были велики по размерам и до краев заполнены грудами дичи, мясных туш, всевозможной зеленью, морскими рыбинами. Яркие, броские, грубоватые по цвету картины в полный голос славили щедрую природу.

Голландские натюрморты намного меньших размеров, намного лаконичнее по выбору предметов. Это не груды плодов, а одно яблоко, зеленая ветка, тарелка. Они красивого золотистого, коричневатого колорита.

Знаешь, я испытываю удивительное волнение... Сейчас мы увидим давно полюбившуюся мне картину. Давным-давно, когда я был такой, как ты, и зачитывался книгами Дюма и Вальтера Скотта, я увидел репродукцию натюрморта: кубок, лимон, фрукты. Кубок заворожил меня: мне представилось в нем колдовское зелье, а срезанная лимонная пахучая кожица, влажно

блестящая, кислая, прозрачная мякоть мне показались созданными тоже колдовской, нечеловеческой рукой.

Позже я узнал, кто написал эту картину. По моим расчетам, именно в тот день, куда мы с тобой летим, триста лет назад, голландский живописец Виллем Кальф положил последний мазок и отодвинул законченный натюрморт в сторону.

На красно-зеленой шкале бегут цифры... 1680... 1667... 1660... Ах, наваждение! Порыв ветра так тряхнул наш гобелен, что ручка стоп-год дернулась.

Держись крепко! «Электроника», пробиваясь сквозь облака, пошла на снижение. Островерхие аккуратные голландские домики надвигаются угрожающе быстро. Трудно маневрировать в узких улочках, среди башен и башенок.

Вот и дом под красной черепичной крышей. «Электронику» оставим здесь, между кирпичной трубой и флюгером-всадником на скачущем коне. Какой ветер! Всадник так и крутится, не быть бы буре! Закутаемся в длинные плащи, надвинем шляпы, чтобы стать похожими на жителей второй половины XVII века. Мы сделаем вид, что пришли покупать картину. Берись за ручку молотка, висящего сбоку узенькой двери. Не бойся, стукни по двери раз-другой.

Виллем Кальф.
Натюрморт.
1660 год.

Дверь распахнулась, служанка-девочка твоих лет в длинной шерстяной юбке цвета обожженного кирпича и белом чепце, наглухо скрывающем волосы, испуганно отпрянула в сторону и позвала хозяина. Все же мы показались ей странными.

— Здравствуйте, господин Кальф, мы хотим купить у вас картину!

Художник минутку помедлил, переложил палитру со свежими красками из левой руки в правую, поправил белый воротник, оттеняющий выразительное лицо с пристальными, внимательными глазами, и приглашающим жестом повел палитрой в глубину дома.

Мы вошли в комнату с побеленными стенами и плитчатым полом. Вдоль стен — темные от времени лавки и стол. Свечи в литых тяжелых подсвечниках. Громоздкий мольберт обращен к оконцам, забранным решеткой.

Мальчик, бледнолицый и светлоглазый, удивленно следил за нами, не отрываясь от своего дела: он растирал краски. В то время приготовить краски было делом сложным, не то что теперь: пошел да купил в магазине набор тюбиков.

— Сколько времени ты тратишь, чтобы приготовить краску?

Мальчик опустил светлые глаза и промолчал.

Мастер Кальф улыбнулся:

— Смущается, он новичок. На три щепоти красок уходит четверть дня. Работа кропотливая, воспитывает терпение, качество для художника немаловажное. Через год, другой начнет грунтовать холст; грунт для картины, что фундамент для дома... Какую картину вы хотите купить? Или закажите по своему вкусу. Может, вы хотите видеть на полотне заморские раковины, кораллы?

Я нетерпеливо огляделся. Где же моя картина? На деревянном постаменте бархата, се-

ребряная тарелка, лимон с надрезанной кожицей, высокий бокал, розовые персики, оливковая ветвь и... кубок, сложнейшей чеканной работы, поблескивает таинственно и призывно.

— Где картина, на которой кубок, лимон и ветка?

Виллем Кальф, чуть прищурившись, пристально взглянул на меня и повел рукой в сторону мольберта со свежегрунтованным холстом, только что натянутым на подрамник.

— Я начну писать ее сегодня.

Вот что сделал порыв ветра, тряхнувший «Электронику»: он отбросил нас из августа в июль!

Я дотронулся до кубка и ощутил не холод металла, а тепло, словно сделан он был из неведомого сплава. Неужели я решусь открыть крышку? И я позволил своим пальцам нажать на замочек! Крышка отскочила, мелькнуло что-то голубоватое, как дымка, и крышка мгновенно захлопнулась. Что это?

Художник с любопытством наблюдал за мной.

— Я привез кубок из Парижа. Он удивительно красив...— Художник положил палитру на подставку мольберта, взял со стола подсвечник со свечами и, высоко подняв его, осветил стену.— Я написал много картин с этим кубком. Быть может, вам понравится одна из них.

И что же я увидел? Стена была увешана небольшими картинами, среди которых пять, нет, шесть были родными братьями моей любимой картины: небрежно брошенный бархат, персики, кубок... Странное чувство охватило меня, словно меня обманули.

Я невольно отшатнулся от стены и протестующе взмахнул рукой. Кальф понял мой жест посвоему.

— Вы правы,— сказал он,— это не очень удачные картины. Мне кажется, сегодня я начну писать лучше. Я собирался написать эту картину для себя, но желание заказчика...

Кальф грустно взглянул на пустой еще холст и вдруг стремительно наклонился к палитре, схватил одну из кистей, быстрым, легким артистичным движением положил мазок желтого кадмия почти в середине холста, шагнув назад, полюбовался им.

— Извольте, запишу картину за вами. Приезжайте через месяц. Закажу и раму черного дерева, с узором...

Надо уходить. «Электроника» нетерпеливо взмыла вверх.

...Так начинался натюрморт. К концу XVII века этот жанр постепенно сник, из парадного, торжественного он превратился в обыденный. Даже такому блестящему живописцу, как Кальф, приходилось следовать вкусам заказчиков. Свое виртуозное мастерство Виллем Кальф расходовал на создание маленьких стандартных шедевров.

Постепенно натюрморт перекочевал из мастерских больших художников в классы художественных академий: восковые яблоки, кусок грязно-серой ткани, глиняные чашки. С рисования натюрмортов начал свой нелегкий путь в искусстве и художник, к которому так стремительно приближает нас «Электроника».

...Красная шкала горит все ярче. 1800... 1885... Я держу штурвал крепко, теперь мы приземлимся точно. Стоп!

*

Подсолнухи

1888 год. Юг Франции. Городок Арль. Лето.

Бедная, почти нищая гостиничная комната. Дешевые, в цветочках, обои. Шаткий стол, несколько табуретов и стул потерялись среди подрамников, картонов, листов бумаги, нервно скрученных тюбиков красок, разнокалиберных кистей. Уличный фонарь заглядывает в окно и мягко освещает рыжие вихры спящего в ветхом плетеном кресле человека. С правого плеча свешивается всесезонная потертая куртка. Трубка зажата в левой руке, в правой — тюбик великолепной краски зеленого Веронезе. Перед нами Винсент Ван-Гог. Неистовый подвижник живописи. Нищий, полуголодный, больной, страдающий. Винсент вырос в обеспеченной буржуазной семье, по традиции своего класса он должен был заниматься предпринимательством и торговлей. Он и прошел по всем уготованным ему ступеням, вернее, неистово пронесся: был книготорговцем и проповедником, учителем и продавцом картин, вынашивая одну всепоглощающую мечту — стать художником. Он жаждал написать красками цветущие весенние деревья, бездонную синеву летнего неба, рыжие сполохи солнечного утра.

В двадцать семь лет, в возрасте достаточно зрелом, он посадил сам себя за незримую ученическую парту и принялся рисовать, рисовать, рисовать, приучая свои пальцы, держащие кисть и карандаш, стать послушным орудием своих глаз, приучая свои глаза видеть все тоньше. Только душу и сердце свои ему не надо было учить: они горели день и ночь, полыхали пламенем, сжигали! Еще рисунок, еще этюд.

Пришел, наконец, счастливый 1888 год, когда Ван-Гог понял: он стал художником.

Здесь, в Арле, он без устали пишет картины, которые, правда, пока никто не покупает. Упоен солнцем, красками и теплом лета. На подоконнике недописанное письмо: «Солнце и свет, который за неимением слов можно назвать только желтым, бледно-зеленовато-желтым, бледно-золотисто-лимонным. Как прекрасен желтый свет!»

Он ищет этот феерический желтый свет во всем, всегда. Вот, выходя из привокзального кафе, купил апельсины. Принес и высыпал на стол. Подумав, сложил их в корзину. Поставил зеленую бутылку и, лихорадочно следя за убывающим светом дня, стал бросать, швырять молнии красок на звонкий бубен холста. Кисть носилась по туго натянутому холсту в бешеной пляске, танцевала весело и упоенно.

Желто-зеленый свет разливался по комнате, нежно переходя с апельсинов на стены, прони-

Винсент Ван-Гог.
Натюрморт.
1888 год.

зывая воздух, зачаровывая солнечный луч, скользнувший в окно. Винсент сам удивлялся тому, как быстро, молниеносно быстро научился он писать картины. В ежедневных муках разочарований и открытий победила выношенная мысль: прежде чем писать картину, ее надо придумать, всю увидеть внутри себя, взвесить точно, отбросить заранее лишнее, выделить главное. Быстро схватить смысл увиденного, передав свою мысль, свое состояние руке, заставить ее соединить нужные краски в единственно возможный сплав.

Вот и подсолнухи, принесенные с прогулки, он писал подряд несколько дней, но не одну картину, а разные. На первой они свежие и нежно-солнечные. На другой — яростные солнечные сполохи. На третьей — увядшая, ушедшая жизнь.

Последняя точка — блик на крайнем цветке, слабый, едва-едва проявленный. Все... День угас. Еще днем были черные деревянные планки и натянутый на них кусок грубого серого холста. А сейчас вечер, и на мольберте дышит новорожденная картина...

Мы с тобой видим художника в лучшие годы его жизни, его творчества, когда он наконец обрел таинство соединения красок, когда он упивался своим умением подчинять себе все материалы, при помощи которых художник может изображать желаемое.

Он рисовал тушью, писал акварелью, маслом. Рисовал и писал не только натюрморты, вернее, не столько натюрморты, сколько пейзажи, портреты, сюжетные картины. Мог ли он предполагать тогда, в 1888 году, что все его картины, все рисунки, все черновые наброски будут тщательно рассмотрены, изучены, сотни раз напечатаны в каталогах выставок... Десятки книг о его творчестве, альбомы репродукций его работ вышли в мире тысячными тиражами. Почему? Нельзя заставить восхищаться искусством, если оно не восхищает, нельзя заставить назвать художника своим, если картины или рисунки его тебе безразличны. Каждый выбирает себе художника, близкого по мыслям и чувствам. Ван-Гога выбрали миллионы.

Неистовый труженик искусства. За десять таких кратких и таких долгих лет своего творчества он создал пятьсот рисунков и триста картин.

Уйдем потихоньку, унося след обыкновенных, купленных в лавочке папаши Танги масляных красок, которые, пройдя через плоскую фанерную палитру и неистовую кисть Ван-Гога, превратились в бесценно-неповторимые...

*

Картофелина на розовой оберточной бумаге

Натюрморт прост и сложен одновременно. С натюрморта начинают обучение, но к нему возвращается художник на протяжении всей творческой жизни.

К. С. Петров-Водкин.
Селедка.
1918 год.

Мы сейчас приближаемся к третьему удивительному натюрморту. Ветер, ветер несет нас во вьюгах и метелях на восток, на северо-восток, на север по траверсу Полярной Звезды в тяжелый 1918 год.

Первый год Великой Октябрьской революции. Застывший, сумрачный Петроград. Голод. Разруха. Дрова, как великое благо. Хлеб — насущный и ожидаемый, необходимый для сохранения, для продолжения жизни. Без хрустящей корочки, без запаха и вкуса. Хлеб голода.

Сегодня в свою непротопленную квартиру в бывшем дворянском петербургском особняке знаменитый художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин принес паек. Селедку. Да еще картошка, сваренная в «мундире», да еще хлеб. Какой будет пир! Нет, не вдоволь, сколько захочешь, сколько съешь, а по кусочку, по крошечке.

Но остановитесь руки, собирающиеся разрезать рыбину. Это Натюрморт Времени! Пусть знают будущие поколения, как тяжело досталась революция.

А на чем написать картину?

Если художник хочет рисовать, он не выбирает материалы. Прекрасно, если есть твердый, шероховатый, с чуть заметной желтинкой «ватман» и нежный серебряный карандаш или послушный бархатный уголь для рисунка... Прекрасно, если есть коробка ясной и легкой «Виндзорской» акварели и ласковые колонковые кисти. Прекрасно, если есть тюбики кобальта, краплака, ультрамарина «Черной речки» и жесткие, упругие щетинные кисти с лакированными изящными черенками, настолько великолепные, что, кажется, способны сами, без направляющей руки художника, писать сильными, смелыми мазками.

А если таких красок, бумаги, кистей нет? Тогда есть белая стена, обрывок обоев, огрызок писарского карандаша, банка плакатной грубой гуаши и вместо тонкого, привычно пахнущего полем и солнцем холста кусок видавшей виды кухонной клеенки.

Кузьма Сергеевич, потушив нетерпение, натягивает на подрамник клеенку, достает ящик с тюбиками красок, разминает сильными пальцами застоявшуюся кисть и пишет скупой петроградский паек 1918 года. Художник положил его на глянцевую розовую вощеную, сохранившуюся где-нибудь в подвалах Невского «Пассажа» оберточную бумагу и на синий, пронзительно синий обрывок клеенки. Дело было не в скудности еды. Главным была радость ощуще-

ния нового, пронзительно яркого мира. Художник знал: суровая пора пройдет, жизнь победит.

Этот натюрморт, может быть, самый скудный по набору предметов, но по живописности, по удивительной красочности самый яркий, самый богатый во всей истории живописи. Сопровождая каждый цвет другим дополнительным цветом, художник не изменяет их собственного звучания и придает каждому из этих цветов красивый, звучный, тонкий оттенок.

В творчестве Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина, художника, безоговорочно принявшего революцию и утверждавшего революцию в своих теперь уже всемирно известных картинах «Петербург. 1918 год», «Купание красного коня», «Смерть комиссара», натюрморт занял особое место — это лаконичная его биография.

Только в 1918—1919 годах он написал десять натюрмортов: «Розовый» и «Утренний», натюрморты «Со скрипкой», «Со свечой» и «С зеркалом»... Позже появились «Яблоко и виноград», «Черемуха в стакане» и другие.

Художник придавал чрезвычайное значение этому жанру живописи. В каждом из натюрмортов он решал новую творческую задачу: колорита, композиции, эмоционального впечатления. Он много занимался теорией цвета и композиции...

Петров-Водкин был удивительно разносторонним творцом: он писал картины и панно, плакаты и проекты оформления площади в годовщину революции, он рисовал иллюстрации и обложки книг, он писал статьи об искусстве, пьесы, романы. Написал и великолепную книгу-размышление «Пространство Эвклида».

Он был профессором Высших художественных курсов.

Родился он в простой крестьянской семье в Хволынске. Одиннадцати лет поступил в четырехклассную городскую школу и в один из первых дней учения сделал всех удививший рисунок, до обмана иллюзорно передающий надорванный и чуть отогнутый листок тетради. С того «обманного листка» началась его трудная дорога в жизни и искусстве. Он исходил все приволжские бугры и древние леса близ Хволынска, много плавал по Волге, ездил в степи. А потом побывал в Мюнхене, и в Лондоне, и в Париже. Изучил Италию и Египет, Алжир, Карфаген, Африку.

Учился у Александра Иванова и Валентина Серова, на картинах великих мастеров Возрождения...

* * *

«Электроника» устала так же, как и ты, наверное. День получился насыщенный, что и говорить. Как различны увиденные картины! Натюрморт Виллема Кальфа — это жизнь тех, кто покупал картины, чьи дома эти картины украшали. Натюрморт Винсента Ван-Гога — это сам автор, сам творец, его и ничьи больше потребности и вкусы. Натюрморт Петрова-Водкина — это символ, точно обозначенная жизнь огромного города, огромной страны в год великого перелома, в год Октября.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В № 8.

Н. МЕРЕЖНИКОВ

Полно чудес

Лес огромен
и дремуч,
Тьма в лесу
клубится.
Взял я самый
светлый луч
И шагнул в темницу.

Расступился молча лес,
Мрак раздался,
Мрак исчез.

И увидел я окрест
Медных
шишек
жаркий
блеск,
Малахитовый навес,
А над лесом,
радуясь,
Запылала
радуга —
Семицветная,
Самоцветная!

Ну, а я гляжу кругом:
Не покажется ли дом
На куриных ножках,
Об одном окошке?
Волк волшебный
Не промчится ль?
Не вспорхнет ли где
Жар-птица?

Ни Жар-птицы,
Ни Кощея
Не увидел там вообще я.

Лес как лес —
Обычный лес.
А все равно
Полно
Чудес!

Человек корчагинской закалки

В тот ноябрьский день 1941 года с утра, не переставая, шел снег. Командир горнострелкового полка подполковник Рубахов отдал минерам приказ заблокировать подходы к нашим позициям. Работа близилась к концу, когда один из бойцов вдруг крикнул: «Глядите, танки! Идут прямо на нас!»

Танки шли из соседней деревушки Калинка, из-за крайних бревенчатых изб. Тяжелые машины с фашистскими крестами на броне. Красноармейцы быстро собирали инструмент, готовились к отходу в глубь леса. Рядовой Михаил Макаров завинчивал крышку заряженной мины...

Гитлеровцы, должно быть, издали заметили минеров, открыли огонь, и один снаряд взорвался почти рядом с красноармейцами. Михаил Макаров упал навзничь. Мина разорвалась прямо в его руках...

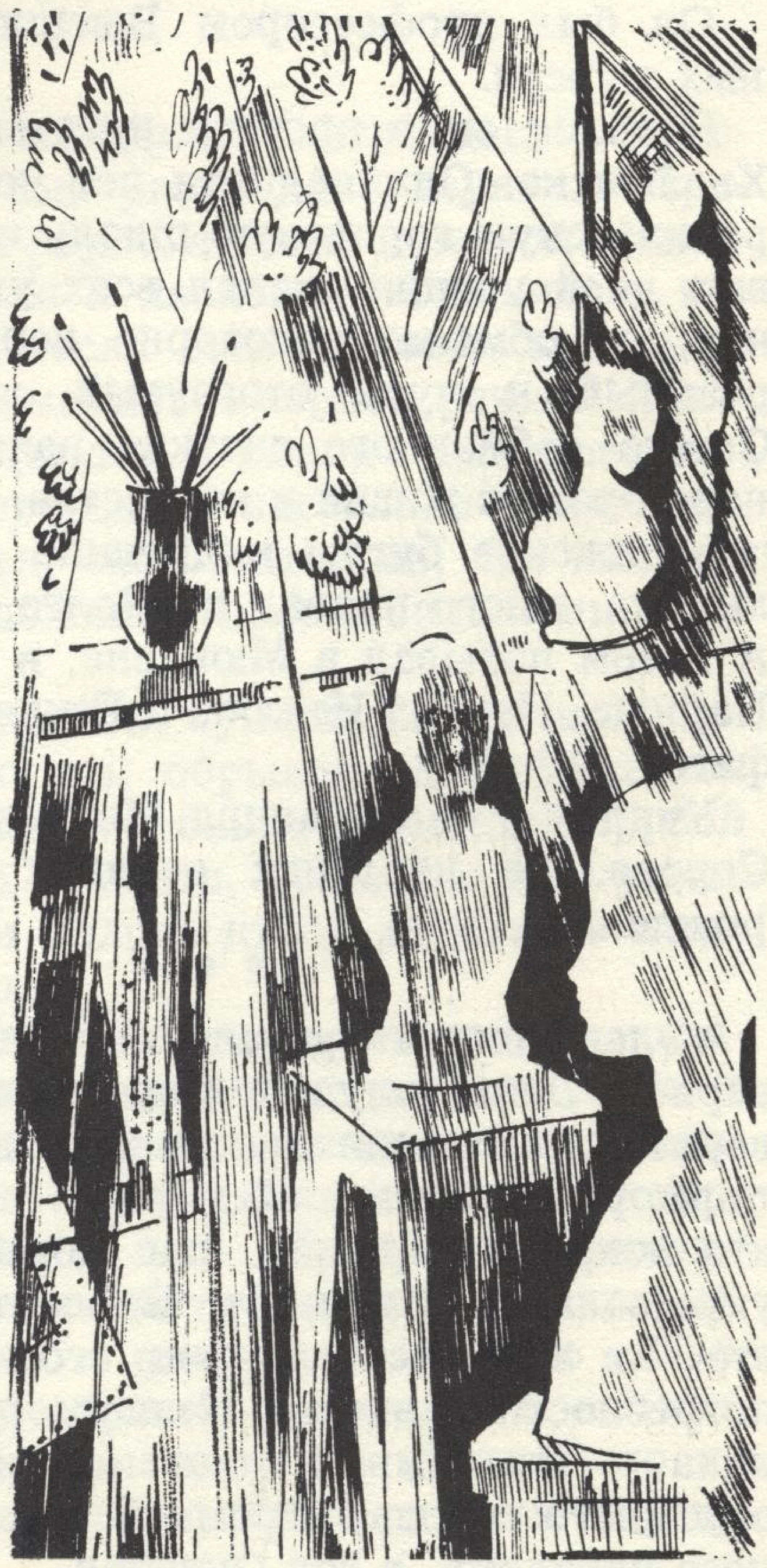
...Он не приходил в себя еще три долгих недели — все то время, что его везли с фронта в тыл, в Казань. Ему делали уколы, перевязки, вливали кровь и глюкозу, а Макаров был неподвижен.

Постепенно начал восстанавливаться слух. По голосам, по звукам шагов в коридоре он научился узнавать врачей. Но настроение было скверное: «Кому я нужен слепой, с одной левой рукой?»

Однажды утром в коридоре услышал он звук незнакомых шагов. Комиссар госпиталя товарищ Федоров принес радостную весть. Михаила Макарова за отвагу в бою наградили орденом Красной Звезды. Теперь в тяжелые минуты он доставал из-под подушки картонную коробочку, раскрывал ее и брал в руки орден...

В мае 1942 года Михаил вернулся из госпиталя в Ташкент, в отцовский дом к сестрам. Обе сестры потеряли на фронте мужей, дети остались сиротами... А тут еще он, совсем беспомощный.

Трудно сказать, как сложилась бы дальше его судьба, если б однажды не при-



шла к нему на помощь Хасият Хасанова, товарищ по училищу изобразительного искусства.

В госпитале Михаил запретил себе вспоминать это время: художников без глаз не бывает. Но Хасият пришла с поручением от Союза художников начать осваивать лепные работы...

Макарову помогал скульптор Алексей Николаевич Иванов, помогало общество слепых и сорок третьеклассников-тимуровцев из 74-й школы во главе со своей учительницей Жанной Алексеевной Зайченко.

Тимуровская команда бегала в магазин за продуктами, прибирала квартиру, мыла посуду, словом, делала все, что было необходимо. А главное, заботилась о том, чтобы ни на один день, ни на один час он не чувствовал себя человеком одиноким.

С тех пор прошло немало лет. Те, первые друзья-тимуровцы, стали взрослыми людьми. Пришло в команду новое пополнение — одно, второе, третье. Но, как и прежде, приходят в дом Макарова юные друзья, рассказывают о школе, поверяют свои маленькие тайны, первыми смотрят новые работы скульптора.

Михаил Родионович Макаров стал теперь известным мастером. Было у него уже несколько выставок, а скульптурный портрет В. И. Ленина группа альпинистов установила на Эльбрусе.

Михаилу Макарову приходит немало писем от школьников, студентов, людей старшего поколения: «Вы повторили подвиг Николая Островского и его героя Павла Корчагина, — говорится в одном из писем. — Вы человек, которого мы, комсомольцы, считаем героем нашего времени!»

А он, всегда и везде говорит, что ничего не смог бы добиться в жизни, если бы не было рядом друзей и славных юных товарищей-тимуровцев.

Э. ЗВОНИЦКИЙ.
г. Ташкент

Тимуровцы — активные участники игры «Зарница». Большая дружба связывает их с ветеранами войны. Тимуровцы помогают им по дому, поздравляют с праздниками, а ветераны помогают тимуровцам и всем юнармейцам усвоить военные знания, правильно организовать военно-спортивную игру. В «боевых листках» мы печатали письма взрослых, которые благодарят ребят. А сейчас печатаем письмо ростовских зарничников, в котором они благодарят старшего друга Е. Э. Майорова.

ЮНАРМЕЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ

«Командующий — не тот человек, кто наблюдает и распоряжается, а тот, кто учит, помогает, направляет», — так считает Евгений Эммануилович Майоров, генерал-лейтенант в отставке, командующий военно-спортивной игрой «Зарница» в Ростовской области.

Теперь «Зарница» не такая, как была десять лет назад. Теперь юнармейцы готовятся серьезнее. У нас настоящая военная дисциплина, хорошая подготовка, мы умеем быстро и правильно действовать в новых условиях. Всему этому нас научили школьные военруки, воины Советской Армии, ветераны войны и сам командующий.

Вспоминают участники игры такой случай. На областном финале «Зарницы» была объявлена тревога. Выскочили ребята из палаток, побежали строиться. А командующий прошел вдоль строя, посмотрел, кто как к действиям по этой тревоге готов, и оказалось, что противогазы взяли единицы. Строгие слова говорил тогда юнармейцам командующий. И поняли ребята: готовятся они к защите Родины. А военно-спортивная игра — первый экзамен на эту готовность.

Ира Колесниченко была командиром юнармейцев 14-й ростовской школы, когда в 1974 году ребята ездили на Всесоюзный финал в «Орленок». Ира рассказывает: «На Всесоюзном финале нам было нелегко. Приходилось целыми днями готовиться к выступлениям. А лето жаркое... Евгений Эммануилович часто приходил к нам, разговаривал. Не о том, что мы должны, обязаны... Просто о себе рассказывал, как во время войны был командиром одного из соединений противовоздушной обороны на Ладожском озере. Что такое «Дорога жизни», мы знаем все. И что тогда люди пережили, тоже понимаем. Поэтому не могли мы на глазах у такого человека раскисать от жары и прочих трудностей».

— «Зарнице» я очень благодарен, — говорит Анатолий Петровский, курсант Ростовского высшего командного училища имени маршала артиллерии М. И. Неделина. — Она научила меня дисциплине, основам того, как обращаться с оружием. Дала представление о гражданской обороне, о строевой подготовке... Всему этому мы учились с удовольствием. Прежде всего потому, что к нашей ребячьей игре относились очень серьезно. Особенно когда ею начал командовать в нашей области Евгений Эммануилович Майоров. Для нас одно его воинское звание — генерал — «звучало».

О командующем игрой «Зарница» Е. Э. Майорове рассказали члены Ростовского областного штаба. Но если слово дать всем юнармейцам области, то получится целая повесть из ярких воспоминаний, восторженных рассказов и искренних благодарностей.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

А. МЕЖИРОВ

Возвращение

Промеж леска вихляют
Вихры одноколейки.
Здесь ты,
Моя красавица,
Сегодня поезд ждешь.
И аккуратный, ровный,
Как будто бы
Из лейки,
На ту одноколейку
Накрапывает дождь.

А пахнет та дороженька
Осинами, березами,
И соснами
Смолистыми
С верхушек до корней,
И черными,
Лохматыми,
Смешными паровозами,
Которые раз в сутки
Проносятся по ней.

А ты, моя красавица,
Стоишь на том разъезде.
А над разъездом тучи
Да ночь темным-темна.
Над тучами
Разбросаны
Мудреные созвездья,
Под тучами
Дождинки,
Да ты,
Да тишина.

А у того разъезда
Есть махонький базарик,—
Оглобли смотрят в небо,
Сутулятся возы...
Ах, если был бы я бы
Человек-прозаик,
Не петь мне этой песни
И не глотать слезы.

Ну, как мне быть, красавица,
Скажи, моя хорошая,—
Ведь я не разучился
Все это замечать.
Бежит одноколейка,
Бежит, леском поросшая.
Грустить или смеяться?
Петь или замолчать?

Так пусть на том разъезде
Незваный я и лишний...
Ложится сонный дождик
На мягкую траву.
Бежит одноколейка,
Растут грибы неслышно,
И в этой благодати
Я на земле живу.

РАССКАЗЫ О СТИХАХ

«ОН СТАЛ ПОЭТОМ ТОЙ ВОЙНЫ...»

Александр Межиров был поэтом, со слов которого мы узнавали о войне. На школьных вечерах мы читали наизусть «Коммунисты, вперед!». Мы горевали о мальчике, что «жил на окраине города Колпино. Фантазер и мечтатель. Его называли лгунишкой...» На наших глазах он умирал, не досказав своих веселых и грустных историй («Стихи о мальчике»).

И Александр Межиров написал, по-моему, самое удивительное стихотворение о возвращении с войны, о победе, о мире. Может быть, вы заметили, что в стихотворении «Возвращение» нет ни единого слова, как-то,

пусть косвенно, напоминающего о войне. Поэт умел писать о ней и не изображая боев. Мрачным изваянием блокады встанет в его стихах мертвый вокзал:

Входила маршевая рота
В огромный,
Вмерзший в темный лед,
Возникший из-за поворота
Вокзала мертвого пролет.

(«В блокаде»)

Или запустит поэт в голубые небеса «óблак пороховой» — чудище непонятное — и сразу превратит поле с ромашками в пейзаж фронтовой:

Зацветает поле ромашками,
Их не косит никто,
не рвет.
Над обочиной вверх тормашками
Óблак пороховой плывет.

(«Утром»)

И «óблак пороховой» и «мертвый» вокзал говорят нам о близости передовой, о войне. А как же мы узнали, что стихотворение «Возвращение» написано о возвращении с войны, спросите вы.

Есть у Александра Межирова другое стихотворение, «После войны», тут все ясно: и название красноречиво, и шальная, дикая радость, захлестнувшая стихотворение, и герой — офицер.

И растерявшийся офицер —
С фронта четыре недели назад —
Возле витрины смеется:
«Цел!» —
Словно не знает, что это гроза.

В «Возвращении» офицера нет — и он есть, есть! Вот же он — с расстегнутым воротом на худой мальчишеской шее — висит на подножке вагона, одной рукой держась за поручень, а может, стоит в проеме теплушки и глядит, глядит, глядит во все глаза. Мальчишка, шагнувший в войну прямо из детства, переживший блокаду, смертный холод Синявинских болот и час победы. Все стихотворение — его улыбка, огромная, счастливая, растерянная... Счастливая оттого, что он хоть и ранен, а жив, и душа его не убита, и «он не разучился все это замечать».

Разве он возвращается с войны? Это мир возвращается к нему. Земля его бежит навстречу, такая симпатичная, такая круглая и такая красавица! До чего же она уютная, маленькая: дождик, «как будто бы из лейки», и «махонький базарик»! Сам он вырос, что ли? А может, дело в том, что, уходя на фронт, он был совсем мальчишкой, он так беззащитно по-детски произносил слово «мама»: «Собирала мне мама мешок вещевой» («Стихи о том, как сын стал солдатом»). Конечно же, он вырос, провоевав четыре года!

Пройдя тяжкие версты войны, разгромив фашизм, солдат не просто возмужал, он стал монолитным, будто вылитым из металла. Ведь стихотворение «Воспоминание о пехоте» — тоже о нем, только здесь он легенда, памятник.

А когда я встаю
и делаю шаг в атаку,
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах.
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой
второй
шаг.

А в ритмах стихотворения «Возвращение» дрожит живая улыбка. Вот почему и кажутся такими смешными и «черные, лохматые, смешные паровозы», и махонький базарик, и одноколейка.

Столько эшелонов, столько вокзалов в военных стихах А. Межирова: тот, мертвый, ленинградский и давящий вокзал сорок первого года, где сквозняки «на каменный пол сбивают», а усталое дыхание солдат застывает, поднимаясь к потолку, «и потолок становится, как булыжная мостовая» («На зимнем полустанке»). А вот такого симпатичного, почти игрушечного, даже и не вокзала — разъезда, крытого тучами, ни в одном стихотворении больше не найдем.

И какая над землей тишина! Мир в стихах А. Межирова так же рифмуется с тишиной, как война с грохотом, криком, лязгом (кричат паровозы, захлебываются машины, скрежет танков и разрывы снарядов прошивают стихи, а человек признается: «Я оглох от усталого лязга, я от острого свиста оглох...»).

Дробный перестук, перепляс колес в «Возвращении» («Под тучами дождинки, да ты, да тишина...», «Ах, если был бы я бы...») звучат музыкой, только подчеркивают тишину. А потом и он стихает, и мы различаем, как «ложится сонный дождик на мягкую траву», а ведь дождик такой бесшумный и трава такая мягкая, но все равно мы его слышим! И мы слышим, как «растут грибы неслышно», вот это неслышно вдруг слышим! Тишина, физически ощутимая, объемная, заполняет собою стихотворение, каждое его слово «лИШний — неслыШно» — лишь отзвук слова «тишина». Вот она какая огромная — тишина мира, в котором нет войны.

А солдатик наш так и стоит, держась рукой за поручень, и глядит во все глаза, и слушает, и улыбается. И трудности у него впереди, и горе, война еще обрушится на него в снах, в воспоминаниях, и заново он будет переживать смерть своих товарищей, а сейчас он просто счастлив, настолько счастлив, что почти устал от тишины, от счастья, и усталость эта разрешается медленным, блаженным зевком, как бывает именно от полноты счастья:

И в ЭтОЙ блАгОдАтИ (ЭОЙ АОАИ)
Я на земле живу.

Никогда вам не приходилось видеть на камне следы от дождя, выпавшего, может быть, сто, может быть, миллион лет назад? Круглые дождинки впечатываются в камень (почему? Может быть, это был особенно яростный, щедрый дождь?), мы можем их видеть, потрогать. Так и А. Межиров навсегда впечатал в стихотворение счастливую улыбку человека, переставшего быть солдатом, с победой вернувшегося домой. И нет у него стихотворения счастливее, чем «Возвращение».

И. АНДРЕЕВА
Рисунки П. БАГИНА.

Олег **ТИХОМИРОВ**

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

ДВА ЗНАМЕНИ

Рисунок **А. ГРИШИНА.**

**Вот уже много лет
Константин Кононович Кравчук
работает механиком-сборщиком
на киевском имени Ленина заводе «Арсенал»
Он — ударник коммунистического труда.
Награжден недавно орденом
Трудового Красного Знамени.
Свою первую в жизни награду —
орден Боевого Красного Знамени —
Константин Кравчук получил
еще мальчишкой — тридцать три года назад,
1 июня 1944 года.**

Осень сорок первого. В Киев ворвались гитлеровцы. На окраинах еще шли упорные бои, но части Красной Армии уже покидали город, чтобы не попасть в окружение.

Киевскому школьнику Косте Кравчуку в ту пору исполнилось десять лет. Он жил на Подоле (так называется низинная часть города, примыкающая к Днепру) и видел, как к мосту, который еще не был уничтожен врагом, днем и ночью пробирались наши войска.

Но вот поток грузовиков, танков, пушек стал редеть, зато громче, отчетливее затрещали выстрелы. К полудню пули засвистели по улицам Подола. Жители попрятались кто куда, но Кос-

тя остался во дворе, притаился за забором и смотрел в щель: что же будет дальше?

В соседний двор вдруг влетела на полном ходу санитарная повозка, запряжённая парой лошадей. С нее соскочили два красноармейца, оглянулись и перелезли через забор к Кравчукам. У одного из солдат была перевязана голова, у другого — рука.

Увидев Костю, они подбежали к нему.

— Ты здесь живешь?

— Здесь.

— Пионер?

— Пионер.

Солдат с перевязанной рукой снова оглянулся по сторонам и сказал:

— Сейчас мы дадим свой последний бой. А к тебе просьба, нет, приказ: спрячь два полковых знамени. Только никому... Дай слово.

— Честное пионерское.

— Прощай. Наши еще вернутся. — И побежали к забору со стороны задворья. Через минуту их уже не было видно, а потом где-то вдалеке началась перестрелка, послышались взрывы гранат.

Костя держал знамена и лихорадочно думал, куда бы спрятать. Нельзя терять ни секунды: выстрелы раздавались уже совсем близко. Он бросился в угол двора, где рос старый каштан, и закопал знамена под деревом. Утрамбовал землю, поставил сверху старый дырявый таз.

К соседям в распахнутые ворота уже въехали два мотоцикла с фашистскими автоматчиками. Гитлеровцы обыскали брошенную санитарную повозку, осмотрели пустой двор, дом, но никого не обнаружили.

Один из них подошел к забору, увидел Костю, крикнул:

— Где рус сольдат?

Костя пожал плечами — не знаю, мол.

Снова затарахтели мотоциклы — гитлеровцы уехали.

Ночью Костя перенес знамена в сарай. Спрятал под поленницей дров.

— Ты где пропадал? — спросил Леня, старший брат.

— Да так... — Костя поскорее юркнул в постель, чтобы его больше ни о чем не расспрашивали.

Ему хотелось рассказать обо всем Лене. Секретов друг от друга не держали. Да и маму тоже можно было посвятить в эту тайну, но... он обещал молчать, дал слово.

Наступила зима. Дров в сарае становилось все меньше и меньше. Костя забеспокоился: кроме мамы и Лени, в сарай приходили за дровами и соседи... На обочине дороги Костя как-то нашел большой кусок брезента, и у него мелькнула мысль: «А что, если завернуть знамена в брезент и спрятать в более надежное место?»

Как только начало смеркаться, он вынес сверток со знаменами из дому. Неподалеку от заброшенной железнодорожной насыпи было несколько водосточных колодцев. Крышка одного из них выходила на участок, заросший кустами и бурьяном. В этом колодце Костя и подвесил на проволоке свой сверток. Два года хранились знамена в колодце. Время от времени, когда пас корову или собирал хворост, Костя проверял, на месте ли его «клад», хорошо ли он закреплен.

Эти две фотографии знакомят тебя с Константином Кравчуком. Нижний снимок сделан недавно, а тот, что вверху, сохранил для нас момент вручения знамен пионером Костей Кравчуком коменданту города Киева полковнику Ф. Н. Ивашкину.

Как-то в кустах, возле колодца, он заметил человека, который лежал на снегу. Костя стал размышлять: повернуть назад? Поздно. Вызовет подозрение: шел, шел и вдруг ни с того, ни с сего свернул с дороги. Лучше идти вперед. И он пошел мимо лежащего человека. Незнакомец окликнул его:

— Эй, хлопец, подойди сюда!

Костя приблизился.

— Здесь живешь?

— Здесь...

— Хлеба нет с собой?

«Нет», хотел было ответить Костя, но тут он увидел, что незнакомец был невероятно худ, и он вытащил из кармана кусок хлеба — все, что было у него на сегодняшний день до вечера.

Человек отломил от хлеба несколько крошечных кусочков, медленно разжевал их, а большую часть куска спрятал за пазуху.

— Фашисты тут близко? — спросил он.

— В эту сторону близко, в первых домах стоят, — показывал рукой Костя, — а там никого нет. Вы, дядь, туда тикайте...

Незнакомец пошарил в кармане, протянул Косте перочинный ножик.

— Бери. Это тебе за хлеб.

— Да что вы, дядь! Я вам за так отдал.

— Спасибо, сынок. — На небритом лице незнакомца появилась слабая улыбка. — Теперь иди. Не стой возле меня.

Костя сделал два шага, но остановился, спросил:

— Дядь, Красная Армия вернется?

— Конечно, вернется.

— Полицаи брешут, что армия наша разбита и что Москву взяли.

— Конечно, брешут. Собаки тоже брешут. Ну, прощай, сынок. Не задерживайся здесь.

Потом Косте не раз доводилось помогать бежавшим из плена красноармейцам. Кого выручал старой отцовской одеждой, кого ломтем хлеба. Больше он уже не спрашивал, вернется ли Красная Армия: все чаще и чаще стали появляться над Днепром краснозвездные самолеты, сея страх и смятение среди гитлеровцев.

И вот опять киевляне услышали отдаленный гул канонады. Теперь уже он доносился с Востока. Наступала Красная Армия.

— Наши идут! Наши! — передавали друг другу жители Киева.

Гитлеровцы на берегу Днепра начали возводить новые оборонительные сооружения. Всем живущим на Подоле они приказали немедленно оставить свои дома. На обезлюдевших улицах появились таблички: «Запретная зона! За нарушение — расстрел».

Костя с братом и мамой поселились на территории полуразрушенного кирпичного завода, в пустой печи, в которой раньше обжигался кирпич.

— Ничего, сыночки, — говорила Мария Фоминична Лене и Косте, — как-нибудь перебьемся. Теперь недолго ждать осталось.

— Конечно, перебьемся, — в один голос отвечали братья, — ты не волнуйся, мама.

А жилось трудно. Голодали. Мерзли.

Люди, изгнанные из своих домов, не успели взять с собой даже самого необходимого. И подольские мальчишки часто нарушали приказ оккупационных властей — пробирались в запретную зону задворками или по крышам. Совершал такие вылазки и Костя. Как-то раз, возвращаясь с Подола, он попал в облаву. Всех схваченных привели на школьный двор. Отобрали двадцать пять человек, поставили возле глухой стены.

Вперед вышел переводчик.

— Прошлой ночью, — произнес он, — на Подоле было убито несколько солдат германской армии. В связи с этим мы расстреляем двадцать пять человек. — Он показал на группу, стоящую у стены. — Но если вы назовете виновных, осужденные будут помилованы. На размышление — пять минут.

В воцарившейся тишине кто-то прошептал:

— Сволочи!..

Косте казалось, что стоящие рядом слышат, как колотится его сердце. Но вот тишину оборвал залп...

Остальных гитлеровцы построили в колонну и под лай остервенелых собак погнали к железнодорожной станции. Там конвой принялся всех заталкивать в товарные вагоны.

Костя, находившийся среди подростков, предложил:

— Ребята, как поравняемся с будкой, бежим в разные стороны!

Возле будки стрелочника мальчишки бросились врассыпную. Ударили вслед выстрелы. Кто-то упал, сраженный насмерть, кто-то был ранен, но Косте и еще нескольким ребятам удалось скрыться. Ночью он вернулся на кирпичный завод.

— Сынок! — бросилась к нему Мария Фоминична. — Живой!

Чем ближе подступала Красная Армия, тем озлобленнее становились гитлеровцы. И на кирпичном заводе стало опасно оставаться. Костя с мамой перебрались к бабушке Лизе в Ирпень, а Леня, которому шел уже пятнадцатый год, скрылся в лесу, у партизан — ему нельзя было попадаться на глаза оккупантам: тут же схватили бы и отправили в Германию.

Когда Кравчуки вернулись в освобожденный город, увидели, что от их дома ничего не осталось. Только головешки еще дымились.

На следующий же день Костя отправился к своему колодцу, вынул из тайника сверток.

— Костя! — всплеснула руками Мария Фоминична, когда сын развернул брезент. — Откуда у тебя знамена?

— Я прятал их с сорок первого года.

— И молчал? — упрекнула мама.

— Не обижайся. Я дал солдатам слово никому не говорить. Теперь они вернутся...

Жизнь понемногу налаживалась. Кравчуки из досок и битых кирпичей соорудили небольшую хибару. Но Костя беспокоился: почему не приходят те два солдата? На стук у порога бросался к двери: не они ли?

Прошло полгода, и Костя понял, что те два раненых знаменосца, которые уходили из захваченного врагом города последними, никогда не вернутся.

...1 мая 1944 года Костя вручил оба знамени коменданту Киева полковнику Ф. Н. Ивашкину. Через месяц Указом Президиума Верховного Совета СССР пионер Костя Кравчук за совершенный им подвиг был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Сейчас спасенные Костей боевые знамена — 968-го и 970-го стрелковых полков — хранятся в Центральном музее Советской Армии в Москве, и ты можешь их увидеть.

ЮНКОР

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В Москве, в Центральном музее Вооруженных сил СССР, хранится обгоревшая фотография военных лет. На ней, среди группы бойцов, — тринадцатилетний мальчишка в солдатской шинели. Рядом с фотографией орден Отечественной войны I степени, орденская книжка и «Боевой листок» — «Окопная правда» № 11. Боевым орденом посмертно награжден отважный пионер Валерий Волков, редактор «Боевого листка».

...Шел 1942-й, грозный год войны. Гитлеровцы начали третий штурм Севастополя. Горела земля. Горело море. Но защитники Севастополя геройски обороняли каждый дом, каждый переулок. В здании бывшей школы № 12 оборону держала отважная десятка. И среди них — пионер Валерий Волков, которого подобрали разведчики в тылу врага.

Валерий метко стрелял, бросал гранаты, а в короткие передышки между атаками выпускал «Боевой листок». В одном из номеров ученик 4-го класса Валерий Волков, он же редактор и художник «Окопной правды», написал: «Нет силы в мире, которая победит нас, Советское государство, потому что мы сами хозяева, нами руководит партия коммунистов».

Из рук в руки переходил «Боевой листок», призывая бойцов к подвигу во имя Родины.

Валерий Волков погиб, подорвав фашистский танк. Его пионерский галстук еще несколько дней реял над развалинами школьного здания, защитники которого сражались до конца.

Кто же такой Валерий Волков? Отважный пионер-ленинец. Смелый боец. Военный юнкор, доказавший свою верность Родине и боевым, призывным словом и героической гибелью. Валерий Волков навечно остался в пионерском строю.

Когда же впервые появились юные корреспонденты? В 1924 году в Ленинграде. Правда, тогда они в редакции газеты «Ленинские искры» назывались **деткорами** — детскими корреспондентами.

В 1925 году, когда стала выходить «Пионерская правда», появились **пикоры** — пионерские корреспонденты. Пикорами и деткорами «Пионера», «Пионерки» были Евгений Долматовский, ныне известный советский поэт, Сережа Баруздин. Книги писателя Сергея Баруздина вы читали и хорошо знаете их героев.

Сотни, тысячи ребят были деткорами пионерских газет и журналов. И хотя немногие из них стали журналистами, писателями, поэтами, но каждый сохранил в памяти живую и радостную юнкоровскую работу.

Юнкор — юный корреспондент, который пишет в газету или журнал. «Пионерская правда» получает в год 300 тысяч ребячьих писем, журнал «Пионер» — 80 тысяч.

Каждый ли, кто пишет в газету, может считать себя юнкором? Нет, не каждый.

Юнкор — умелый организатор, первый помощник отряда или дружины в любом пионерском деле. Он не посторонний наблюдатель, он всегда впереди: в учении, в пионерском поиске, на воскреснике, в походе. А вот когда сделано что-то важное, интересное всем отрядом, тогда об этом можно писать в газету или журнал. Юнкор — душа отряда, его зоркий глаз и чуткое ухо. Он не боится смело и открыто выступать против недостатков. Он первым приходит на помощь тому, кто попал в беду.

Юнкор — правдив и честен. В своих корреспонденциях он никогда не станет приукрашивать или преувеличивать отрядные дела. Он всегда проверяет каждый факт, о котором сообщает редакции.

Юнкор — первый помощник пионерских газет и журналов. По письмам юнкоров выезжают журналисты и рассказывают всем пионерам страны о самом интересном и важном, что происходит в отрядах и дружинах.

Лучшие юнкоры собираются на слеты и сборы юных корреспондентов. Они награждаются грамотами и дипломами редакций газет и журналов, памятными значками. А как работают юные корреспонденты в вашем отряде?

Ждем юнкоровских сообщений.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

Юнга с катера «ТК-31»

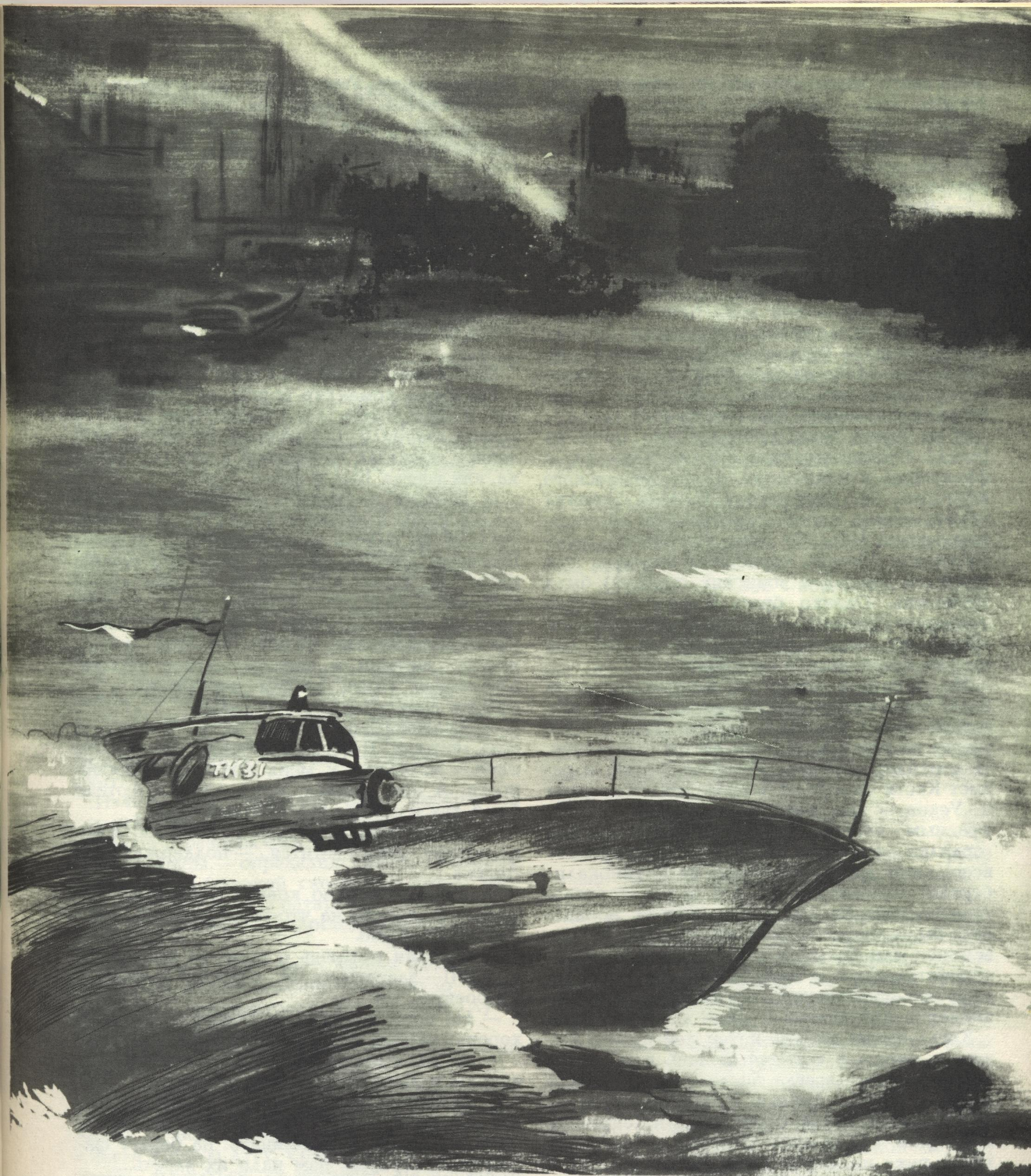
Геннадий РОЗЕНТАЛЬ

Рисунок Н. ТОДОРОВА.

Он пришел к причалу базы торпедных катеров одним из хмурых осенних дней 1942 года. Босой и оборванный, он затаился за пакгаузом и, не отрываясь, смотрел, как к пирсу все в белой пене подлетали катера. Круто развернувшись, усмиренные, они затихали, покачиваясь на поднятой ими самими же волне. А когда с первого из ошвартовавшихся катеров на пирс вступил седой офицер, на погонах которого белели три большие звездочки, мальчик бросился к нему, по-военному вытянулся и, немного заикаясь, громко произнес:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан первого ранга?

— Ого, да ты в морских званиях разбираешься?— Внимательно посмотрел на неизвестно откуда взявшегося парнишку седой офицер. Это был командир бригады торпедных катеров Головин.— Ну, коли так — обращайся.



— Я Ленька... пионер Леонид Воробьев из двадцатой школы...— И мальчик назвал портовый город на Черноморском побережье, занятый фашистскими оккупантами.— Прошу принять меня рулевым на боевой катер.

— Уж так сразу и рулевым?— улыбнулся Головин.— А у нас нет специальных рулевых...

— Как же так нет?— смутился Ленька.

— А вот так. Боцман у нас на руле или сам командир.

— Я и мотористом могу, мы с отцом на шаланде который год в море ходим...— снова горячо и торопливо, словно боясь, что его не дослушают, стал упрашивать Ленька.

— Подожди... А это что у тебя? — Головин показал на еще не совсем заживший шрам на щеке у мальчика.

— Это... осколком. Фашисты порт бомби-

ли, а мы с отцом раненых на пароход переносили. Его — насмерть, а я вот...— Ленька опустил голову.

— А мать у тебя где?

— Не знаю. Ее с младшим братишкой эвакуировали куда-то.

— Ясно. Остапчук!— обернувшись, крикнул Головин. Перед ним возник боцман Остапчук в черной, покрытой водяными брызгами кожаной куртке.— Отвести в санчасть. И покормить. Потом разберемся...

Уже на следующий день Ленька щеголял в не по росту длинных матросских брюках и широченном бушлате: подходящей одежды для мальчика на базе не нашлось. «Ничего,—утешали его моряки,— Остапчук у нас на все руки мастер. Дай только срок...»

И на самом деле, просидев две ночи на складе, боцман подогнал Леньке и брюки, и фланельку, и бушлат не хуже заправского портного. На бескозырку Ленька натянул черную ленту с золотыми буквами: «Торпедные катера ЧФ». На этом экипировка «воспитанника бригады торпедных катеров» (так значился Ленька в воинских списках) была закончена. Однако брать в море мальчика командир бригады запретил категорически. «Будет при базе,— решил Головин.— И так он уже понатерпелся от войны».

Но на катера, когда они возвращались на базу, Леньку пускали охотно. Особенно подружился он с командой катера «ТК-31», боцманом на котором служил Матвей Остапчук. И командир «ТК-31» лейтенант Сизов, и радист Костя Скворцов, и мотористы Геворкян и Усков — все считали парнишку полноправным членом своего экипажа. Ленька гордился «своим» катером, вооруженным всего лишь двумя торпедами да крупнокалиберным пулеметом. Но что такое торпеда, Ленька знал. Ее одной при метком попадании было достаточно, чтобы пустить ко дну эсминец или большое транспортное судно, а стремительность и маневренность катера делали его практически неуязвимым для артиллерии противника и даже для самолетов.

Когда бы ни уходил катер лейтенанта Сизова в море — в солнечный день или дождливой ночью,— всегда последний швартов с причала отдавал Ленька. И пока не скрывался из глаз знакомый берег, видели лейтенант и боцман маленькую фигурку с бескозыркой в руке на пирсе. Если не возвращался «ТК-31» в положенное время, ничто не могло заставить Леньку уйти с причала. Он первый ловил брошенный Остапчуком причальный канат, первым узнавал о новой победе гвардейского катера, на боевом счету которого был уже не один потопленный фашистский корабль.

Втайне Ленька надеялся, что когда-нибудь командир бригады разрешит и ему участвовать в боевой операции, и поэтому даром времени не терял. На базе катера заправлялись горючим, пополняли боезапас и ремонтировались. Ленька все дни проводил с ремонтниками, помогая им чем только мог и стараясь во все вникнуть. Вскоре он уже научился разбирать и собирать крупнокалиберный пулемет, заправлять в него ленту и ставить прицел, мог стоять за рулем и сигналить флажками.

И вот как-то раз боцман сказал Леньке:

— Готовься, юнга, скоро будем принимать у тебя экзамен на матроса.

И Ленька сдал этот экзамен, но при обстоятельствах, о которых не мог подозревать тогда ни боцман, ни он сам.

*

Шло к концу лето 1943 года.

Однажды командир бригады Головин вызвал к себе лейтенанта Сизова. Они долго о чем-то говорили. Вернувшись на катер, лейтенант приказал готовиться к походу. Ленька, как всегда, был у своих друзей.

— Пойдем со мной,— сказал ему Сизов.

Они ушли в дальний конец бухты и присели на до блеска отшлифованный камень. Багровый диск нежаркого вечернего солнца висел над самой водой, чуть касаясь краем горизонта. Казалось, огненная река растеклась по темно-зеленой поверхности моря. Красновато-желтой пенной полосой неподвижно застыли в вышине легкие облака. Медленная волна нехотя перекатывала у кромки берега шуршащую гальку.

— Красиво!— посмотрел вдаль Сизов.— Я ведь москвич. В детстве мечтал художником стать — находили у меня кое-какие способности. А как увидел море — это в Артеке было, так и влюбился в него навсегда...

— Ночью здорово, когда купаешься, а вода вокруг тебя светится...— поддержал его Ленька.

— Да...—рассеянно кивнул лейтенант, помолчал и, словно на что-то решившись, взял Леньку за плечо.

— Сегодня пойдешь с нами на операцию.

— Я?!— задохнулся от радости Ленька.— На боевую, да?

— На боевую, брат, на боевую... Ты ведь хорошо знаешь побережье у твоего города?

— Да мы с отцом там каждое лето все каникулы рыбачили, товарищ лейтенант...

— Добро!— сказал Сизов.— Выходим через два часа. Будешь на мостике рядом со мной. Смотреть и запоминать: на берегу фашистские батареи, нам надо их засечь...

— Так ведь ночь будет, пока дойдем,— сказал с сомнением Ленька.

— А кто же нас днем-то подпустит?..

— Так точно, товарищ лейтенант!

Быстро, словно на землю вдруг опустили огромный черный полог, наступила безлунная южная ночь.

С приглушенными моторами крался вдоль берега катер.

— Это совхоз «Свободный»,—показывая на чуть выделяющиеся на фоне леса строе-

ния, докладывал Ленька.— Дальше — с полчаса ходу—пригород начнется.

— Пора!— сказал лейтенант и передвинул рычаги машинного телеграфа на «самый полный».

Взревев моторами, точно пришпоренный, рванулся катер. И сразу же заработал пулемет Остапчука, осыпая прибрежные кусты веером трассирующих пуль.

— А ты пали вверх ракетами.—Сизов сунул в руку Леньке ракетницу.

Ленька нажал на спуск. В небо взвилась красная ракета.

— Еще!— приказал лейтенант.— Выпусти штук десять...

Ленька вставил в ствол другую ракету, и снова красная дуга прочертила небо.

И тут ожил берег. Замелькали поспешные огоньки. Навстречу катеру протянулись светящиеся линии пулеметных очередей.

Разведка была рассчитана на внезапность. Гитлеровцы не ожидали такой невероятной по дерзости вылазки, им казалось, что не один, а целый отряд советских катеров прорвался к их береговым укреплениям. Часто застучали автоматические пушки.

— У Красной балки,—тут же доложил Ленька.

В отдалении, у подножия горы, блеснула яркая вспышка и послышался глухой удар.

— Из рыбацкого поселка бьют!— Ленька впился глазами в еле заметные очертания знакомого берега.— Точно, товарищ лейтенант!

Из-под горы раздался залп нескольких орудий. Высоко над головой прошелестели снаряды и разорвались в море.

— Гаубицы,— определил Сизов.— Батарея.

«ТК-31» с бешеной скоростью летел вперед. Ухнула еще раз батарея.

— Опять мимо!— радостно закричал Ленька.

И как бы в ответ часть берега словно расцветилась иллюминацией—вспыхнуло сразу несколько прожекторов. Их голубые лучи, вспарывая тьму, зашарили по воде.

— Ага... Засекай, Ленька!— приказал лейтенант.

— У кирпичного завода и у Рыбной пристани,— откликнулся Ленька и чуть не свалился с ног: катер резко накренился и, описав крутую дугу, стал уходить от берега, чтобы вырваться за пределы досягаемости прожекторов. Ленька видел, как их лучи метались по черной поверхности моря, то скрещиваясь, то рассыпаясь веером... Вдруг он вскрикнул и закрыл лицо руками: слепящий луч ударил ему в глаза. И тут же Леньку резко качнуло влево, потом вправо—это лейтенант, орудуя штурвалом, бросал катер из стороны в сторону, стараясь ускользнуть от настигшего их страшного луча.

Снова заговорила батарея под горой. Снаряды, поднимая белые фонтаны, ложились все ближе и ближе... Смертоносный фонтан вырос совсем рядом, у правого борта. Раздался грохот, катер швырнуло, на палубу обрушился водяной поток.

Ленька очнулся, сел, ощупал голову, грудь, ноги — цел! Только в ушах стоял непрерывно звенящий шум, будто где-то рядом вгрызалась в дерево дисковая пила. То гулко хлопая, то затихая, работал один мотор. Рядом на палубе лежал лейтенант. Ленька тронул его за плечо. Сизов застонал. Ленька наклонился над ним, приподнял голову.

— Ты жив?— Пришел в себя лейтенант и попытался встать, но тут же упал: никем не управляемый катер вильнул в сторону.— Скорей за штурвал!— приказал Сизов.

Ленька с трудом ухватился за крутящуюся то туда, то сюда баранку штурвала. Катер выровнялся и пошел прямо.

— Так держать!— Цепляясь левой рукой за надстройку, Сизов поднялся на ноги. Правая рука висела плетью. Он дотронулся до лежащего у пулемета боцмана — Остапчук был мертв.

— Давайте я вас перевяжу,— сказал Ленька.

Сизов здоровой рукой взялся за штурвал.

— Жгут наложить надо. Вот здесь, повыше локтя.—Ленька туго перетянул руку лейтенанта.— Спустись в машину и к радисту. Узнай, как с моторами и рацией.

В полутьме машинного отделения светилась лишь маленькая лампочка-переноска. Усков бинтовал голову Геворкяну, а тот кричал:

— Ты мне уши не заматывай, я и так ничего не слышу!...

— Боцмана убило, а командира в руку сильно ранило. Велел узнать про моторы,— сказал Ленька.

— Не повезло,— скривился от боли Геворкян.— Доложи командиру: пробоины заделали, один мотор заклинило напрочь, другой вот-вот тоже накроется. На ремонт уйдет часа три-четыре, не меньше. Самочувствие в порядке!

Геворкян попытался улыбнуться, но было видно, что самочувствие на самом деле не в таком уж «порядке». Оказаться в открытом море, вдали от своих, с разбитыми моторами — это означало быть обнаруженным противником и погибнуть в неравной борьбе.

— Одна надежда, если Костя с базой свяжется и нас подберут,— сказал Усков.— На буксире-то мы еще успеем, пока темно, доковылять.

В тесной радиорубке Костя, подсвечивая фонариком, копался в металлическом ящике рации.

— Видишь...— опередил он Ленькин вопрос.— Так тряхнуло, что все в кашу... Короче, передай командиру: передатчик не починить, приемник, может быть, исправлю.— Костя стал стягивать с себя фланельку.— Посмотри-ка, в спину меня царапнуло...

Ленька задрал бурую от крови тельняшку радиста, посветил на спину фонариком:

— Три осколка сидит...

Пока он перевязывал радиста, заглох мотор. Во внезапно наступившей тишине они услышали приглушенный голос Сизова:

— Воробьев! Где ты пропал?

— Неважнецкие итоги,— сказал лейтенант, выслушав донесение.—Убитых один, раненых трое, целы Усков да ты... Вот что: ты оставайся здесь, смотри и слушай. Я сам спущусь вниз...

Он вернулся минут через десять.

— Тихо, товарищ лейтенант, и никого не видно,— доложил Ленька.

— Ясно.—Лейтенант посмотрел на часы.— До рассвета осталось два с половиной часа. Если за это время мы не отремонтируем мотор, значит... Значит, мы не выполнили боевого задания. Днем авиация должна бомбить город. Ей нужны данные нашей разведки.— Он с досадой посмотрел на свою раненую руку.— А ведь на моем счету, Леня, два таких рейда, как этот. И ни одной царапины...

Сизов открыл планшет и при свете фонарика долго рассматривал карту. Теперь, наверное, только эта голубая, покрытая сеткой линий бумага могла подсказать выход. Наконец он погасил фонарик и, как совсем недавно на берегу, крепко взял Леньку за плечо.

— Мы сейчас примерно на траверзе * Каменного мыса. До берега не больше трех миль... Если послать Ускова, Геворкян один с моторами не справится...

Ленька понял, что хотел сказать командир.

— Я доплыву, товарищ лейтенант! Я же на море вырос... Вот, честное пионерское, доплыву!

— Ну, положим, так просто можешь и не доплыть, а в спасательном жилете — другое дело...— Сизов прижал Леньку к себе. Никто не мог знать, как трудно было ему принять такое решение. «Даже если Ленька и не успеет вовремя доставить донесение,— думал лейтенант,—то, может быть, останется жив... Нам-то отсюда вряд ли удастся уйти». Он отстранил мальчика.— Куртку и сапоги долой, жилет пусть помогут надеть мотористы. Иди!

В машинном отделении Усков с остервенением бил кувалдой. В темноте слышался хриплый голос Геворкяна:

— Немного правее бери... так! Стоп, давай дрель.

Мотористы сразу все поняли.

— Не подведи, Ленька,—сказал Усков, завязывая тесемки пробкового жилета у Леньки на спине.

— Воробей не подведет,— подтвердил Геворкян.— Мы с ним еще по Еревану не успели погулять, на озере Севан форели не ели...

Они крепко пожали Леньке руку и снова принялись за работу.

Ленька поднялся на палубу. Темнота по-прежнему плотно обступала катер, словно стараясь укрыть его от вражеского глаза. Задрав ствол в небо, прислушивался к плеску волн за бортом пулемет боцмана. Пожалуй, только сейчас Ленька мучительно остро почувствовал всю тяжесть этой потери. Он не смог сдержаться и всхлипнул.

— Ты чего?— встревоженно спросил Сизов.

— Это я батьку Матвея вспомнил, товарищ лейтенант...

— Подожди, Леонид...— Сизов сглотнул появившийся в горле комок.— Подожди. Скоро—теперь уже совсем скоро!—разобъем фашистов, кончится война, отвезу я тебя в Москву. Будешь с моими стариками жить. Квартира у нас большая, в самом центре — на Тверском бульваре. Учиться будешь...—Он замолчал, видно, встала перед его глазами далекая Москва, Тверской бульвар, памятник Пушкину...— Ладно!— решительно сказал лейтенант.— Времени у нас в обрез.

— Я готов, товарищ лейтенант.

— Слушай меня внимательно. У Каменного мыса — «ничейная земля». Немцев там, особенно ночью, быть не должно. Но ты все равно подплывай к берегу тихо. А как вылезешь из воды, осторожно поднимись наверх до шоссе. И во весь дух — вправо. Первому, кого встретишь из наших военных, скажешь, чтобы тебя немедленно проводили к командиру части. Командиру все расскажешь... Помнишь? У Красной балки—батарея скорострельных автоматических пушек, у рыбацкого поселка—тяжелые гаубицы...

Ленька слово в слово повторил данные разведки.

— Плыть будешь по компасу, прямо на норд-ост.— Сизов подал Леньке ручной компас со светящейся стрелкой, легонько подтолкнул к борту.— Так держать, матрос!

— Есть так держать!— тихо ответил Ленька.

*

Сержант в зеленом маскхалате, с автоматом на груди, поддерживая еле стоящего на ногах мальчишку, докладывал майору:

— Задержан нашим передовым охранением, товарищ майор. Полз в направлении расположения части. Говорит, с катера...

Сквозь разорванную в нескольких местах тельняшку на худеньком теле мальчишки виднелись ссадины и синяки. Еще более многочисленными ссадинами были покрыты его ноги.

— Я — юнга с катера «ТК-31».— Ленька постарался выпрямиться. — Нас подбили. Имею приказание доставить сведения о разведке в штаб...

* Траверз — направление, перпендикулярное движению судна.

— А в лесу ты как оказался?— спросил майор.

— Пробирался по шоссе, на немецкий патруль напоролся. Пришлось лесом...

— Он, товарищ майор, когда мы его подобрали, такой слабый был, идти не мог,— вставил сержант.

— Где разведданные?

— Я на память, товарищ майор,— облизал пересохшие губы Ленька.

Как только солнце поднялось над горами, широкими уступами спускавшимися к морю, с прифронтового аэродрома взлетели наши самолеты, они взяли курс на город, больше года ожидавший своих освободителей.

Вслед за атакой пикирующих бомбардировщиков на вражеские укрепления полетели снаряды нашей дальнобойной артиллерии. А когда наступила ночь, с суши и с моря к городу устремились советские воины.

Несколько суток шли упорные бои. И все это время, успевая только заправиться горючим и пополнить боезапас, на самых жарких участках действовали катерники капитана первого ранга Головина. Но не было с ними их товарищей с «ТК-31». Не успела прийти к ним помощь. На рассвете катер был обнаружен и потоплен фашистскими сторожевиками. До последнего патрона в пулеметной ленте отбивались моряки-гвардейцы и погибли как герои.

Еще дымились развалины в освобожденном городе. Ленька шагал по знакомым улицам. Ярко светило солнце, поблескивала на груди юного моряка медаль «За отвагу». Ему вчера торжественно вручил ее сам адмирал. Но радостное настроение, с каким Ленька вышел из порта, где стояли торпедные катера, постепенно сменялось каким-то щемящим чувством горечи и грусти: не узнавал Ленька многих улиц, не нашел своего дома и школы, где когда-то учился,— родной город лежал в руинах.

Вспомнились слова лейтенанта Сизова: «Кончится война, отвезу я тебя в Москву. Будешь с моими стариками жить...» Добрым человеком был командир, и в Москве, наверное, Леньке жилось бы очень хорошо. Но в тот день он твердо решил — нет ему жизни без флота.

❊

Каждый год 9 мая—в День Победы—в море выходят торпедные катера. На траверзе Каменного мыса в открытом море, где погибли героические моряки «ТК-31», катера глушат моторы. С борта их флагмана бережно опускается на воду большой венок живых цветов и раздается залп траурного салюта.

На командирском мостике флагмана в этот день всегда можно видеть высокого офицера с еле заметным шрамом на щеке и медалью «За отвагу» на синем кителе—капитана первого ранга Леонида Васильевича Воробьева.

Рыгор БОРОДУЛИН,

лауреат Государственной премии БССР и премии Ленинского комсомола Белоруссии.

ТРОПОЙ ПИОНЕРСКОГО ЛЕТА

До вечера солнце догоним!
День добрый,
Родимый простор!
У лета в широкой ладони —
Как жаркие угли — чабор.

И катятся гулкие громы,
Как поезд по рельсам стальным,
А молния—
ливень зеленый
Сжинает серпом золотым.
То поле,
То роща сквозная,
То бор вековечный
Стеной...
Тропинка ведет,
как связная,
В шалаш партизан потайной...
Глубокого мира отрада!
Военное эхо вдали...
Мы всем пионерским отрядом
Высокий костер разожгли,
Мы пьем из походной манерки,
А радуга
пьет из ведра.
У лета — костюм пионерский
И пламенный галстук
Костра!

* * *

Плывут плоты
по плавным плесам,
лопочут вербы над затоном;
семь волн срезает камень плоский,
который брошен плотогоном.
Клади на плот
стожок отавы,
ложись и слушай тишь округи...
Чу!..
В тишине река мотает
угрей,
как удочки,
упругих.
Простор земли моей зеленой
научит речи журавлиной...
Белеют стаи
туч залетных,
мечты стремятся
за стремнины.

Авторизованный перевод с белорусского Валентина ТАРАСА.

Черная собака с рыжим щенком

Виктор АЛЕКСЕЕВ

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

За окном на улице черная собака играет с рыжим щенком. Щенок совсем маленький, пузатый, похожий на колобок, еще не совсем твердо держится на ногах, но все же пытается поймать кончик хвоста матери. Когда это ему удалось, Павлик звонко рассмеялся.

Черная собака тоже видит Павлика в окне: ее зеленые глаза с красным огоньком внутри внимательно следят за мальчиком, уши нервно вздрагивают.

Потом Павлик увидел за окном парня в тяжелой, как железный блин, кепке, в кирзовых сапогах с желтыми отворотами. Пнув ногой собаку, парень злобно кричит на нее. Собака, оскалившись и поджав хвост, убегает, но не быстро, а так, чтобы щенок поспевал за ней.

Павлик становится ногами на подоконник и, подтянувшись руками к форточке, кричит:

— Не бей ее, Фурыкин! Не ваша собака!

Потом он спрыгивает с подоконника и бежит к двери, дергает ручку и тут вспоминает, что дверь заперта снаружи на большой замок. Павлик прикладывает ухо к щели и прислушивается. Он слышит, как шаркают подошвы о железную сетку перед крыльцом, как охают ступеньки и жалобно скрипят половицы. Когда шаги приблизились, Павлик приподнялся на носки и крикнул:

— Не бей собаку, Фурыкин!

— А, заключенный! Сидишь? Ну, сиди, сиди, — доносится до Павлика голос Генки Фурыкина.

Павлик уже выздоровел. Доктор сказал, что завтра он может идти в школу. Но мама, уходя на работу, все же наказала Вовке, старшему брату, чтобы он запер Павлика на замок, потому что Павлик, заигравшись на улице, забывает, что ему говорят старшие и может снова простудиться. Правда, она разрешила Павлику погулять полчасика, когда Вовка придет из школы. Эти полчасика не дают Павлику покоя. Сейчас он ждет Вовку так, как ждет маму в воскресный день из города с покупками.

Вчера почти весь день он играл с собакой и ее щенком в коридоре. Но пришел Генка Фурыкин, заругался и выгнал черную на улицу. Щенка Павлик унес в свою комнату. А вечером собака выла под окнами, скреблась в дверь и не давала никому уснуть. Ее прогоняли, но она снова возвращалась и выла, и соседи потребовали, чтобы Павлик отдал щенка. Мама отнесла щенка собаке, и все успокоились.

Павлик никак не мог понять, почему собака не может жить у них в коридоре, где он постелил для нее тряпку.

Отойдя от двери, Павлик снова взобрался на подоконник и уныло уставился в окно, расплющив свой нос о холодное стекло. Медленно, лениво падают снежинки. А собаки со щенком не видно.

Дорога, которая бежит через нефтяной промысел, пустынна, но Павлик знает, что скоро красный автобус привезет Вовку из школы. На автобусе приедет и мама с далекого участка, где ставят новые вышки. А здесь все уже освоено. Качалки-насосы работают исправно, достают нефть с самых глубин земли.

Вот и автобус. Вовка бежит, размахивая портфелем. Павлик слезает с подоконника, надевает пальто, шапку, сует в карманы приготовленное для собак печенье и стоит у двери, прислушивается. Топот по деревянной лестнице, чиркает замок, и на пороге — Вовка.

— Вот и хорошо, что ты пришел, — радостно говорит Павлик, — я тебя очень ждал. Знаешь, Фурыкин опять бил собаку.

— Ну его, — говорит Вовка, раздеваясь, — садист он, твой Фурыкин.

— Он не мой, — обижается Павлик.

— Знаешь, что про него говорят? — Вовка лезет вилкой в сковороду, поддевает котлету и ест ее холодную, жадно и быстро. — Фурыкин охотится на собак.

— А мы давай победим его, — предлагает Павлик, — будку черной собаке построим.

— Некогда мне сейчас, — отвечает Вовка, — контролка завтра. Иди погуляй. Но чтобы недолго. Крикну, сразу же домой.

— Вовочка, давай построим, а? — настаивает Павлик. — Что тебе стоит?

— Некогда, говорят тебе. Контролка завтра!

— А когда? — настаивает Павлик.

— Когда, когда! Досок нет.

— Я поищу.

— Иди ищи. Найдешь, завтра после школы начнем.

Земля на улице черно-белая. Снежинки падают и тают. Местами они скапливаются в белые пятна, похожие на клочья разодранной овечьей шкуры.

Павлик не теряет времени даром. Он обходит все четыре дома, похожие на длинные бараки, заглядывает во все сараи: ищет собаку и щенка. По дороге он подбирает доски и складывает у своего крыльца.

И вдруг он увидел черную собаку. Она выбралась из оврага и направилась на старый промысел. Павлик побежал через дорогу, крича:

— Эй, Чернуха! На-на!

Вытащил из кармана печенье и показал ей, но собака, даже не глянув в его сторону, скрылась за вышками. Спускаться в овраг Павлик не решался: мама категорически запретила ему переходить дорогу. Но мысль о том, что Фуры-

кин с ружьем ушел на промысел, толкнула его вперед.

Павлик пересек глубокий овраг, за которым начинался промысел, и оказался в мире стучащих и поскрипывающих нефтяных вышек. «У-у», — гудят моторы, вращающие огромные шкивы. «Чаак, чаак, чак», — твердят качалки-насосы, и дрожат фермы железных, уходящих в небо, вышек. Тропинка, по которой он спешит, прерывается огромной лужей, в ней плавают коричневые пятна нефти.

— Чернуха, Чернуха, — зовет Павлик и, обогнув лужу, спешит за ней. Вышки, одна за другой, встают на его пути и мешают вернуться на тропинку. След Павлика петляет, огибая вышки.

Падают на землю снежинки, их становится все больше и больше. Они назойливо лезут в лицо и за воротник пальто, тают и жгучими струйками холодят тело. Сквозь лес вышек видны слабые неровные очертания домов.

Впереди труба, в ней что-то шевелится и булькает. Павлик на корточках протискивается под ней, слышит, как шуршит на спине пальто и что-то сыплется сверху. И тут его глаза встречаются с собачьими глазами, желтыми с красным огоньком внутри. От неожиданности Павлик зажмуривается. Собака прижалась к кирпичам, что поддерживают трубу, и жалобно помахивает хвостом. В кармане у Павлика раскрошенное печенье, он вытаскивает его и сыплет на снег. Собака слизывает крошки вместе со снегом, под языком остаются прогалины.

Откуда-то сбоку по лицу Павлика хлестануло чем-то жестким, вокруг закружила белая пыль. Пушистые снежинки вдруг превратились в колючки, которые с шумом сыпались с неба. Павлик огляделся: вокруг белая мгла, и нет уже ни домов, ни вышек, только ветер гудит в железных трубах, стучат моторы, и откуда-то изнутри качалок доносится пугающий мальчика звук: ух-ох!

Павлик прижался к трубе и закрылся от ветра ладошками. Когда он открыл лицо, увидел собаку и рядом с ней щенка.

— Бедный, — сказал Павлик, — ты совсем несчастный, давай я тебя согрею.

Расстегнул пальто и сунул щенка за пазуху. Вначале щенок беспокойно ворочался, а потом, уткнув свой холодный нос Павлику под мышку, успокоился. Теперь уже Павлику было совсем не страшно. Чтобы ветер не дул в лицо, он присел возле трубы. Чернуха села рядом с мальчиком и все пыталась сунуть свой нос под пальто. Павлику стало тепло, его веки медленно наливались дремотной тяжестью.

«Нет здесь никакого Фурыкина, — думал Павлик. — Кончится снег, и мы пойдем домой. А завтра сделаем будку...»

Как только застучали по окну крупинки снега, Вовка забеспокоился. Отложил в сторону задачник и, одевшись, выбежал на улицу. Он обошел все дома, но никто не видел Павлика. У крыльца лежали две доски. Наступив на них, Вовка вдруг вспомнил о своем разговоре с Павликом.

«Не пошел ли он искать собаку? Ну и задам я ему», — рассердился Вовка и кинулся к оврагу. Ветер крепчал, и крупинки снега больно били по лицу. В овраге снег лежал ровно, и только там, где недавно прошел Павлик, тянулся темный, еще не совсем запорошенный след. Вовка побежал через овраг к промыслу и здесь, среди черных гудящих вышек, запутался.

— Павлик! Павлик! — то и дело кричал он. Но в ответ слышал, как стонут и охают от ветра железные фермы вышек.

Вовка понял, что одному ему Павлика не найти. Мама не раз предупреждала: на промысле легче заблудиться, чем в лесу, все вышки одинаковы.

Вовка побежал домой. В панике он бегал по коридору, колотил в закрытые двери. В доме оказался только один Фурыкин.

— Чего колотишь? — спросил Генка, высунув из-за двери голову.

— Гена, — сказал Вовка, чуть не плача, — Павлик заблудился на промысле. Пойдем поищем. Ты все здесь знаешь.

В этом году Генка не пошел в школу. Он на второй год остался в восьмом классе, и мать устроила его работать помощником смазчика. Теперь он считал себя взрослым, и на ребят смотрел свысока.

— Ты что, с ума сошел! Такая пурга!

— Геночка, — взмолился Вовка, — там Павлик, он замерзнет. Он за собакой пошел и, наверное, заблудился.

— Ага, теперь Геночка. А кто вчера кричал «живодер»? Кто?

Все знали, что Фурыкин ненавидит собак, но никто не догадывался, что он с детства панически боится их. И чтобы как-то избавиться от этого противного ощущения, Генка при виде собаки хватается за все, что ни попадет под руку — камень, палку, — и гонит собаку подальше от себя.

Вовка, сделав над собой усилие, чтобы не расплакаться, шагнул к двери.

— Подожди, — сказал Фурыкин и поднялся с дивана. — Клянись, что черную собаку не будешь пускать в дом.

— Клянусь. Не пущу собаку в дом, — покорно повторил Вовка. — Пойдем быстрее!

За какой-то час снегу навалило много, ноги утопали в нем. Давно уже не было такого снегопада на нефтяных промыслах Апшерона. Но земля, нагретая южным солнцем, хранила в себе это тепло, и поэтому снег таял под ногами.

Только ветер с моря пронизывал до костей и холодил грудь. Вовка без конца кричал — звал Павлика, но ветер сразу подхватывал этот крик и уносил, и казалось, что Вовка беззвучно раскрывает рот. Они бродили среди вышек, как грибники в лесу, приглядываясь к каждому засыпанному снегом бугорку, и уже порядком устали. Фурыкин присел на корточки возле бетонированного основания и заставил присесть и Вовку, чтобы хоть немного отдохнуть.

— И чего это я тебя послушался, — сказал он, — сидел бы сейчас в тепле... — А тебе за Павлика ох как попадет.

Вовке захотелось плакать, он прикусил губу и молчал.

— Твой брательник, наверное, где-нибудь чай пьет, а мы носимся, — продолжал Фурыкин.

— Я сам видел следы его галош, — возразил Вовка, — он где-то здесь. Куда-нибудь сунулся и сидит.

— И все из-за собаки, — зло отметил Фурыкин. — Ладно, ваша была бы. А то приблудная.

Генка вспомнил, как оскалилась собака, когда он пихнул ее ногой, и по телу его пробежали мурашки. В такие минуты Генка ненавидел себя и свой страх и боялся, чтобы кто-нибудь не заметил этого.

— Вот, если бы у нас была милицейская овчарка, — мы бы твоего Павлика сразу нашли. Этих собак я уважаю. Без толку не брешут, умные...

— Постой, — перебил его Вовка. — Слышишь, собака воет?

Они встали. Ветер наваливался на вышки и, разрываемый ими в клочья, заунывно гудел. Среди этого стонущего и звенящего хаоса пробивался вой и беспорядочный лай собаки.

— Пошли, — скомандовал Вовка.

Фурыкину неохота было слоняться по промыслу. Промысел Генка знал хорошо, но сегодня он казался ему незнакомым, чужим.

— Ну и что, что собака? — сказал он. — Мы сюда не за собакой пришли. Зачем она нам. Только терять время!

— А кто прогнал собаку, кто ее ногой бил? Все из-за тебя, думаешь, не знаю? — крикнул Вовка, забыв, что твердо решил не злить Фурыкина.

— Сейчас как двину, будешь знать! — рассердился Генка.

Вовка пошел на лай собаки, Генка невольно поплелся за ним. Вдруг он сделал прыжок и схватил Вовку за воротник пальто.

— Куда лезешь, — крикнул он, — смотри, нефть!

У самых Вовкиных ног была огромная припорошенная снегом темная лужа.

— Пойдем в обход!

Лай собаки приблизился, потом совсем пропал. Ребята стояли, переминаясь с ноги на ногу, облепленные мокрым снегом, как снежные бабы.

И вдруг прямо на Фурыкина выскочила черная собака. Она с лаем прыгала вокруг него, хватала за подол пальто.

— Убери собаку! — испуганно закричал Фурыкин. Чернуха куда-то исчезала в белой снежной завесе и снова появлялась, возвещая свое приближение громким лаем. Вовка сразу все понял и побежал за ней.

У трубы, прислонившись к кирпичной стойке, сидел Павлик. Собака лизнула его в лицо, но мальчик, тяжело приоткрыв глаза, снова закрыл их.

— Павлик, Павлуха, дорогой, — тормошил его Вовка, но тот безразлично смотрел на брата, пытаясь удобнее лечь на землю.

— Давай я его возьму, — сказал за спиной у Вовки Фурыкин. Большими руками, как клещами, он обхватил Павлика и понес быстро, легко. Недаром Генку в неполные шестнадцать лет взяли работать на промысел.

...Фурыкин положил Павлика на кровать и, тяжело дыша, стал расстегивать пальто на мальчике. И каково же было его удивление, когда он увидел щенка — маленький рыжий колобок, сонно зевающий. Он взял щенка и радостно засмеялся.

— Гляди, Вовк, пассажир бесплатный.

Вовка растирал хныкающего Павлика одеколоном, ему было не до щенка.

В неплотно прикрытую дверь просунулась голова, Чернуха вдохнула непривычный, насыщенный одеколоном воздух и, увидев щенка, кинулась к нему. Теплым шершавым языком, словно в благодарность, она лизнула Генкину руку, схватила щенка за загривок и понесла к двери.

— Вовка, — Генка, изумленно глядя на Чернуху, произнес: — А собака эта твоя того, умная вроде, что ли?

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Азат РАХМАНОВ

Перевел Р. Бухараев

**Стоит человек у классной доски.
Голову опустил, пальцы мелом испачканы. Урока не выучил...
А вот он гуляет одиноко и понимает, что очень плохо одному.
А вот радуется дождику...
Это происходит в туркменской школе
и в пустыне под жарким солнцем,
но заботы человека, его беды и радости
понятны и в Сибири, и на Волге, и в Москве.
Хорошо, когда люди понимают друг друга.
С поэтом Азатом Рахмановым мы впервые встретились
на 6-м Всесоюзном совещании молодых литераторов.
Я очень рад, что познакомился с этим простым,
веселым и умным человеком.
И я верю, что он всегда будет писать просто,
весело и интересно, доставляя многим ребятам
радость узнавать себя в его стихах!**

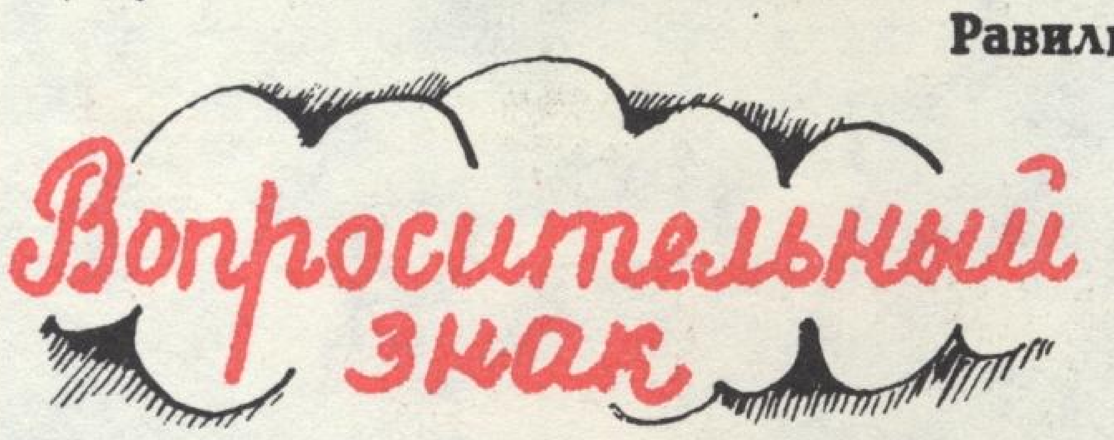
Равиль БУХАРАЕВ

После дождя

Везде
Блестящая вода.
Земля
Дождем умыта.
Сегодня фотография
Для нас, друзья,
Открыта!
Цветной
Водою дождевой
Полна
Большая яма.
Она фотографирует:
Внимание!
Стойте прямо!
Вот фотография горы
И черного коня.
Вот фотография домов
При ярком свете дня.
Вот фотография моя.
Ура, фотограф-лужа!
На снимке получился я
Других ребят не хуже.

Восклицательный знак

Напишу:
«Над площадью
Вьется красный флаг».
После восклицательный
Нарисую знак.
Всю заполнят
улицу
голоса ребят,
шарики воздушные
в небо
полетят!
Радуются взрослые!
Рада детвора!
И пишу я
РОДИНА!
МАМА!
и
УРА!
Эти предложения
я люблю
писать.
До чего же весело
Вос-кли-цать!



Вопросительный знак

Я стою, повесив нос.
География. Вопрос:
— Так куда
впадает Волга?
Почему молчим
так долго?
Где находится
Дунай?
Чем богат
Приморский край?
От стыда вспотел я даже.
Знак вопроса не подскажет.
Недовольный сам собой,
отправляюсь я домой.
Вопросительные знаки
по пятам за мной бегут.
Вопросительные знаки
мне покоя не дадут.
Вопрошают
очень грозно:
— Почему
явился поздно?
Маме почему
соврал?
А рубашку
где порвал?
Снова сам себе не рад.
Перед всеми виноват.
Ночью знаки мне опять
не дают спокойно спать.
На полу сидят рядком,
как собаки — хвост крючком
— Ты поужинал?
Умылся?
Перед мамой извинился?
Выпил на ночь молока?
Где течет
Дунай-река?
Вопросительные знаки
нас повсюду стерегут.
Вопросительные знаки
мне покоя не дадут.
Стали,
к моему стыду,
приучать меня
к труду.

Сам с собою

Я гуляю
Сам с собой.
Рассуждаю
Сам с собой.
В школе
Сам с собой
Сидел.
Сам себе
Я песню пел.
Скучно
Самому с собой.
...Поиграть бы
Нам с тобой!

Гроза

Гром грохочет
в вышине,
как обвалы скал.
Вот на огненном коне
ливень поскакал.
Саблей молнии
взмахнув,
он во весь опор
скачет, скачет
во весь дух,
не жалея шпор!
В черных тучах
гром гремит.
Разметав огонь,
скалит зубы и храпит
красногривый конь!
Поднимаясь на дыбы,
трензеля грызя,
медью грозовой трубы
конь заржал: «Нельзя
мне в узде! Не для езды
красный жеребец!
Далеко ли до беды,
сброшу наконец!»
Всадник промолчал лихой,
глазом не моргнул.
Только мокрою рукой
повод натянул.
Песню затянул седок,
ливень грозовой.
Конь от злости весь
промок.
Никнет головой.
Вспыхнув огненным
цветком,
конь совсем погас.
Ну, а дождь пришел
пешком
к полю в добрый час.

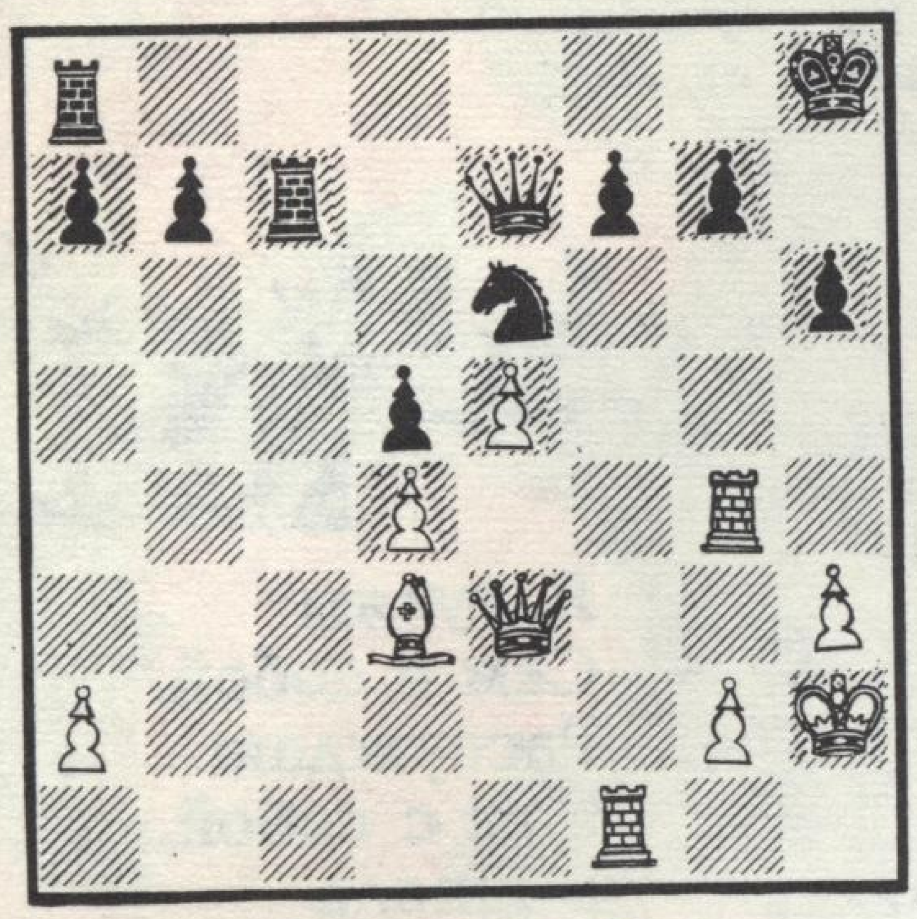


Диаграмма № 1

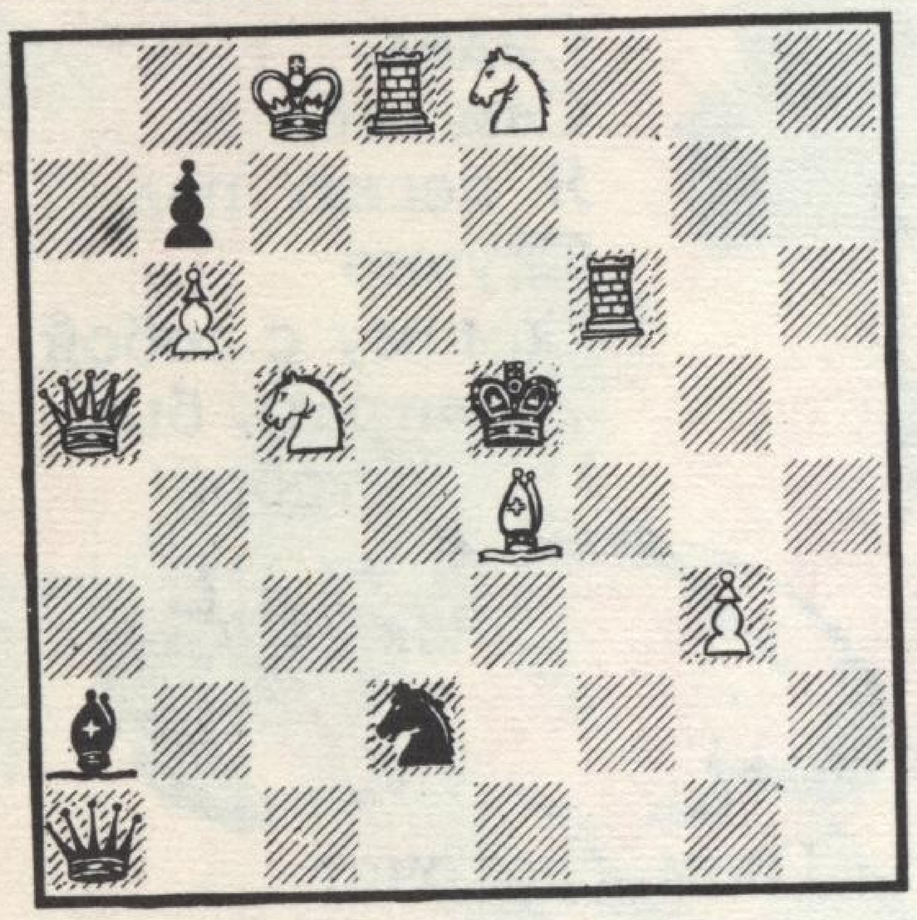


Диаграмма № 2

Пешкин не только не пропускает ни одного соревнования «Белой ладьи», побывал он и на юношеском первенстве страны, которое недавно проходило в Риге: ведь там сражалось немало его друзей. И, надо сказать, они порадовали Пешкина и даже приятно удивили.

Обычно в соревнованиях побеждают мастера. А в Риге впереди всех оказался кандидат в мастера бакинский школьник **Гарик Каспаров.** С отличным результатом — $8^1/_2$ очков из девяти возможных — Гарик стал чемпионом СССР среди юношей.

«Я подготовил специально к турниру ряд новых систем и вариантов, которые раньше не играл. Для некоторых моих партнеров они оказались неожиданными»,— рассказал Пешкину Гарик.

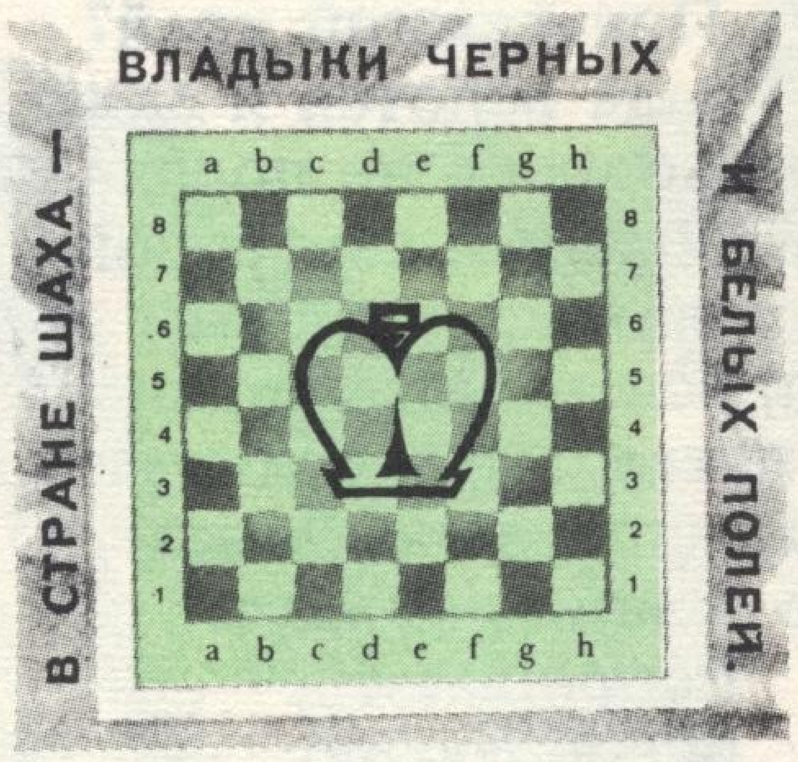
И в первенстве СССР среди девушек мастерам пришлось потесниться: победу одержала воспитанница московского интерната № 9 **Тамара Миногина.**

Атакует Гарик Каспаров

В смелом, боевом стиле играл бакинский школьник. Вот финал одной из его партий.

(Диаграмма № 1)

Белыми играл **Гарик Каспаров,** черными — **Женя Пигусов** (Кемерово).



Партия продолжалась так: 30. Лf1—f6! Кe6—g5 (грозило 31. Ф : h6+, а если 30... Фf8, то очень сильно 31. Лh4) 31. Лg4 : g5! h6 : g5 (найдите, как играли бы белые в ответ на 31... gf) 32. Фe3 : g5 Крh8—g8 (не удается и эта попытка эвакуировать короля из опасной зоны) 33. Фg5—h4! Фe7—a3 34. Лf6—f3 g7—g6 (надежной защиты у черных уже нет) 35. Сd3 : g6 Фa3 : f3 36. Фh4—h7+ Крg8—f8 37. g2 : f3. Черные сдались.

Конкурс дружбы

Пешкин объявляет этот конкурс не только для читателей журнала «Пионер», но и для юных любителей шахмат из других стран.

Ребята, правильно решившие три задания «Конкурса дружбы», будут награждены «Грамотами ферзя и ладьи». А тем ребятам, которые участвуют в нашем традиционном заочном соревновании

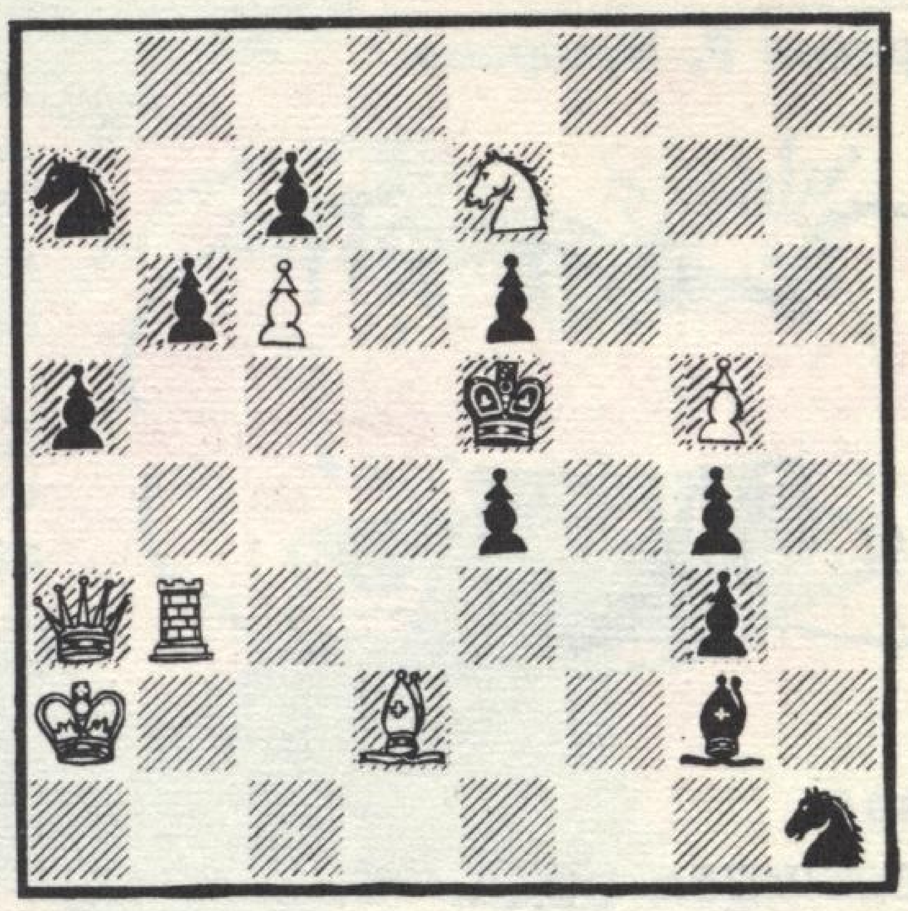


Диаграмма № 3

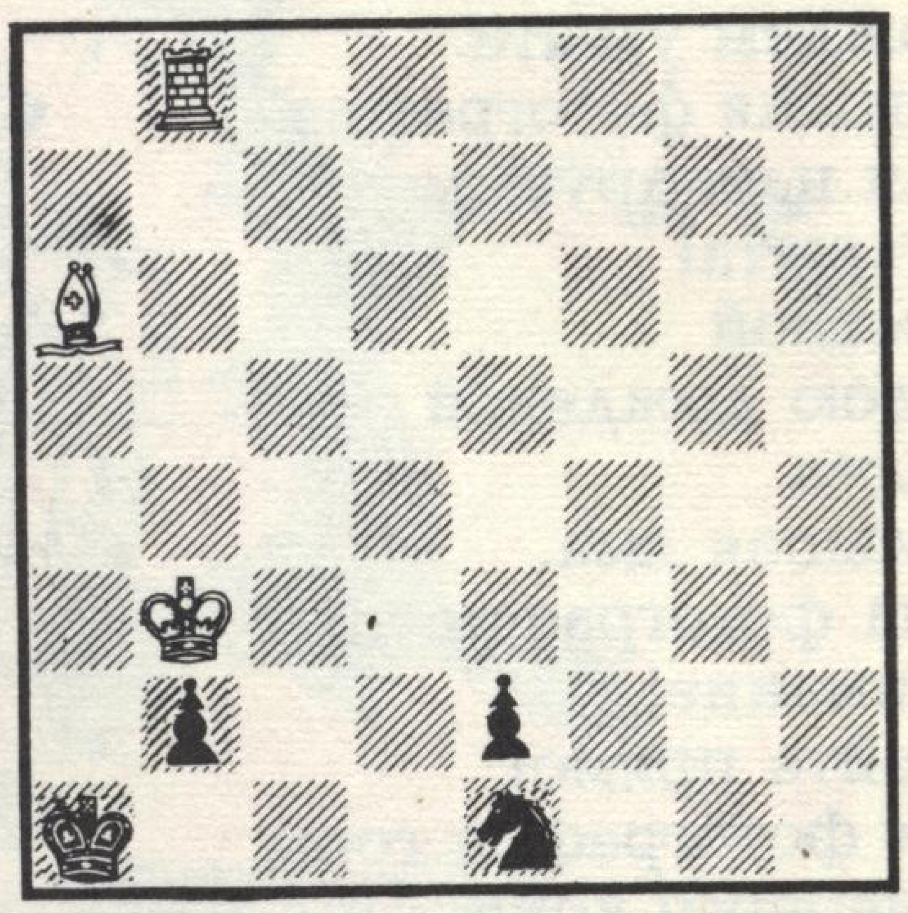


Диаграмма № 4

на получение спортивных разрядов, будут зачтены и результаты их выступлений в «Конкурсе дружбы».

Итак, за дело!

(Диаграмма № 2)

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода. Не торопитесь с выводами, в задаче много ложных следов.

(Диаграмма № 3)

А в этой позиции белые, начиная игру, дают мат в три хода. И здесь есть много заманчивых продолжений, но к цели ведет только одно!

(Диаграмма № 4)

Последнее задание конкурса — этюд. Найдите, как белые при своем ходе добиваются ничьей. Казалось бы, это очень просто сделать, играя I. Крb3—c3, но тогда черные ответят I...КeI—d3! и далеко прорвавшиеся пешки решат исход сражения.

Желаем успеха и ждем ваших писем. Решения присылайте не позднее, чем через месяц после получения журнала.

Ответы

Задачи из журнала № 3 решаются так:

Задача А. Алехина: I. Фf4—f5!

Задача В. Шинкмана: I. Фa6—e2!

Ребятам обе эти задачи очень понравились своими красивыми комбинациями.

КИНО... КИНО... КИНО!...

Из ваших писем, ребята, мы знаем: вы хотите встретиться с заслуженным артистом РСФСР Андреем Мироновым и задать много вопросов. Одна девочка даже так написала: «Когда я вижу Миронова на экране, мне хочется его проглотить, даже не разжевав».

Мы звоним Андрею Миронову раз, два, пять, узнаем: завтра он приедет из Ленинграда, но весь день будет работать на телестудии, вечером у него спектакль, послезавтра репетиция, еще через день он уезжает в Новосибирск на концерты, а в это время на Мосфильме ждут его возвращения, чтобы продолжать съемки. И это его обычные рабочие дни. Да, не так-то просто с ним встретиться. По нашей просьбе это сделала **журналистка Любовь Кереселидзе.**

Корреспондент. Чаще всего вас спрашивают: «Как вы стали актером и когда впервые вышли на сцену?»

Миронов. Это два совсем разных вопроса. На первый я мог бы ответить вполне серьезно и очень коротко: «Артистом я стал, когда закончил театральное училище при Театре имени Е. Вахтангова». На второй можно ответить шире и, пожалуй, менее серьезно. Конечно, как и многие, я рвался на сцену еще в школе. Помню, с помощью классного руководителя Надежды Георгиевны Панфиловой мы, ученики восьмого класса, поставили пьесу А. Островского «Без вины виноватые». Я играл Шмагу. Правда, успехом я пользовался только у мальчика, который играл Незнамова. Он почему-то очень смеялся, глядя на меня, хотя я старался играть серьезно. Он заливался от смеха и с трудом доигрывал те сцены, где мы с ним вели диалог.

Корреспондент. Хочу сразу сказать вам, ребята, что родители Андрея — очень известные артисты Мария Миронова и Александр Менакер.

Миронов. Может быть, именно потому, что я рос в семье артистов, у меня с детства не было никаких иллюзий относительно того, что быть актером — дело простое. Я отлично знал: чтобы произнести простейшую реплику: «Зачем ты меня привел на этот концерт?» — ее надо прорепетировать раз сто, только тогда она зазвучит. И все-таки меня тянуло играть, и, конечно, было искушение сниматься в кино.

Корреспондент. Тогда ответьте вот на это письмо Толи Федорова из Оренбурга. Он спрашивает: когда вы начали сниматься в кино?

Миронов. Лучше я честно скажу, когда мне первый раз не удалось сняться в кино. Мне было тогда 12 лет. В дачном поселке Пестово, где я отдыхал, снимался фильм «Садко». Я так долго кружил около съемочной группы, так жалобно и заискивающе смотрел на ассистента режиссера, что, наконец, получил право сняться в «древнерусской толпе». Мне выдали костюм боярского сына и посоветовали держаться в задних рядах. Однако с каждым дублем я упорно продвигался к кинокамере. Когда снимался последний дубль, я уже был перед самым объективом. И тут раздался отчаянный крик режиссера: «Он все испортил! Уберите этого хулигана из кадра. Молния!» Вся съемочная группа бросилась на меня, не очень понимая, какая молния. Оказывается, я забыл застегнуть пуговицы на боярском кафтане, и молния на моей тенниске вышла крупным планом.

Корреспондент. Вот письмо Наташи Тихоновой из Саратова: «Какая из ролей, сыгранных в кино, вам больше всего нравится самому?»

Миронов. Пожалуй, роль Маркиза в фильме «Достояние республики». Характер очень сложный. Романтичный, веселый и грустный...

Корреспондент. А вообще какие роли вы больше всего любите: серьезные или смешные? Этот вопрос вам задают Оля Завадская и Светлана Сафронова из г. Жуковского.

Миронов. И те и другие. Главное, чтобы у героя был самобытный характер, тогда интересно работать.

Корреспондент. Должна напомнить ребятам, которые, как мне кажется, больше знают Миронова по фильмам, что он один из ведущих артистов Московского театра сатиры. Он играет Хлестакова в «Ревизоре», Фигаро в «Женитьбе Фигаро», Чацкого в «Горе от ума» и много других ролей. Вот еще такой вопрос: во многих фильмах с вашим участием есть сложные кинотрюки. И Сергей Варенцов из г. Находки интересуется: сами ли вы их выполняете?

Миронов. В основном сам. Для этого пришлось научиться ездить верхом, водить автомобиль, хорошо плавать и даже прыгать с шестого этажа, что в жизни приходится делать не так уж часто. Но в фильме «Невероятные приключения итальянцев в России» так было нужно. Я очень гордился, что сумел прыгнуть без дублера. Жаль только, что оператор не снял мое лицо во время падения крупным планом.

Корреспондент. Многие ребята спрашивают о вашей последней работе в кино...

Миронов. Точнее, это работа для телеэкрана. Роль Остапа Бендера в многосерийном фильме «Двенадцать стульев». Очень серьезная и трудная работа.

Корреспондент. Но были и веселые моменты во время съемок?

Миронов. Конечно, ничто не обходится без курьезов. Так, например, нам в студии телевидения надо было создать улицу старого городка, по которой гуляют гуси, куры, свиньи. Привезли животных на съемочную площадку, пустили погулять, а я должен был среди них танцевать и петь. И попался какой-то странный петух. Ему сразу не понравился мой Остап Бендер и еще больше слова его песенки. Как только я начал петь «Странствуя по свету, словно птица...», петух подскочил ко мне и больно клюнул в ногу. Остановили съемку, оттащили петуха, я снова запел, но на словах «...словно птица» петух снова бросился меня клевать. Все участники съемки покатывались со смеху, не до смеха было только мне и, кажется, петуху...

Корреспондент. И еще последний вопрос. Андрей, многие спрашивают, какой вы в жизни — веселый или грустный?

Миронов. Трудно сказать. Бываю и грустным, бываю и веселым, с ребятами люблю поговорить. Охотно встречусь с ними еще раз.

Йит-Кулак — Собачье ухо

Восемьдесят лет назад, теплым июньским вечером на Алтае, в жилище, собранном из корья лиственницы, родился мальчик.

На земляном полу посреди аила горел костер, над костром на треноге стоял медный, черный от копоти котел, в котле варился чай с солью, с ячменной мукой.

Дети, рожденные в этом аиле, умирали рано. От зимнего холода, от весеннего голода. Но отец и мать верили, будто детей уносит злой дух. И вот, чтобы обмануть злого духа, отец проколол мальчику мочку уха, сунул в прокол клок собачьей шерсти и положил новорожденного на земляной пол, к собаке. Пусть злой дух подумает, что родился щенок. И назвали мальчика щенячьим именем: Йит-Кулак — Собачье ухо.

Много лет носил мальчик собачью шерсть в мочке уха, не стриг волос, и, как у всех алтайских мужчин, живших в те далекие времена, выросла у него коса. Не стриг он и ногтей — боялся: кому попадет волос или ноготь, тот станет хозяином его души. Умываться тоже не полагалось: «Вместе с грязью счастье уйдет».

Когда Йит-Кулак подрос, отдали его в работники к попу Василию.

Не было до революции у алтайцев своей грамоты, не было на Алтае школ для алтайских детей, была только русская школа при церкви. Учителем в этой приходской школе был отец Василий. Йит-Кулаку хотелось учиться, но в школу не принимали «язычников», то есть тех, кто не верил в Христа.

— Крестись,— уговаривал своего работника отец Василий.

Долго не решался Йит-Кулак обидеть своих алтайских богов, боялся обстричь косу. Но желание учиться было сильнее страха.

Поп Василий окрестил мальчика и дал ему христианское имя Павел. Отчество записал Васильевич. Но семейное прозвище Кучияк (Воробышек) так и осталось, записали прозвище как фамилию. Так Йит-Кулак — Собачье ухо стал Павлом Васильевичем Кучияком.

Но хотя и насильно, но крещенный, обученный читать по-церковнославянски, Павел Васильевич Кучияк остался верным сыном своего народа. Внук знаменитого на Алтае сказителя Шонкора-Сокола и сказительницы бабушки Бргаа, он стал одним из первых собирателей устного творчества народов Алтая.

После революции Павел Васильевич, драматург, поэт, писатель, был принят в Союз писателей. Но всю страсть

своей души он отдал все-таки сказкам, сказаниям. Он сам исполнял героические сказания, умел петь их на особый лад — каем, когда голос певца раздваивается, звучит, как орган, и одновременно жужжит, как шмель в полете.

Знаменитые алтайские певцы — кайчи высоко ценили мастерство Кучияка.

Мне посчастливилось принять участие в этой его работе. Записанные нами и пересказанные по-русски алтайские сказки были впервые опубликованы в 1937 году. Теперь, сорок лет спустя, когда Павла Васильевича уже давно нет среди нас, я хочу предложить вашему вниманию, дорогие друзья, записанную нами сказку, которая не была опубликована: «Как Содатас медведя поблагодарил».

Сюжет этой сказки «бродит» по всему свету. Рассказчики разных народов считают ее своей. Прочитав алтайский вариант, подумайте: почему сказки называются **устным** народным творчеством и в чем их отличие от произведений литературы, от сказок, сочиненных писателями?

Анна ГАРФ

КАК СОДАТАС МЕДВЕДЯ ПОБЛАГОДАРИЛ

Жил когда-то на Алтае добрый человек, звали его Содатас. Вот задумал он посеять ячмень. Выжег в лесу делянку и только было начал пни корчевать, как вдруг вышел из леса бурый медведь:

— Ты здесь что в моем лесу делаешь, Содатас?

— Пни корчую.

— А меня почему на помощь не позвал?

У Содатаса душа в живот ушла, сердце, будто рыба, выброшенная на берег, трепещет. Пот со лба по щекам бежит, язык от страха высох.

—Простите меня, уважаемый дядя медведь, —чуть шевеля губами, сказал Содатас.—Пни корчевать—работа тяжелая, а вы уже в годах. Не посмел я обеспокоить вас.

— Да,— вздохнул медведь,— я уже не молод. Но погляди, как я еще прыток!

И взялся работать: толкнет передней лапой — пень через три горы летит, пихнет задней — пень через пять гор летит.

Хотел Содатас выкорчевать поле величиной с две кошмы, а медведь выкорчевал с версту. Пришлось посеять не только тот ячмень, что был в торбе, но и тот притащить, что дома оставался.

Вот выколосился ячмень, метелки потяжелели, зерном налились.

Настала пора косить. Вышел Содатас на свое поле с косой, раза два взмахнул. а бурый медведь тут как тут:

— Ты что делаешь, Содатас?

— Ячмень кошу.

— Обо мне, однако, ты не подумал, не позвал. Давай косу.

У Содатаса коленка об коленку стукнулась, волосы под шапкой шевелятся. Что де-

лать? Дать косу медведю в лапы страшно. Отказать? Еще страшней.

— Вы, мой старший дядя, сами знаете, коса тупая не бывает. Это коса острая, вы себя нечаянно до крови полоснуть можете. Вот когда ячмень скошу, высушу, приходите молотить, зерно в мешки насыпать, солому в стога метать.

А медведь как рявкнет:

— Сено-солому сушить, в стога ставить? Сеноставка я тебе, что ли?! Давай косу!

И пошел косой махать, так размахался, что даже взмок.

Содатас думал за неделю управиться, а тут солнце еще за гору не зашло, земля еще не посинела, как поле уже все убрано было.

А медведь все никак не угомонится. Косу положил, пот травой обтер и опять требует:

— Ну, говори, какая еще будет работа?

— Когда ячмень высохнет, молотить будем, говорил я вам это, да вы рассердились.

А сам косу подобрал и, пятясь, спину показать опасаясь, осторожно выбрался из леса.

Пришло время, собрался Содатас молотить. А медведь, оказывается, с большой дубиной уже ждет. Как начал дубиной своей ворочать, так зерно золотым ручьем потекло.

Содатас ссыпал зерно в мешки, солому, как положено, стогом сложил.

— А теперь что?— пыхтит медведь.

— Надо бы нам урожай поделить. Вы мой старший дядя, вам первому выбирать положено.

— Ладно, если так положено, я согласен. Ты, значит, себе зерно бери, а я возьму солому. Притащу в берлогу, и будет мне всю зиму тепло на сухой соломе спать.

Притащил Содатас зерно к себе. Такого урожая он еще никогда не видел, столько хлеба никогда не запасал.

Хорошо стал жить. Каждый день суп-кочо с ячменем варит, утром и вечером чай с толканом — ячменной мукой — досыта пьет.

«Вот спасибо бурому медведю,— думает Содатас,— как-то сам он зимует? Соломой сыт не будешь, отощал, должно быть, надо бы его угостить, хорошей пищей накормить».

Заколол Содатас свою последнюю овцу, изжарил ее и понес в лес. Ноги вязли в снегу, спина от тяжелой ноши согнулась, живот озяб, но Содатас все шел да брел, пока наконец-то не пришел к медвежьей берлоге. Она была забита снегом, и только маленькая проталинка в снегу темнела. Оттуда шел пар — это крепко спящий медведь продышал ее.

— Эй, дядя,— крикнул Содатас,— проснитесь! Хорошая пища к вам сама пришла.

А медведь спит и не слышит.

Содатас сломил ветку, пощекотал медведя:

— Вставайте, моим угощением не побрезгуйте!

— Хрр... Не встану... Бррр... Как сладко на соломе спа-а-ть...

— Да вы только понюхайте, сон сразу убежит.

Медведь высунул морду из берлоги, сожрал баранину и рассвирепел.

— Если твоя овца такая жирная, каков же ты сам!

Выскочил из берлоги и погнался за Содатасом.

У Содатаса будто крылья на ногах вырос-

ли, быстрее птицы, едва касаясь снега пятками, бежал. Но чем скорее он улепетывал, тем все больше свирепел медведь. Вот он ухватил лапой подол Содатасовой шубы, другой лапой шапку с головы сбил, пасть разинул...

Но тут вдруг громко залаяла Содатасова собака.

— Чего кричишь?— рявкнул медведь.

А собака отвечает:

— Спасайтесь, дядя медведь, спасайтесь! Сын Каратыкаана хочет медвежью шубу себе сшить. Ему такой, как вы, матерый медведь нужен, он хочет шкуру с него содрать.

— Но сначала я Содатаса съем. Зачем он меня из берлоги выманил, беду эту накликал?

— Гав-гав,— снова залаяла собака.— С вашим Содатасом еще встретитесь, отомстить ему успеете, а сейчас свою жизнь поберегите. Охотники совсем близко, на лыжах бегут. Копья с бронзовыми наконечниками, послушайте, как звенят. Ложитесь скорее.

Медведь повалился на снег.

— Ой, Содатас, спаси меня, скажи охотникам, что я бревно.

А собака опять залаяла:

— Охотники спросят, почему Содатас не рубит такое толстое бревно.

— Ой, Содатас, возьми топор в руки! Ну, чего стоишь, оглох, что ли? Говорят тебе, коли, руби!

Выхватил Содатас топор из-за пояса, зарубил медведя и горько заплакал:

— Для чего я доброго дядю медведя не вовремя разбудил? Зачем бараниной насильно его накормил?

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Псевдоним паука

Лучше я под псевдонимом
Буду автором любимым,
Чем под именем своим
Буду всеми не любим!

Напевая эту песенку, паук отправился в редакцию «Веселая кочка» со своим новым стихотворением. В этом журнале ни один автор не подписывался своим именем, у всех были псевдонимы: у зайца — «Цапля», у медведя — «Лебедь», у сурка — «Коршун», у аиста — «Лиса», у енота — «Орел», у тритона — «Котик». Горилла, присылавшая свои песни из Африки, подписывалась «Фламинго». Если присмотреться, то можно заметить, что все авторы при выборе псевдонима придерживались одного и того же правила. Попробуйте разгадать это правило и придумайте псевдоним пауку.

Капитан Перо ищет помощника

Начните с рыбы

Карандаши перехватили записку Резинок, принесли мне и попросили расшифровать ее. В записке всего четыре строчки:

СОБОКРПЕРНЬЕ
НОСОСРИОКТА
АСБРЯНИАКСОРС
АСЕДУТРА

Я дал Карандашам такой совет:

Рыбу, птицу, фрукт, цветок
Надо выкинуть из строк,
И останется у вас
Расшифрованный приказ.

Попробуйте прочесть то, что написали Резинки.

Капитан Перо.

Маркошутки

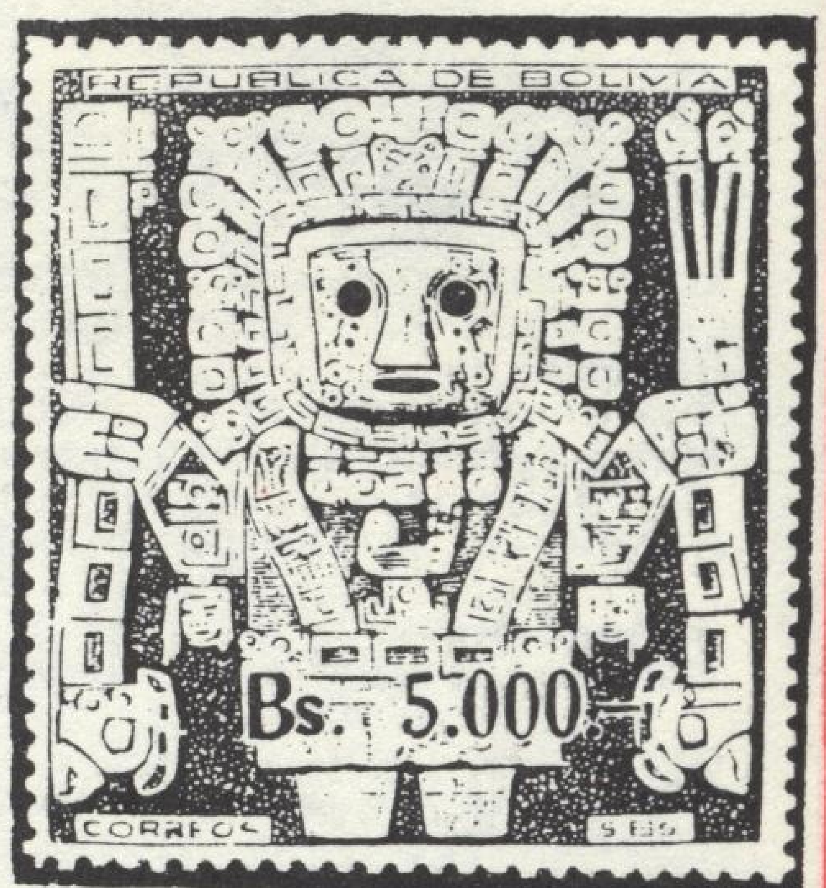
Ленивца снять — нелегкий труд.
Надеюсь, это все поймут!

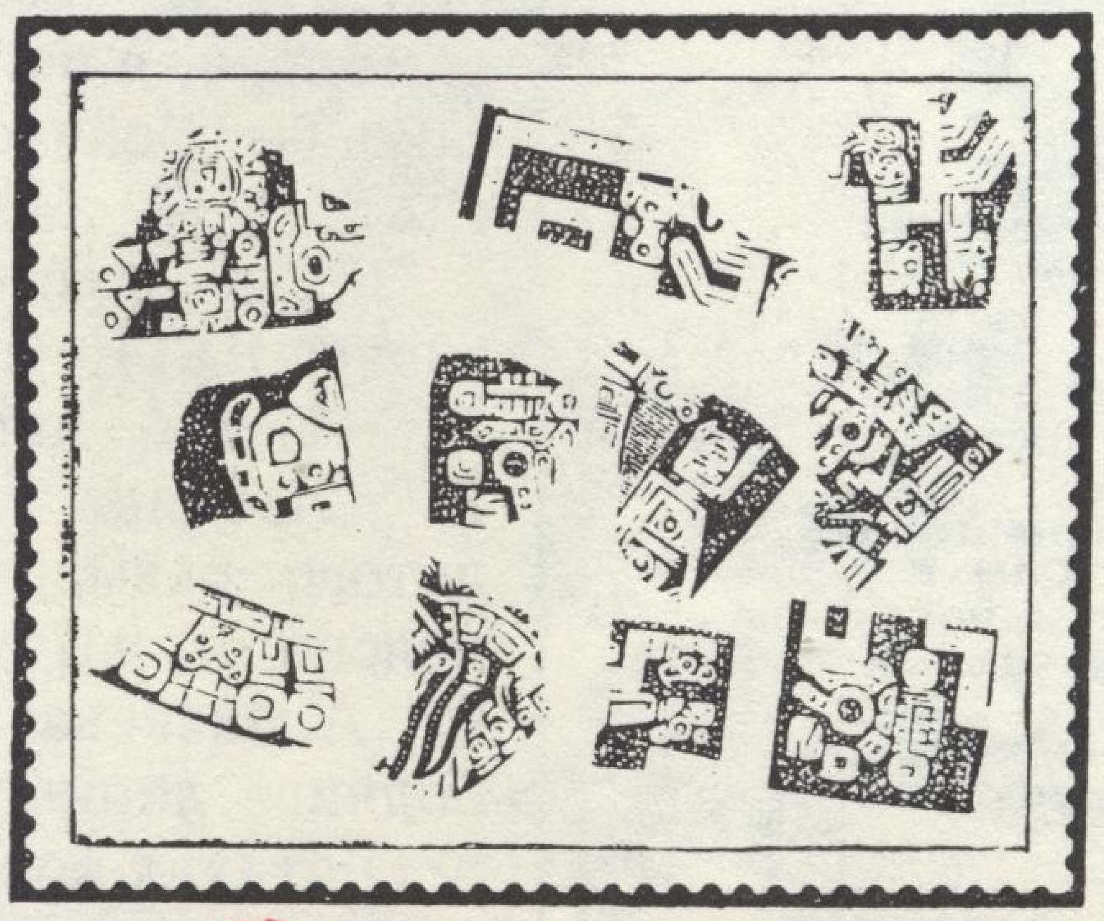
Кто откроет двери Солнца?

В одном из храмов древнего народа — инков были знаменитые Двери Солнца. Они изображены на большой боливийской марке слева. На марке справа — фрагменты из разных фресок. Сколько фрагментов взято с боливийской марки?

Если ты правильно ответишь, Двери Солнца сами распахнутся перед тобой!

Это очень интересно!
Сообщите ряд и место!

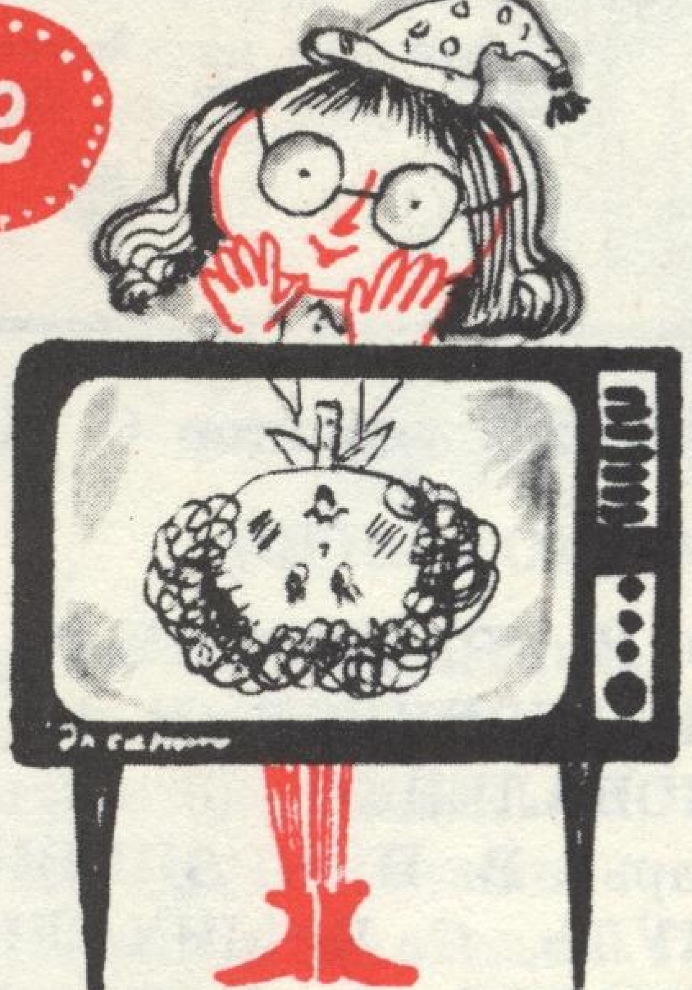




Смелое решение

Мой телевизор стал шалить.
В чем дело, трудно объяснить.
По первой и второй программе
Все на экране вверх ногами!
Что делать? Пригласить монтера?
Но ведь монтер придет не скоро!
Ломаю голову с утра
И вдруг додумался! Ура!
Чтоб зря не пропадали ножки,
На все надену по матрешке.
Нарядный и приятный вид!..
Пускай он так всегда стоит.

Живживка



Нарисуйте, что я сделал!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 4

Игры Деда Буквоеда.

Пословицу в кроссворд!

Звено, шов, веник, сын, кисель, спина.

За сколько минут?

Работу можно проделать за шесть минут: надо разрезать все три кольца на одной части цепи и этими кольцами соединить остальные четыре части.

Игры Лупы и Пинцета.

Подымите паруса!

Следует поменять местами подписи «Новая Гвинея» и «Скандинавские страны», «Полинезия» стоит на своем месте.

СОДЕРЖАНИЕ

Операция «Зернышко» продолжается 1
Школа умелых хозяев
Большой Хлеб и «Зернышко» — А. Деркач 2
Девятое Мая. — Стихи А. Кондратьева 4
Венька партизан. — Рассказ В. Тараса 4
Советский характер
Быть настоящим человеком! — Интервью с Б. Полевым. Записал М. Григорьев 10
Тропой Гайдара! — Песня. Музыка В. Ветрова. Слова Ю. Луцкевича 12
В березовой роще. — Стихи Т. Волынского 13
Неистовый Хамза. — Повесть Л. Вороньковой. Продолжение 14
Переменка 31, 73
Фамилия: КамАЗ. — С. Славский 32
Маршрутами десятой пятилетки
Шелковая радуга. — Очерк В. Арро 33
Пленники золотого ада. — Очерк А. Иванченко 36
«Кораблик» 40
Как мы с гаечкой гнездо построили. — М. Штейнбах 42
Операция «Подснежник» продолжается 42
Первое путешествие на «Электронике» — С. Сахарова 45
Полно чудес. — Стихи Н. Мережникова 51
Боевой листок 52
Возвращение. — Стихи А. Межирова 54
«Он стал поэтом той войны...» — И. Андреева 54
Два знамени. — О. Тихомиров 56
Малая пионерская энциклопедия 59
Юнга с катера «ТК-31». — Рассказ Г. Розенталя 60
Тропой пионерского лета. Плывут плоты... — Стихи Р. Бородулина 65
Черная собака с рыжим щенком. — Рассказ В. Алексеева 66
После дождя. Восклицательный знак. Вопросительный знак. Сам с собою. Гроза. — Стихи А. Рахманова 71
В стране шаха — владыки черных и белых полей 72
Как Содатас медведя поблагодарил. — Алтайская сказка. Записали А. Гарф и П. Кучияк 74
Ума палата 78
Анкета «Пионер-76». — Е. Володина 80

На обложке:
Каравай из «Зернышка».
Рисунок И. Урманче.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **А. М. ГРИШИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1977.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 23/II 1977 г. А 09234.
Подписано к печати 30/III 1977 г.
Формат $84 \times 60^1/_8$.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз.
Изд. № 958. Заказ № 390.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

АНКЕТА «ПИОНЕР-76»

Мнение ребят единодушно: на первом месте повесть В. Крапивина «Ковер-самолет».

За ней следуют фантастическая повесть Е. Велтистова «Миллион и один день каникул» и повесть В. Козлова «Ты еще вернешься, Тришка!».

«Я не понимала дружбы, — пишет новосибирская школьница Лена Рожкова. — Когда прочитала повесть «Ковер-самолет», я поняла, что такое дружба. Сейчас я нашла друга».

Понравились ребятам рассказы Ю. Коваля «Венька», Л. Потаповой «Санечка», Б. Ласкина «Рыба сорок пятого размера», С. Романовского «Подснежник» и С. Алексеева «Рассказы о подвиге ленинградцев».

О стихах больше пишут девочки, но и мальчики отмечают стихи В. Коржикова, Ю. Луцкевича, Р. Фархади, В. Берестова, А. Кондратьева.

Понравились сказки Джанни Родари и сказка Р. Грацциани «Трамвай клубничного цвета».

Ребята пишут:

им очень помогли материалы «Международного пионерского клуба «Товарищ» («Операция «Солидарность» С. Макеева и «У нас друзья на всей земле» И. Ивановой); «Международного пресс-центра «Пионера». Они рассказывают много интересного о событиях, происходящих в мире, и о том, как живут дети в других странах.

С волнением читали все очерк Ю. Варшавской «Я люблю жизнь и не боюсь смерти» о Луисе Корвалане. Отмечают читатели и памфлет М. Стуруа «Деньги... деньги... деньги...».

Лена Бабакова из г. Волгограда пишет: «В журнале есть рубрика «Малая пионерская энциклопедия». В нашем звене мы тоже стали делать такую страничку, она всем помогает больше узнать о пионерской организации». Об этом пишут многие.

На пионерских сборах ребята обсуждали такие материалы: письмо Т. Гайдара «Дело начинать с дела», «Раньше думай о Родине...» Ю. Поройкова, выступление пионерского отряда «Солярис» «Я и другие люди», статьи «Сколько стоит бесплатно?» И. Голубевой и «Бесплатно стоит миллионы» В. Стороженко.

А вот как помог «Пионер» москвичке Лене Титовой:

«Я раньше очень боялась идти к зубному, а как только прочитала рассказ «Тридцать два минус ни одного», так на следующий день смело пошла к врачу».

Помогают ребятам и материалы рубрики «Ученье — твой главный труд»: «Сила воли, обстоятельства и... телевизор» Л. Мининой, интервью с писателем В. Розовым «Друзья придут на помощь!», «Интервью о самом главном» С. Макеева.

«Журнал помог нам узнать о разных профессиях, — сообщает М. Асташкина из села Дружба. — Сейчас в классе мы делаем стенд «Куда пойти учиться?».

Читатели называют прежде всего очерки «Переведены в класс взрослых» С. Богатыревой и «Дружба, которой пять тысяч лет» Л. Яхнина.

Интересными считают ребята рассказы о науке: «Такой мы увидели Венеру» Л. Мухина, «Из пункта А в пункт Б...» С. Зигуненко, «Обживаем космический дом» В. Викторова, «Как рождаются вулканы» И. Вайнштейна, задачи раздела «Встречи с Тремя Неизвестными», «Соседи и знакомые» И. Можейко, «Полтавская битва» Я. Гордина.

Любят ребята читать рассказы о писателях и о художниках (такие, как «Пробуждавший стыд, вселявший надежду...» Ал. Осповата и «Дар художника» С. Сахаровой).

Фотография В. ПОСТНИКОВА.

«Рубрика «Книжная полка» помогла нам наладить в дружине работу клуба книголюбов «Зеленая лампа». Уже состоялось четыре заседания клуба», — пишет уфимская школьница Таня Щелчкова.

Внимательно следят ребята за рубрикой «Под охраной Красной книги» и «Красная тетрадка» («В Тигровой балке» Ю. Крутогорова, «Снежный барс» Н. Сладкова, «Зеленые классы» В. Близненковой, «Если прислушаться» М. Штейнбаха). Они сообщают, что организовали у себя зеленые патрули и помогают взрослым охранять природу от пожаров и браконьеров. По совету Н. Щербакова «В зимний лес — с кормушкой» многие ребята делали кормушки для птиц.

Ребята любят спорт, просят больше рассказывать о нем.

Валя Бодзяк из г. Холмска-на-Сахалине пишет: «Нам очень нравятся рассказы о героях спорта. Мы благодарим С. Иванова за то, что он рассказал нам о Лене Водорезовой, Людмиле Турищевой и Валерии Борзове».

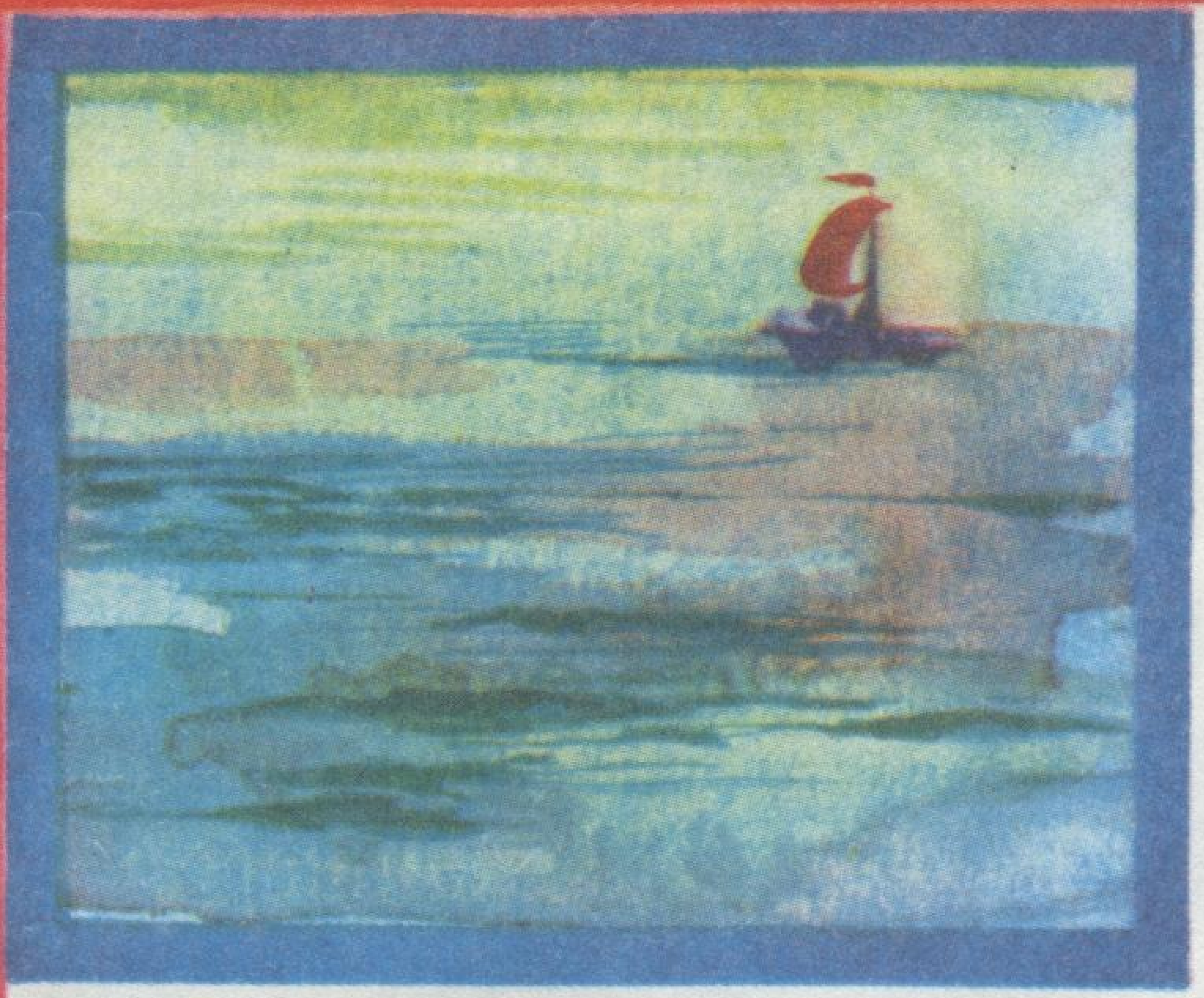
Как нужна отряду хорошая песня! И ребята сообщают, что разучивали песни, печатавшиеся в журнале. Особенно полюбились им песни лауреата премии Ленинского комсомола Юрия Чичкова: «Берем с коммунистов пример!», «Старты надежд» и «Песня про жирафа».

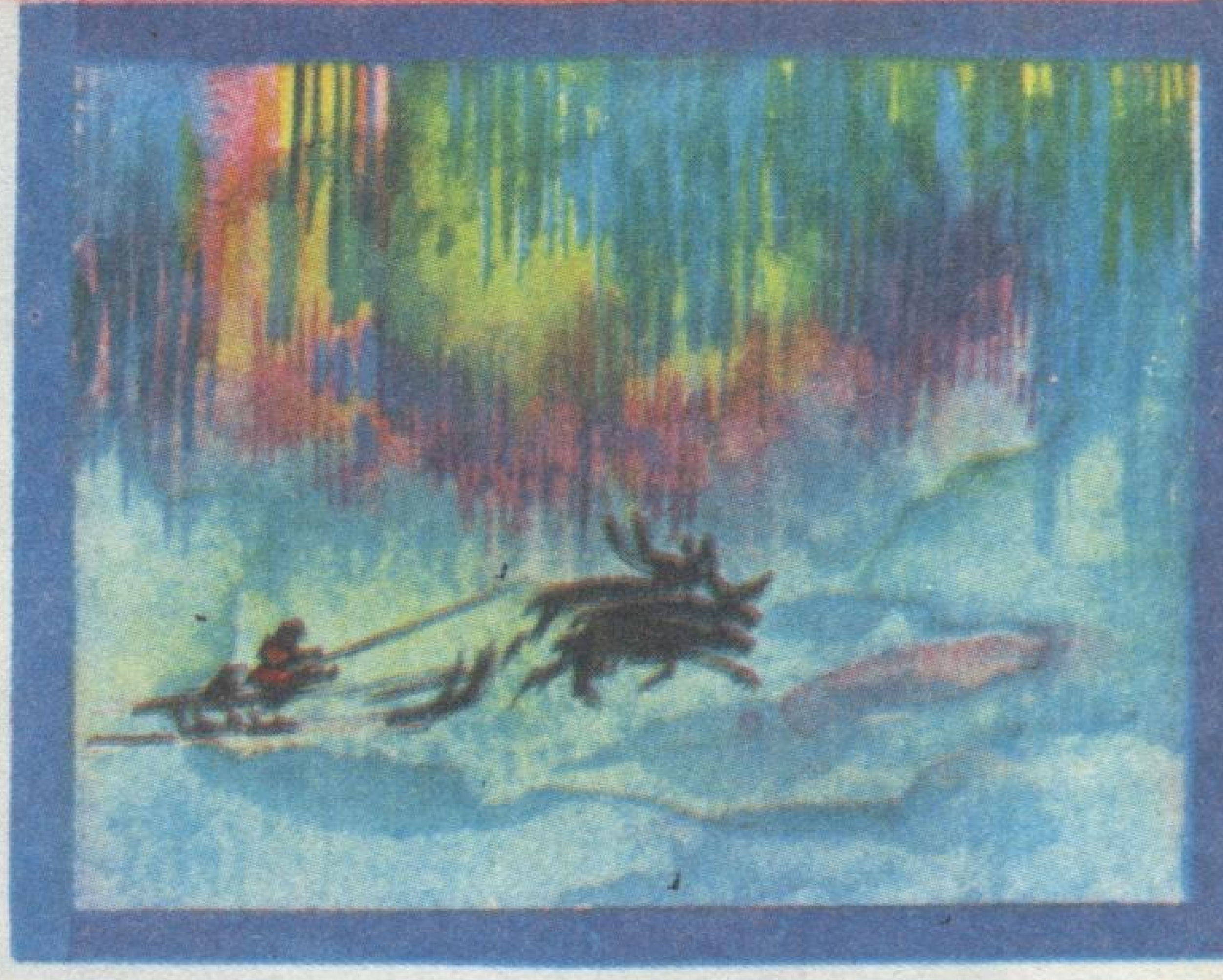
Читатели активно участвовали в операциях и конкурсах «Пионера». Они всегда рады встречам с Калинкой, с дедом Буквоедом, Живживкой и с другими обитателями «Ума палаты».

Больше всего ребятам понравились рисунки художников Е. Шабельника, Е. Медведева, С. Трофимова, А. Борисова, Б. Гуревича, А. Вовиковой и фотографии В. Постникова, Ю. Леонова, И. Кузьмицкого, В. Арсирия, В. Гусева.

Журнал благодарит всех, кто ответил на нашу анкету.

Редакция просит не дожидаться декабрьского номера, а, прочитав только что полученный, написать нам, что понравилось в нем, о чем еще хотите прочитать.





Для вас, ребята, издается 29 пионерских газет и более 40 детских журналов. 41,5 миллионов экземпляров — вот каков их разовый тираж.

Цена 25 коп.
Индекс 70694